

ПОЛОВИННЫЙ КОД

ТОТ
КТО
УМРЕТ

Салли
Грин

МИРОВОЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

ПОЛОВИННЫЙ КОД

ТОТ, КТО УБЬЕТ
ТОТ, КТО СПАСЕТ
ТОТ, КТО УМРЕТ

Салли
Грин

ПОЛОВИННЫЙ КОД
ТОТ, КТО УМРЕТ

Москва
2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Г85

Sally Green
HALF LOST

Copyright © Sally Green, 2016

Copyright © Half Bad Books Limited 2014. The author and
illustrator have asserted their moral rights.

All rights reserved

Разработка серии А. Саукова

Иллюстрация на обложке В. Коробейникова

Грин, Салли.

Г85 Половинный код. Тот, кто умрет / Салли Грин ;
[пер. с англ. Н. В. Екимовой]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 448 с. — (Салли Грин. Мировой
бестселлер).

ISBN 978-5-699-89837-4

Противостояние Альянса и Совета продолжается.

Более полусотни убитых Охотников не приблизили На-
тана ни к развязке этой кровавой войны, ни к исчезнувшей
Анне-Лизе, найти которую стало смыслом его жизни. Но
больше всего Половинный код беспокоят видения, что пред-
сказывают ему смерть в ближайшем будущем.

Верный друг Габриэль предлагает Натану бросить всё и
всех и сбежать.

Но ничто не может спасти Натана ни от этой войны, ни
от того, кем он стал...

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Н. Екимова, перевод на русский язык,
2016

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-699-89837-4

ООО «Издательство «Э», 2016

Памяти моего отца посвящается

Один и тот же человек бывает в свои разные возрасты, в разных жизненных положениях — совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То и к святому. А имя — не меняется, и ему мы приписываем все.

«Архипелаг ГУЛАГ».
Александр Солженицын

ПРОПАЛ, НО НЕ НАВСЕГДА

— Нам надо придумать пароль.

— Да? Это еще зачем?

— Затем, что в один прекрасный день ты вот так уйдешь и тебя убьют, а потом кто-нибудь из Охотников с даром превращения притворится тобой, придет в лагерь и убьет меня.

— Скорее уж они найдут лагерь, убьют тебя и станут поджидать, когда появлюсь я, насвистывая как ни в чем не бывало.

— Такое тоже возможно, хотя насвистывать как ни в чем не бывало — это не про тебя.

— Так что за пароль?

— Это должно быть не слово, а целая фраза. Произносить ее буду я, а ты должен будешь правильно ответить.

— Ага, точно. Давай я скажу: «Я насвистываю потому, что убил десять Охотников», а ты ответишь: «А я бы лучше вскарабкался на Эгер».

— Вообще-то я имел в виду такой вопрос, который я мог бы задать на самом деле.

САЛЛИ ГРИН

- Например?
- Тебя долго не было. Где ты пропадал?
- И каков ответ?
- Я пропал, но не навсегда.
- В жизни такого не скажу.
- И все же... Может, попробуешь? Просто чтобы убедиться, что ты ничего не перепутал?
- Нет.

Часть первая

Вопрос доверия

КАМНИ

В тот год, когда моему отцу исполнилось двадцать два, он убил тридцать два человека. Селия заставляла меня заучивать факты о Маркусе. Это один из них. До войны между Белым Советом Сола и Альянсом Свободных Ведьм столько людей за один год он не убивал больше никогда. Раньше я думал, что тридцать два человека — это очень много.

Когда Маркусу исполнилось семнадцать — в год его Дарения — он убил всего четверых. Мне все еще семнадцать. До Битвы при Бяловице — это был день, когда погиб мой отец, а с ним почти половина Альянса, день, который оставшиеся в живых называют теперь ББ, а чаще предпочитают вообще не вспоминать, — короче, до того дня я сам убил тридцать два человека.

После ББ прошло уже несколько месяцев, и мой счет перевалил за полсотни.

Точнее, на моем счету пятьдесят два человека.

Точность важна в таких вещах. Я, например, не считаю себя убийцей Пайлот — она все равно

умирала — и Самин тоже не в счет. То, что я для нее сделал, было милосердием. Убили ее Охотники. Застрелили в спину, когда мы убегали. А Маркус? Нет, он, конечно, тоже не среди этих пятидесяти двух. Потому что я его не убивал. Его убила она.

Анна-Лиза.

От ее имени мне хочется блевать. И не только от имени: от ее белых волос, голубых глаз и ее золотистой кожи. В ней все отвратительно, все фальшиво. Она говорила мне, что любит меня. И я говорил ей то же, но всерьез. Я правда любил ее. Вот чертов идиот! Это ж надо было, втюриться в кого-то из семейки О'Брайен! Она называла меня своим героем, своим принцем, а я, как последний тупица, который я и есть, хотел ей верить. И верил.

А теперь все, чего мне хочется, — это убить ее. Вспороть ей живот, выпотрошить ее всю, до последнего крика. Но даже этого мало; даже это далеко от того, что она со мной сотворила. Пусть бы она тоже узнала, как страшно сделать то, что из-за нее пришлось сделать мне. Вот если бы я заставил ее отрезать и съесть собственную руку или выколоть себе глаза и съесть их — это было бы хоть немного похоже на то, через что прошел я.

На моем счету пятьдесят два мертвеца. Но единственное мое настоящее желание — это до-

браться до нее. Пусть она станет пятьдесят третьей, и с меня хватит. Она одна, и я буду доволен.

— Только она одна.

Но я прочесал все поле сражения и весь наш старый лагерь. Я убивал всех Охотников, которые попадались мне навстречу — и тех, кто прибирал трупы, и тех, кого я выслеживал уже потом. И только ее не видел. Ни намека! Дни и недели я шел по каждому следу, не пропускал ни одной ниточки, обследовал каждый отпечаток на земле, и ни один из них не привел меня к ней.

— Пусто.

Я поднимаю голову и прислушиваюсь. Тишина.

Значит, звук мне слышался, а скорее, это опять я разговаривал сам с собой.

— Черт!

Анна-Лиза! Это все из-за нее.

— Чтоб ей сдохнуть. — Я поднимаю голову, оглядываюсь и кричу верхушкам деревьев: — Чтоб-ей-сдох-нуть!

А потом тихо сообщаю камням:

— Просто я хочу, чтобы она умерла. Перестала существовать. Я хочу, чтобы ее душа исчезла. Чтобы ее не было больше в этом мире, нигде. Никогда. Только и всего. Тогда я успокоюсь.

Я поднимаю с земли маленький камешек и говорю ему:

— Может быть. А может быть, и нет.

Маркус хотел, чтобы я убил их всех. Может быть, я смогу. Наверное, он знал, что я смогу, иначе не стал бы так говорить.

Я сгребая свои камни в кучку. Их пятьдесят два. Кажется, что это много — целых пятьдесят два, а на самом деле — ерунда, пустяки. Мой отец хотел, чтобы я убил еще больше. Да и с Анна-Лизой не сравнить — сколько из-за нее погибло народу. Больше сотни. Так что мне надо повышать ставки, если я не хочу отстать от нее в умении проливать кровь. Из-за нее чуть не перестал существовать весь Альянс. Из-за нее умер Маркус — единственный, кто мог в одиночку сдерживать нападение Охотников, единственный, кого они боялись. Но он не успел нанести им поражение, потому что из-за нее, из-за ее выстрела его больше нет, и Альянс едва не рухнул. А еще мне не дает покоя мысль о том, что она может оказаться шпионкой. Зря, что ли, Сол — ее родной дядя? Габриэль не доверял Анна-Лизе, он всегда твердил, что это наверняка она выдала Охотникам квартиру Меркури в Женеве. Я никогда в это не верил, но, может быть, он прав.

Раздается шелест, Габриэль выходит из-за деревьев. Он собирал хворост на растопку. Услышал, как я ору, наверное, вот и примчался. А теперь делает вид, будто и так уже шел назад,

бросает хворост, останавливается рядом с моими камнями.

Я не говорил ему, для чего они, а он не спрашивал, но, думаю, он и так знает. Я беру один. Он маленький, размером с ноготь моего мизинца. Они все маленькие, но каждый не похож на другие. Каждый — для одного из тех, кого я убил. Раньше я знал, какой камень кого представляет, не по именам, конечно, — какие у Охотников имена? — просто камни помогали мне запоминать встречи с ними, и как проходил бой, и кто как умер. Теперь я уже не запоминаю отдельных схваток; все они слились для меня в одно нескончаемое пиршество крови, но зато в моей кучке пятьдесят два камня.

Ботинки Габриэля поворачивают на девяносто градусов и секунду-другую стоят тихо, потом он говорит:

— Нам нужны еще дрова. Ты будешь помогать?

— Сейчас.

Ботинки пару секунд мешкают, потом разворачиваются еще на сорок пять градусов, стоят неподвижно — четыре, пять, шесть, семь секунд — и снова уходят за деревья.

Я вынимаю из кармана белый камень. Он овальный и чистый, без всяких прожилок: кварц. Гладкий, но не блестящий. Камень для Анна-Ли-

зы. Я нашел его у ручья однажды, когда искал ее. Тогда мне показалось, что это хороший знак. Что, может быть, я в тот же день нападу на ее след. Этого не случилось, но я все равно найду ее, когда-нибудь. И когда я ее убью, то не стану класть ее камень к другим, а выброшу. Чтобы его больше не было. Как и ее самой.

Может быть, тогда прекратятся и сны. Сомнительно, конечно, но кто знает. Мне часто снится Анна-Лиза. Случается, что сон начинается даже приятно, но длится это недолго. Иногда она стреляет в моего отца, в точности как во время ББ. Если мне везет, то я успеваю проснуться раньше, но иногда сон длится и длится, и тогда я как будто проживаю все заново.

Лучше бы мне снился Габриэль. Вот это были бы хорошие сны. В них мы вместе лазали бы по скалам, как раньше, и дружили бы, как тогда. Мы и теперь друзья; мы всегда будем друзьями, только сейчас все по-другому. Мы почти не разговариваем. Иногда он рассказывает о своей семье или о том, как он жил раньше, до всего этого, о том, что случалось с ним в горах, когда он лазал, или пересказывает какую-нибудь книжку... не знаю... что-нибудь такое. Он хороший рассказчик, только я дерьмовый слушатель.

На днях он рассказывал мне про один свой подъем где-то во Франции. Далеко внизу была

река, и было очень красиво. Я слушаю и представляю себе лес, по которому он шел; он описывает ущелье и реку на его дне, но я уже отвлекся и думаю о том, что Анна-Лиза на свободе. И тогда я замечаю, что одна часть меня твердит: «Слушай Габриэля! Слушай его рассказ!» Но другая часть хочет думать об Анна-Лизе, она возражает: «Пока он болтает, Анна-Лиза ходит где-то свободная». И мой отец умер, а я даже не знаю, где его тело, кроме, конечно, той части, которая во мне, ведь я съел его сердце, и это-то и есть самое ужасное: я тот человек, тот мальчишка, который ел своего отца, сижу рядом с Габриэлем, а он все болтает про какой-то дурацкий подъем и про реку, которую ему пришлось перейти вброд, чтобы подобраться к скале, а я думаю о том, что я ел собственного отца, он умирал, а я держал в руках кусок его плоти, а Анна-Лиза бродит где-то, свободная, а Габриэль болтает о своем подъеме, и разве это нормально? И тогда я говорю ему спокойно, как только могу:

— Габриэль, ты бы не мог заткнуться со своим гребаным подъемом? — Мне приходится говорить действительно очень тихо, потому что иначе я заору.

Тогда он делает паузу и отвечает:

— Конечно. А ты мог бы сказать хоть одно связное предложение без мата? — Это он поддразнивает меня, старается превратить все в шутку,

и я все понимаю, но почему-то злюсь еще больше, и говорю ему, чтобы он проваливал. Только я не просто говорю ему, чтобы он проваливал, а посылаю его по известному адресу, и потом уже не могу остановиться, меня несет, я осыпаю его всеми матерными словами, какие только знаю, а он пытается удержать меня, взять за руку, но я отталкиваю его и говорю, чтобы он уходил, иначе я за себя не отвечаю. И он уходит.

Когда он исчезает за деревьями, я успокаиваюсь. И тут же мне становится так легко, потому что я один, мне даже дышится в одиночку легче. Сначала я чувствую себя хорошо, но скоро, когда я уже совсем успокаиваюсь, я начинаю ненавидеть себя, потому что мне хочется, чтобы он был рядом, коснулся моей руки, хочется послушать продолжение его истории. Мне хочется, чтобы он поговорил со мной, хочется быть нормальным. Но я не нормальный. Я не могу быть нормальным. И все из-за нее.

Мы сидим рядом и смотрим в костер. Я твержу себе, что должен контролировать себя и говорить с Габриэлем. Разговаривать, как все нормальные люди. И слушать. Но я не могу придумать, что ему сказать. Габриэль тоже почти все время молчит. Злится, наверное, из-за камней. Я еще не сказал ему про те два, которые добавил вчера. И не хочу

говорить... об этом. Вместо этого я еще раз прохожусь ложкой по своей миске, хотя в ней давно уже ничего нет, я все выскреб. На ужин у нас был сыр и суп из пакета; жидкий, но все лучше, чем ничего. Я все еще хочу есть и знаю, что Габриэль тоже. Он страшно исхудал. Стал, что называется, доходягой. Помню, кто-то сказал так однажды про меня, давно. Мне тогда тоже все время хотелось есть.

Я говорю:

— Надо добыть мяса.

— Да, было бы неплохо, для разнообразия.

— Поставлю завтра силки на кроликов.

— Тебе помочь?

— Нет.

Он молча ворошит огонь в костре.

— Один я справлюсь быстрее, — добавляю я.

— Да, я знаю.

Габриэль продолжает заниматься огнем, а я опять выскребаю миску.

Это Трев назвал меня доходягой. Я пытаюсь вспомнить, когда это было, но не могу. Помню, как он шел по улице где-то в Ливерпуле, в руках у него был полиэтиленовый пакет. И тут же мне вспоминается одна девчонка, из фейнов, она тоже была там, и еще Охотники, они преследовали меня, но все это кажется таким далеким и ненастоящим, как в другой жизни.

Я говорю Габриэлю:

— В Ливерпуле я встречал одну девчонку. Из фейнов. Но крутую. У нее был брат, а у брата пистолет... и собаки. Или, может, не у него. Нет, точно, собаки были у кого-то другого. У брата был пистолет. Так она говорила, сам я его не видел. Короче, я приезжал в Ливерпуль на встречу с Тревом. Странный такой парень. Длинный и... не знаю, как сказать... тихий какой-то, и ходит, как будто скользит. Белый. Но ничего, нормальный. Он брал у меня образцы тканей с одной из татуировок, на лодыжке. Кровь, кожу, кость. Чтобы понять, для чего эти татуировки, что они делают. В общем, нас выследили Охотники, и нам пришлось бежать, но я обронил пакет с образцами, а когда вернулся за ним, его уже нашла та девчонка. И вернула мне, а я их потом сжег.

Габриэль смотрит на меня так, словно ждет продолжения истории. А я сам не знаю, что было дальше, но потом вдруг вспоминаю.

— Потом появились две Охотницы. Они нас чуть не сцапали, меня и Трева. Но та девчонка, которая с братом, она была с бандой фейнов, и они поймали Охотниц. А я ушел. Не знаю, что они с ними сделали. — Я смотрю на Габриэля и говорю: — Тогда мне и в голову не приходило убивать Охотников. А сейчас не пришло бы не убивать.

Габриэль отвечает:

— Сейчас война. Все стало по-другому.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

— Ага. Точно. — И я добавляю: — Тогда я был доходяга, а теперь ты.

— В смысле?

И тут я понимаю, что не сказал ему, с чего вдруг вспомнил все это, к тому же мы оба порядком отощали, да и объяснять ничего неохота, и я просто говорю:

— Ладно, проехали.

Мы сидим и смотрим в огонь. Единственное яркое пятно на много миль вокруг. Небо закрыто тучами. Луны нет. Я начинаю думать о том, где теперь Трев и Джим, его приятель. И вспоминаю, что это не Трев назвал меня доходягой, это Джим.

Габриэль говорит:

— Я ходил к Греторекс.

— Да, знаю. — Это он принес суп и сыр.

До лагеря Греторекс почти час ходу. Наверное, он сбегал, пока я пересчитывал камни, а на обратном пути набрал хворосту. Значит, я просидел там не один час.

— У них все по-прежнему, — говорит он. И это я тоже знаю.

Те члены Альянса, которые уцелели в Битве, живут сейчас в семи разных лагерях в разных концах Европы. Мы с лагерем Греторекс — небольшой группой бойцов — где-то в Польше. Только мы не совсем с ними. Я никого не хочу видеть. У меня свой лагерь. Все лагеря пронун-

мерованы. У Греторекс номер три. Значит, мой номер три Б или, скорее, три с половиной. Короче, Греторекс — старшая в своем лагере, она же отвечает за сообщение с Главным, где находится Селия, хотя сообщать ей, как я понимаю, особенно нечего. И потому все, что ей остается делать сейчас, это тренировать тех новобранцев, которые уцелели после резни, и надеяться, что их навыки когда-нибудь пригодятся.

Я видел их, когда был в прошлый раз в третьем лагере. Греторекс мне нравится, а вот ее подопечные не очень. Они на меня не смотрят — по крайней мере, когда я смотрю на них. Когда я не смотрю, их глаза так и шарят по мне сверху донизу, но стоит мне внезапно повернуться, как они разом обнаруживают на земле что-то безумно интересное.

Думаю, с моим отцом было так же. Никто не хотел смотреть ему в глаза. Но со мной это впервые. До ББ я был частью команды, меня окружали бойцы, я был тогда в паре с Несбитом, а Габриэль — с Самин, и мы тренировались с Греторекс и другими. Мы были хорошей командой. Мы смеялись, шутили, дрались, и ели, и разговаривали — все вместе. Мне не хватает этого чувства локтя, оно ушло и никогда не вернется, я знаю. Но Греторекс все так же отлично работает с новичками.

— Она хороший тренер, — говорю я.

— Кто, Греторекс?

— А о ком мы еще, по-твоему, говорим? — Сам не знаю, чего я вдруг взъелся.

— Ты должен как-нибудь сходить со мной в лагерь. Греторекс будет рада.

— Ага. Как-нибудь схожу. — Но мы оба знаем, что это значит «нет».

Я уже много недель не видел Греторекс и вообще никого, кроме Габриэля. Точнее говоря, кроме Габриэля и еще тех двух Охотников, но их я убил. Если подумать, я вообще привык убивать всех, с кем встречаюсь. Так что — пусть Греторекс радуется, что я не хожу к ней.

— Она хочет похвастаться перед тобой своими новыми ученицами. Они делают успехи.

Тут я уже совсем не знаю, как реагировать. Удивиться? Или сказать: «Хорошо». Или: «Какая, к черту, разница, все равно это ничего не изменит?»

В общем, я понятия не имею, что говорить.

Тут я вспоминаю кое-что и спрашиваю:

— Какой сегодня день?

Габриэль отвечает:

— Ты меня вчера спрашивал.

— И?

— Не знаю. Хотел спросить у Греторекс, да забыл. — Он поворачивается ко мне и задает вопрос: — А тебе зачем?

Я трясую головой. Мне все равно, какой сегодня день, просто я пытаюсь сохранить ясность мыслей, а дни так похожи один на другой и так быстро сливаются в недели, а может, и месяцы, что я чувствую, как у меня в голове все перемешивается. А мне необходимо сосредоточиться и не терять связи с реальностью. Вчера я убил тех двоих. Потом вернулся сюда, но мне уже кажется, что это было давным-давно. Надо сходить туда еще раз, проверить трупы. За мертвыми Охотниками наверняка придут другие, их товарищи. Может, мне повезет поймать кого-нибудь из них живьем и расспросить. Вдруг они знают что-нибудь об Анна-Лизе. Если она шпионка, то наверняка уже вернулась к Солу; может быть, Охотники ее видели.

Я ложусь на спину и прячу лицо в сгибе локтя.

Я не говорю Габриэлю про тех двоих потому, что он скажет Греторекс, и она сразу перенесет лагерь, а мне надо еще проверить тела. Но сначала надо поспать. С тех пор как умер Маркус, я сплю очень мало. Надо поспать, а уж потом идти проверять Охотников. Или оставить их на послезавтра? А завтра сделать вылазку на юг. Посмотреть, нет ли там следов Анна-Лизы, потом вернуться сюда, а уж потом пойти к телам. И раздобыть еды наконец. Значит, решено: завтра юг и силки для кроликов, послезавтра мертвые Охотники, а если повезет, то и живые.

Вдруг я понимаю, что вижу изнанку собственной руки; глаза у меня до сих пор открыты. Надо научиться закрывать их, когда ложусь. Надо спать.

Мы сидим на скале бок о бок, свесив ноги с края. Падают листья. Загорелая коленка Анна-Лизы совсем рядом с моей. Она протягивает руку за падающим листом, ловит его и прихватывает мой рукав. Повернувшись ко мне, она подносит лист к моему лицу и, когда я смотрю на нее, ловко приклеивает его мне на нос. Ее глаза сверкают, серебристые искорки в них взвихряются и падают. Кожа у нее гладкая, бархатистая, и мне так хочется ее потрогать. Я тянусь вперед, но не могу сдвинуться с места, а надо мной оказывается Уолленд, который говорит: «Ощущение может показаться немного странным» — и прикладывает к моей шее что-то металлическое, и я тут же оказываюсь на коленях посреди леса, передо мной на земле лежит отец, из его живота течет кровь. Я держу Фэйрборн и чувствую, как он вибрирует в моей руке, до того ему не терпится продолжать. Моя правая рука лежит на плече Маркуса, я чувствую ткань его куртки. Он говорит:

— Ты сможешь. — И мы начинаем. Первый же удар рассекает его рубашку вместе с плотью,

второй проникает дальше, глубже. За ним следует третий, еще более глубокий, он режет ребра, как бумагу. Кровь заливает грудь Маркуса и мои руки, она горячая, но быстро стынет. Я сжимаю его сердце в ладони и чувствую его последний удар у меня в горсти, когда я склоняюсь над ним. Впиваюсь зубами. Кровь брызжет мне в рот. Я давлуюсь, но глотаю. Делаю еще укус и гляжу в глаза Маркусу, а он глядит в глаза мне, пока его кровь наполняет мне рот.

Я просыпаюсь, давясь кашлем, с меня льет пот. Габриэль подползает ближе и обнимает меня. Я прижимаюсь к нему. Он ни о чем не спрашивает, только держит меня обеими руками, и это хорошо. Мы лежим так долго, наконец он говорит:

— Ты можешь рассказать мне о том, что происходит в твоих снах?

Но я не хочу даже думать о них. А уж говорить и подавно. Габриэль знает, что я сделал, что мне пришлось сделать, чтобы забрать дары моего отца. Габриэль видел меня потом, окровавленного с головы до ног, но, по крайней мере, он не видел, как я это делал. Он считает, что если я расскажу ему, как все было, мне станет легче, но я-то знаю, что ни черта это не изменит, — что сделано, то сделано, — только он будет знать, до чего это было мерзко и...

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

— Натан, поговори со мной, пожалуйста.

И он добавляет:

— Это ведь был сон, да? Ты же поделишься со мной, если это будет видение?

Я отталкиваю его. Зря я рассказал ему, что у меня начались видения.

ТРЕНИРОВКА

Утро. Я бегу назад, к лагерю. Чувствую себя неплохо. Сделал большую пробежку: начал еще в темноте, сразу после кошмара, когда Габриэль стал приставать ко мне с расспросами, и бегал несколько часов подряд. Бег всегда идет мне на пользу. На бегу можно сосредоточиться на лесе, на деревьях, на земле, подумать. И потренировать свои дары.

Я становлюсь невидимым. Пока это дается мне лучше всего остального, хотя и не без труда. Сначала надо представить себя прозрачным, представить, что я растворяюсь. Потом сделать вдох и сосредоточиться на воздухе внутри себя. Я могу оставаться невидимкой до тех пор, пока думаю о воздухе.

А еще я могу пускать молнии из рук. Для этого мне нужно сильно хлопнуть в ладоши, так, словно я ударяю камнем о камень, чтобы высечь искру. В первый раз у меня и вышла всего лишь искра,

зато теперь я могу посылать настоящие разряды до десяти метров длиной.

Дышать огнем я научился совсем недавно. Для этого надо щелкнуть языком о небо и выдохнуть. Это не самое мощное мое оружие, и я не могу дышать огнем, когда думаю о воздухе. Но все равно — это полезный дар.

Я каждый день тренирую эти новые для меня навыки и каждый день ищу в себе другие способности отца. Он умел двигать предметы силой мысли, полностью изменять свою внешность, как Габриэль, заставляя расти или увядать растения, исцелять других, гнуть железо и создавать проходы в пространстве. Все это замечательные свойства, но замечательнее всего был его дар останавливать время. Я уверен, что теперь они все у меня. Было бы странно, если бы я получил всего один его дар. Куда же тогда девались бы остальные? Нет, они все во мне, только я пока не знаю, как до них добраться. Я видел, как отец останавливал время, когда умирал, и особенно много работаю над этим, но ничего пока не выходит. А ведь этот дар нужен мне больше всех других. Чего бы я с ним только не сделал! Но я его пока не нашел. Зато другой дар — видеть будущее, который мне вообще не нужен, является ко мне незванным, хочу я того или нет.

Видения — это скорее проклятие, чем дар. Они мне всю жизнь испоганили. Испоганили мои отношения с отцом, вообще все. Я гадаю, как могла бы сложиться моя жизнь, если бы отцу не было видения, что я зарежу его Фэйрборном. И ведь так оно и получилось, причем по его воле, хоть он и избегал меня все семнадцать лет. Так что, единственным результатом его видения было мое детство, которое я провел без него, не зная его, в плену у Белых Ведьм. А потом я сбежал от них, мы с отцом встретились, и через несколько месяцев после нашей встречи его видение сбылось. Без него отец вряд ли оставил бы меня у бабушки; он предпочел бы, чтобы я жил с ним. Семнадцать лет разлуки, и все из-за какого-то видения. Но страннее всего то, что я вряд ли сделал бы то, что сделал, если бы не знал про видение, если бы отец сам не сказал мне, что видел, как я съем его сердце и заберу его дары.

Видения не похожи на сны. Начать с того, что они приходят, только когда я не сплю и надвигаются, словно туча, закрывая свет, делая все вокруг холодным и тусклым, и хотя я всегда знаю, что сейчас будет видение и что я его не хочу, остановить его так же не в моей власти, как затормозить облако, которое вот-вот закроет солнце.

И, конечно, любое видение, когда его увидишь, уже не развидишь: его нельзя забыть.

Видение было мне уже раз шесть или семь, и с каждым разом оно все подробнее. Вот я стою на краю леса, позади меня деревья, впереди — луг, солнце близится к горизонту. Льется золотой свет, вокруг красота и покой, я оборачиваюсь и вижу Габриэля, который стоит между деревьями. Он машет, точно зовет меня к себе; я в последний раз оглядываюсь на луг, поворачиваюсь к нему спиной и тут же взлетаю в воздух.

Вот что я увидел в первый раз и что рассказал Габриэлю. Но теперь я знаю больше. В моем видении сквозь лес от меня уходит кто-то темный. Габриэль держит в руках пистолет. Я лечу по воздуху спиной вперед — я помню это ощущение полета, — но потом падаю навзничь, вижу над собой небо с верхушками деревьев, знаю, что меня подстрелили, а потом все становится черным. На этом видение обрывается.

По моим подсчетам, все длится минуты две, не больше, а когда кончается, то мой живот обжигает болью, и судороги сводят меня так, будто все это происходит на самом деле. Я знаю, что это серьезное видение, иначе оно бы ко мне не приходило, да и, сказать правду, нет ничего хорошего в том, чтобы получить пулю в живот, и все-таки я не понимаю. Почему Габриэль манит меня туда, откуда прилетает пуля? И вот тут возникает второй вопрос, самый главный, который я стараюсь себе не

задавать. Неужели это Габриэль в меня стреляет? Но ведь я знаю, что он никогда этого не сделает, — он же меня любит — и уже по одному этому видно, какая дрянь все эти видения. Против воли начинаешь верить в них, а не в то, что есть на самом деле.

Я возвращаюсь в лагерь и падаю у костра на землю. И тут же удивляюсь: зачем я вернулся? Я же хотел бежать на юг, ставить ловушки на кроликов, но только теперь вспомнил об этом.

— Тебя давно не было. Где ты пропадал? — спрашивает Габриэль, подходя ко мне.

Только его мне и не хватало, с его дурацкими паролями.

Я говорю:

— Ты все перепутал. Ты должен сказать: «Тебя долго не было», а меня не было всего несколько часов, так что все это пустая затея.

— Я стараюсь придерживаться духа, а не буквы.

— Будь я Охотник, ты бы уже умер.

— А ты прямо из кожи вон лезешь, чтобы этот вариант казался мне предпочтительным.

Я посылаю его подальше.

Он переступает с ноги на ногу, подбрасывает носком ботинка комок грязи. Я достаю Фэйрборн и мой точильный камень и беру за дело.

Габриэль присаживается рядом со мной на корточки.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

— Ты делаешь это с какой-то целью?

— Хочу пойти оглядеться. Проверить, как дела.

Я смотрю на него.

— У меня такое чувство, что мне сегодня повезет. Может, Охотников встречу.

Я знаю, что хотел сегодня заняться кроликами, а Охотниками — завтра, но передумал. Теперь я хочу вернуться к мертвым Охотникам и посмотреть, не появлялись ли там живые.

— Нам нужна еда. Ты говорил, что поставишь силки.

— Заодно и поставлю.

— Да? Правда? А вдруг ты опять исчезнешь на несколько дней, а меня оставишь тут гадать, жив ты или умер?

Я продолжаю точить нож.

Габриэль протягивает руку, его пальцы ложатся на мое запястье.

— Поговори со мной, Натан. Пожалуйста.

Я перестаю точить нож и смотрю ему прямо в глаза.

— Я же говорю. Я сделаю то и другое.

Но Габриэль качает головой.

— Почему ты не расскажешь мне, что происходит?

— Ты и так знаешь, Габриэль. Я пытаюсь найти ведьму, которая убила моего отца. Но она как

сквозь землю провалилась. Хорошо то, что в поисках ее я встречаю Охотников, которых убиваю. Их кругом много. Места кругом тоже немало, это большая страна, но я все равно нахожу их и убиваю.

— Ты правда веришь, что сможешь убить их всех?

Это честный вопрос, но мне почему-то кажется, что он задает его потому, что сомневается в моей нормальности, а не в моих способностях.

Я улыбаюсь в ответ и старательно изображаю полного придурка.

— Мой отец, похоже, в это верил.

Габриэль качает головой и отворачивается от меня со словами:

— Иногда мне кажется, что ты просто ищешь смерти.

Иногда мне и самому так кажется, и только в бою я перестаю сомневаться. Наоборот, именно тогда я особенно ясно понимаю, что отчаянно хочу жить.

Габриэль продолжает:

— Нападая на них, ты каждый раз рискуешь жизнью. Они же могут убить тебя, Натан.

— Я становлюсь невидимым. Когда они узнают, что я рядом, бывает уже поздно.

— Все равно, тебя могут подстрелить. Пулям ведь все равно, видимый ты или нет, и просто чу-

до, что этого до сих пор не случилось. Ты забыл, как чуть не умер от охотничьей пули в Женеве? От яда, который в ней был. Рана...

— Я соблюдаю осторожность. И я лучше их. Намного.

— Они тоже могут становиться невидимками. Могут...

— Говорю тебе, я осторожен.

Габриэль хмурится.

— Дело не только в тебе. Каждое твое нападение привлекает сюда все новых Охотников, и они все ближе подбираются к нам и Греторекс, подвергая опасности всех.

— Греторекс для того и тренирует свой отряд, чтобы встречать опасность лицом к лицу, хотя, помнится, последние два раза мы переносили лагерь без всяких столкновений, и убивал я один, так что руки в крови у меня одного. А им бы только тренироваться и прятаться, и...

— Ты же знаешь, что это неправда.

— Про меня тоже говорят много неправды.

Мой палец скользит по лезвию Фэйрборна, выступает кровь. Я сосу палец и заживляю порез раньше, чем успеваю убрать точильный камень в карман, а Фэйрборн — в ножны.

— Натан, смерть еще пары-тройки Охотников не изменит исход войны. И вообще ничего не изменит.

— Скажи это тем, чьи кишки я выпущу.

— Ты не хуже меня знаешь, что Охотники в большинстве своем просто дети. Сол обманом втянул их в эту войну. Мы воюем не с ними — мы воюем с Солом. Он заправляет в Совете Белых Ведьм; он нанял Уолленда с его извращенной магией. Это с ними тебе надо драться. Сол и Уолленд начали войну, и только их смерть положит ей конец.

— Ничего, я и до них скоро доберусь. Считаю, что сейчас я просто тренируюсь. Когда я овладею всеми дарами моего отца, то буду готов выступить против Сола.

— А пока ты будешь тренироваться на подростках.

Я становлюсь невидимым, вынимаю из ножен Фэйрборн и появляюсь снова совсем рядом с Габриэлем, приставив острое ножа к его горлу.

— Они Охотники, Габриэль. Они выбрали сторону Сола, чтобы охотиться и убивать нас, а я буду охотиться на них и убивать их. Всех, если придется. Молодых и старых. Новичков-рекрутов и закаленных ветеранов. Они вступили в их ряды. Они сделали свой выбор, а я делаю свой.

Габриэль ударяет меня по руке, Фэйрборн падает.

— Не тычь в меня этой штукой. Я не враг тебе, Натан.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

Я посылаю его подальше.

— Это все, на что ты способен? — Габриэль делает шаг назад и наступает на мою кучку камней. — Убивать и ругаться? — Он смотрит на камни. — Сколько еще камней ты хочешь сложить в эту кучу, Натан? Целю гору? — Габриэль ударяет по ним ребром ботинка. — Думаешь, тогда тебе станет легче? И ты снова будешь спать по ночам?

— По мне, чем Охотников меньше, тем лучше. А что до сна, то ты и так знаешь, что хуже уже некуда. — И я припечатываю свой ответ самыми грязными ругательствами, какие только знаю.

Я подхватываю рюкзак, Габриэль тянется ко мне, чтобы удержать, но я стряхиваю его руку и быстрой рысью выбегаю из лагеря. Не оглядываясь.

ПРИМИТИВНАЯ ЛОВУШКА

В этот раз на бегу я думаю об Анна-Лизе. Представляю, что гонюсь за ней, преследую ее по пятам. Я и так могу бежать часами без остановки, но с мыслями о ней время летит еще быстрее. Но нет, нельзя слишком долго думать об Анна-Лизе. Нельзя потакать себе: надо сосредоточиться на охоте за Охотниками. Габриэль прав в одном: это действительно опасно, и, как бы хорош я ни был, им все же может повезти. Значит, чтобы удача мне не изменяла, я должен все время совершенствоваться. Я должен становиться еще лучше, еще стремительнее, еще сильнее. Мне надо знать все свои слабые стороны. Этому меня учила Селия. «Учись на своих ошибках, но всегда знай, что твои враги будут делать то же самое». Вот почему каждый раз, нападая на новую группу Охотников, я улучшаю контроль над своими новыми дарами.

Я должен тренироваться, и я делаю это сейчас, на бегу: становлюсь невидимым; посылаю молнию сначала левой рукой, потом правой; выдыхаю

огонь. До сих пор единственным даром отца, которым я пользовался в бою с Охотниками, была способность становиться невидимым, но в последний раз пуля все равно оцарапала меня — Габриэлю я об этом не говорил. Несколько часов ушло потом на то, чтобы выгнать из царапины яд. Зато я извлек из этого опыта урок, так что Селия была бы довольна. Все дело в том, что я медленно двигался. Задержался на одном месте на полсекунды дольше, чем следовало. Больше такое не повторится. К тому же теперь я могу метнуть молнию, оставаясь невидимым, поэтому мне даже не надо приближаться к врагам. Правда, разряд выдаст им, где я, следовательно, придется учиться делать все на бегу. Я посылаю разряд левой ладонью, падаю на землю и перекатываюсь вправо, одновременно посылая другой ладонью второй разряд.

И еще раз. Быстрее и сильнее.

Еще.

Пока светло, я бегу, а когда темнеет, разбиваю у реки лагерь. В смысле, останавливаюсь и ложусь на землю. Я голоден. Вчерашние суп и сыр я сблевал ночью, после кошмара, а больше есть было нечего. Но прежде чем думать о еде, я должен сделать еще одну вещь: попытаться остановить время. Я вспоминаю, как это делал Маркус: он тер ладонью о ладонь по кругу, с каждым оборотом все плотнее прижимая их друг к другу. Я делаю

то же самое и представляю, как все вокруг меня замедляется и постепенно останавливается. Лес так тих, что я задерживаю дыхание, чтобы понять, удалось мне наконец или нет. Но понимаю, что нет: когда время замирает, тишина стоит совсем другая. Жаль, я не спросил отца, как он это делал. Я его о многом не спросил. Но сильнее всего я жалею о том, что мы так мало были вместе.

Золотое кольцо, его подарок, у меня на пальце, я подношу его к губам и целую. Мы и правда провели вместе очень мало времени, зато оно было замечательным. Я учился у отца. С ним я впервые превратился в орла, и мы вместе летали, вместе охотились. Те несколько дней были для меня бесценны. Когда мы с ним были рядом, молча сидели бок о бок, мне казалось, будто я знаю его, а он знает меня.

Я еще раз пробую остановить время, но ничего не выходит, а мне надо поест. Надо превратиться, стать зверем. По крайней мере, этот дар, мой собственный, данный мне от рождения, приходит ко мне легко, но я редко пользуюсь им сейчас. Я уже не боюсь его, как раньше, хотя знаю, что он переносит меня совсем в другую жизнь. Зверю нет никакого дела до людей, ему наплевать и на отца, и на Анна-Лизу. Помню, когда я еще только учился превращаться, я кричал на зверя, требовал, чтобы он слушался меня, чтобы он понимал. На

самом деле это я должен его слушаться, я должен его понимать. Теперь я уважаю его, моего зверя, мое второе я. Да, он быстр, дик и беспощаден, но он живет в согласии с миром и с собой.

Мне не надо раздеваться, чтобы превратиться. Я встаю, делаю глубокий вдох, представляю волка и...

Мы — мой зверь и я — поймали барсука. Нормально поели. Потом я часа четыре поспал. Крепко, без снов. Так что теперь я бегу дальше уже как человек, тренирую на ходу мои дары и чувствую себя прекрасно: мой бег стремителен, реакции быстры. Солнце заходит уже за полдень, когда я достигаю наконец того места, где убил Охотников. Я замедляю шаг и обхожу поляну кругом.

Земля на ней ровная. Вокруг старые деревья, под которыми ничего не растет. Поляна возникла естественным путем: просто упало большое дерево, прихватив с собой пару других, помоложе; три ствола до сих пор лежат посередине. Это произошло недавно, может быть, осенью; сейчас зима, и, наверное, поэтому поляна кажется такой просторной, светлой, но и холодной. Трупов Охотников на ней нет.

Выходить на поляну я не спешу. Вместо этого я обхожу ее кругом, держась совсем близко, но так, чтобы от открытого пространства меня всегда

отделяло хотя бы одно дерево — на всякий случай. Я замыкаю круг, так ничего и не обнаружив. Я уверен, что поблизости никого нет. Почти уверен. На девяносто пять процентов.

Теперь я медленно и тихо, так, чтобы ни один прутик под ногой не треснул, выхожу на поляну и приближаюсь к тому месту, где раньше лежали трупы. Кругом множество отпечатков, но это следы не тех, кого я убил, а живых Охотников; они ведут с поляны, в сторону Севера. Значит, тела забрали. Судя по отпечаткам, Охотников было больше двух, но меньше восьми — то есть шестеро или четверо, они ведь всегда работают парами. Но, честно говоря, я не очень хорошо читаю по следам, так что это просто догадка. И, уж конечно, моих навыков не хватит, чтобы сказать, когда именно были оставлены эти следы, но, судя по тому, что мертвые Охотники лежали здесь три дня, их унесли недавно. Совсем недавно.

Я пробую идти по следу, но скоро теряю его, возвращаюсь туда, откуда начал, пробую опять. И вдруг замечаю поверх отпечатка ботинка еще один след. Он совсем другой — скорее от кроссовки, чем от тяжелого охотничьего сапога. Мое сердце начинает бешено колотиться.

Анна-Лиза?

Дурацкая мысль. Что она тут забыла? Шансов, что это может оказаться она, один на миллион.

Но даже это больше, чем никаких шансов.

Я иду по охотничьему следу, но теперь не упираюсь в него взглядом, а беру шире и вскоре замечаю еще похожие отпечатки. Теперь я стараюсь идти по ним, но получается не так быстро. Нельзя торопиться, иначе упустишь что-нибудь, да и следы попадают нечасто. Невероятно, но факт — я жалею, что рядом нет Несбита. Он лучший следопыт Альянса, но его вечно днем с огнем не сыщешь, когда он нужен.

Я иду по следу весь день, пока солнце не начинает клониться к западу. В сумерках я теряю из виду отпечатки, но мне они больше не нужны. Глядя со склона невысокого холма вниз, в ложбину, я замечаю кое-что получше: между деревьями поднимается вверх тоненькая струйка дыма.

Неужели они так уверены в себе, что решили даже развести костер?

Или это ловушка.

Голос Селии в моей голове говорит:

— Охотники никогда не выдадут себя так близко к тому месту, где погибли двое их товарищей.

Сколько их, я наверняка не знаю. К тому же они могут становиться невидимками, спасибо Уолленду и его магии. В первый раз они воспользовались этим при ББ, и многие Охотники из тех, что я убил с тех пор, тоже обладали этим даром.

Но я тоже так могу. И я хочу проникнуть в их лагерь. С ними кто-то есть. Я уверен. Может быть, даже Анна-Лиза. И вполне вероятно, что их всего шесть, не больше. А с шестью я справлюсь.

Шестеро плюс Анна-Лиза. Если они нашли ее, то ведут назад как пленницу. А может быть, и нет. Может, она у них теперь героиня: как же, застрелила Маркуса, и, кто знает, вдруг Габриэль не ошибся, и она с самого начала была шпионкой. Может быть, именно она рассказала Охотникам про квартиру в Женеве и проход к коттеджу Меркури.

Так что я должен взглянуть на нее поближе.

Медленно и бесшумно я спускаюсь вниз, в ложбину, и подхожу к лагерю, петляя между деревьями. Местами земля совсем голая, а местами путь мне преграждают молоденькие деревца и заросли ежевики. Уже в полной темноте я наконец оказываюсь рядом с лагерем, и как только далекий свист мобильных у меня в голове превращается в треск, я становлюсь невидимым и тихо иду дальше.

Вдруг я вижу первую Охотницу, она на посту. Минуту-другую я наблюдаю за ней. Она стоит к лагерю спиной и смотрит в сторону леса.

Если их всего шесть, то четверых они, скорее всего, выставили в караул, а еще двое сейчас отдыхают, едят, а может быть, и спят.

Я пачусь назад и начинаю обходить лагерь по кругу: ишу вторую Охотницу на карауле. Нахожу ее на краю небольшой полянки. Значит, их двое, как я и думал. Я уже возвращаюсь к первой, как вдруг уши мне режет громкий свист мобильного телефона. Третья Охотница! Но я ее не вижу. Значит, невидимка.

Итак, их трое. Но я еще не обошел весь лагерь, так что я продолжаю путь и вдруг — кто бы мог подумать? — снова слышу свист: еще одна Охотница в дозоре. Тоже невидимка. И того — четверо.

Я прохожу мимо нее и возвращаюсь к первой, той, которая видима. Недалеко от нее я нахожу удобное место для наблюдения и сам становлюсь видимым. Примерно через час слышу шаги — к первой Охотнице со спины подходит другая, она идет от лагеря, значит, уже пятая. Она старше других. Подойдя к первой, она что-то тихо ей говорит. Та кивает и идет назад, в лагерь. Я не вижу ни дыма, ни языков пламени от костра, но думаю, что до него метров тридцать, не больше. В каждом движении старшей Охотницы чувствуется расслабленность: это не лень, а уверенность человека, которому все происходящее не в новинку. Уже за полночь, она наверняка устала, как собака, но ведет себя профессионально: окидывает местность вокруг внимательным взглядом, на секунду

задерживаясь на мне, и у меня начинается бешено колотиться сердце. Неужели увидела?

Я замираю. Нет, не могла она меня увидеть. Я же ничем себя не выдал. Сажу в кустах, за деревьями, меня не видно, хоть я и не невидимка. Здесь и надо оставаться. Любое движение может меня выдать. Даже невидимым становиться нельзя: какая-нибудь тень ляжет не так, и это привлечет ее внимание.

Мне начинает казаться, что я дышу слишком громко, и я усилием воли успокаиваю дыхание.

Жду.

И она отводит глаза. Медленно и методично осматривает местность вокруг, но меня явно не видит. Значит, взглянула в мою сторону случайно.

Надо решить, что делать. Охотниц в карауле четверо. Значит, всего их шесть, хотя, может, и больше. Они знают, что кто-то убил их друзей. По следам они наверняка поняли, что убийца был один и действовал ножом. Сообразят ли они, что это был я? Селия наверняка сейчас хлопнула бы себя ладонью по лбу и воскликнула:

— Ну, конечно, сообразят, они же не дуры!

А значит, они будут надеяться, что я еще вернусь. Значит, это ловушка. И снова в моей голове раздается голос Селии:

— Ты что, совсем спятил?! Две видимые, две невидимые. Конечно, они хотят, чтобы ты думал, что их меньше, чем на самом деле.

В общем, ловушку они подстроили, конечно, примитивную, но все же это ловушка. Причем единственное, чего они обо мне, кажется, не знают, это то, что я чувствую их мобильные телефоны.

А что они обо мне знают? Знают, что я съел сердце отца; тело-то у них, так что они наверняка догадались. Значит, знают и то, что я получил все его дары. Какие у него были дары, им тоже известно, правда, пока они еще не знают точно, что из них я освоил, а что нет. Но наверняка не сомневаются, что рано или поздно я освою все. А значит, в их интересах меня поймать, причем лучше раньше, чем позже. А еще лучше убить. То есть это наверняка ловушка.

Но кто же играет в ней роль наживки? Неужели Анна-Лиза? Возможно, они знают, что я ее ищу. Может, даже решили, что я хочу ее спасти. Наверное, они захватили ее после битвы.

Если это ловушка, то мне надо уходить. А вдруг это все же Анна-Лиза...

Я уже много месяцев ее ищу. И не могу упустить такой шанс.

Значит, выбор у меня такой...

Вариант первый — уходить. Вернуться к Греторекс и привести сюда ее команду — пусть наконец потренируются на живом противнике. Если поднажмем, то через два дня их нагоним. Это вполне возможно. Но возможно и то, что Охотники скроются, а с ними исчезнет и Анна-Лиза — если это, конечно, она. Да и Греторекс может не согласиться сюда пойти. Скорее всего, так и будет: скажет, что это слишком рискованно, и велит перенести лагерь.

Вариант второй — все разведать, но не нападать. Проверить, с ними ли Анна-Лиза. Это хорошая мысль. Невидимкой я могу пробраться в лагерь, рассмотреть там все, что мне нужно, и выйти обратно. Если это не Анна-Лиза, я вернусь за Греторекс. Или просто уйду и не вернусь. А если Анна-Лиза...

Вариант третий — напасть. Мне еще никогда не приходилось атаковать больше четырех Охотников сразу. Они, конечно, могут превращаться в невидимок, но наверняка предпочтут не делать этого в ближнем бою, из боязни перестрелять друг друга. Так что я всегда смогу убить пару-тройку и скрыться. Если их окажется слишком много, я сбегу, и пусть тогда отслеживают меня по лесу, а я буду убирать их по одиночке. До сих пор я только раз встречал такую быстроногую Охотницу, которая чуть не догнала меня однажды. Но

ПОЛОВИННЫЙ КОД ТОТ, КТО УМРЕТ

если это ловушка, то этих Охотниц наверняка выбрали за какие-то особые способности, которые они могут использовать против меня, а я не знаю, какие именно. Больше всего на свете я боюсь только одного: высокочастотного шума, который умеет издавать Селия. Против него я безоружен, он делает меня уязвимым, так что я не уверен даже, смогу ли остаться невидимым, если на меня подействуют чем-то подобным.

Значит, вывод такой: атака — безумие; разведка — большой риск; уход — единственная разумная перспектива.

Так тому и быть. Решение принято. Я атакую.

ВАРИАНТ ТРЕТИЙ

Я, может, и псих, но точно не самоубийца, а потому планирую свое нападение на самый темный и глухой час ночи — атака будет скорее партизанская, чем героическая. Несколько часов я жду, от холода у меня начинают неметь руки, мне это совсем не нравится, и я осторожно отхожу подальше от лагеря, бегаю минут десять, чтобы согреться, а потом снова возвращаюсь в зону видимости. Я знаю, с чего начну: уберу караул по одиночке, тихо и незаметно. Конечно, будет трудно, ведь две из них — невидимки, но кому нужны легкие задачи? Покончив со стражей, я войду в лагерь и разберусь с теми, кто внутри. Двигаться придется быстро, но спокойно. «Будь профессионалом и не теряй головы», — сказала бы на моем месте Селия. «Убивай быстро», — мой девиз.

Вернувшись на свой наблюдательный пункт между деревьями, я смотрю на первую Охотницу. Опытная, наверняка хороший боец. Значит, нельзя дать ей ни шанса.

Я делаю глубокий вдох, представляю себе воздух, прозрачный и чистый, проверяю, невидим ли я, а затем подхожу к ней осторожно, чтобы не издать ни одного звука. Вот я уже совсем близко. Фэйрборн в руке. Охотница прямо напротив, ее взгляд проходит меня насквозь. Я делаю еще шаг и чиркаю ей ножом по горлу, свободной рукой обхватывая ее тело. Она пытается меня ударить, ее губы движутся, но вместо слов с них срываются капли крови.

Осторожно, как спящего ребенка, я опускаю ее на землю, а сам все время прислушиваюсь. Все тихо, я бегу к деревьям, где сидит другая Охотница — невидимка, и замедляю шаг, только заслышав треск ее телефона. Звук громкий, но вычислить по нему, где она, я не могу. Я останавливаюсь, прислушиваюсь, надеюсь уловить еще что-нибудь: дыхание, неосторожное движение, что угодно. Ничего, только трещит телефон.

Я осторожно делаю шаг вперед. Вокруг темно, но я все же могу разглядеть у себя под ногами потоптанный папоротник и ее следы на нем. Я делаю еще один крошечный шаг, протянув вперед руки, и мне помогает Фэйрборн. Он чувствует ее. Хочет ее крови.

Я позволяю ему направлять мою руку. Нож едва не вырывается из моей хватки, так он напряжен, и я понимаю, что до нее считанные миллиме-

тры. Тогда я отпускаю Фэйрборн, и он, пролетев эти миллиметры по воздуху, входит ей прямо в грудную клетку. Нож так остер, что прорезает сразу и куртку, и кожу, и даже кость почти не замедляет его движения, теплая кровь брызжет мне на пальцы, правой рукой я быстро нашариваю рот Охотницы и зажимаю его, чтобы не дать ей закричать, а другой тяну Фэйрборн вниз, разрывая материю и плоть. Скользкие, горячие кишки вываливаются мне на левую руку. Теперь Охотница уже видима, она корчится на земле, а я стою рядом с ней на коленях и обеими руками зажимаю ей рот и держу челюсть, чтобы она не завизжала. Она совсем молодая, ей лет двадцать пять, не больше.

Я вытираю руки ее одеждой, очищаю Фэйрборн и рискую на несколько секунд стать видимым, так как теперь мне надо двигаться быстрее. До сих пор я двигался очень медленно, и она вскрикнула — негромко, но достаточно для того, чтобы другие насторожились, если, конечно, они хоть на что-то пригодны. Нельзя допустить, чтобы они разбудили весь лагерь.

Мне надо туда.

Я иду так быстро и тихо, как только умею. Огонь в костре почти прогорел, но светит еще достаточно ярко, чтобы я мог разглядеть на земле возле него три укутанные в одеяла фигуры.

Дальше, у большого дерева, я вижу еще одну Охотницу, а рядом с ней прикованную пленницу, девушку, — на голове у нее мешок, лица не видно, но она маленькая и хрупкая. Надо сосредоточиться. Итак, четверо Охотниц здесь, две на страже, и пленница.

Я перерезаю ножом горло одной спящей Охотнице, она взбрыкивает, дергается, я перехожу к следующей. Таиться уже нечего. Надо действовать быстро; спящие просыпаются, но пока не могут понять, что происходит. Следующая Охотница успевает встать, но я сбиваю ее с ног, втыкаю ей в горло нож и прыгаю к третьей, но вторая не сдается — истекая кровью, она все же цепляется за мои ноги. В руке у нее, откуда ни возмись, оказывается пистолет, она стреляет. Я сохраняю невидимость, но теряю равновесие, пуля пролетает мимо, я изворачиваюсь, бью Охотницу ногой в лицо и откатываюсь.

Теперь их поровну — четыре живые, четыре мертвые, и вокруг начинается хаос. Та, что охраняет пленницу, стала невидимкой, она кричит, зовет тех, кто охраняет лагерь. У Охотницы рядом с костром пистолет. Сунув Фэйрборн в ножны, я выпускаю из обеих ладоней две молнии, по одной на каждую. Та, что у костра, взвизгивает и начинает дымиться; я прыгаю на нее, сбиваю на землю, а Фэйрборн в моих руках уже сам знает,

куда бить: он вонзается ей в живот и делает рывок вверх. Она снова визжит, тогда Фэйрборн чиркает ее по горлу, и она замолкает. Тут же раздается выстрел, я отталкиваюсь от мертвой Охотницы и перекатываюсь как можно дальше.

С пятью Охотницами покончено. Я встаю на четвереньки. Шестая, та, что была рядом с пленницей, теперь невидима и движется. Она палит во все стороны, но я не могу понять, откуда именно летят пули. Тогда я просто бросаюсь ничком на землю и жду.

Пальба прекращается. Мои руки мокры от крови, зато Фэйрборн счастлив. Я чувствую, как он вибрирует, как ему не терпится продолжать. Остались еще три Охотницы. И пленница. Я смотрю на нее. Она все еще у дерева, лежит на земле, подтянув колени к подбородку. Тут я замечаю, что опять стал видимым. «Черт! Сосредоточься! Дыши... Думай о воздухе!» Я поднимаю руку — порядок, снова невидим. Мне повезло, что меня не заметили — но вокруг темно, я лежу на земле, к тому же опять стал невидимкой.

Вдруг раздается крик:

— Леди два! — И та, чей голос я слышал, быстро приближается ко мне справа. Это кодовое слово, и наверняка оно обозначает какой-то их план. Надо выбираться!

Я бегу влево, двигаясь как можно быстрее и тише, но не успеваю сделать и трех шагов, как мои мышцы слабеют — сначала ноги, затем руки, а живот сводит судорогой. Я падаю на колени. Утыкаюсь головой в землю, пытаюсь дышать. Меня тошнит. Это какая-то магия. Сильная, но до шума Селии ей далеко. С ней я справлюсь, только бы залечиться.

Я вызываю целительный зуд и бросаюсь к деревьям. И почти добегаю, когда судорога сводит меня снова. Я опять падаю на колени, вокруг свистят и чиркают пули, и тогда я вытягиваюсь на земле и откатываюсь вбок, посылая молнии из обеих ладоней. Ударяюсь о ствол дерева, лечусь, вскакиваю; пальба кругом стоит сумасшедшая, кто-то кричит, я бросаюсь в сторону, на ходу мечу молнии, так часто, как только могу. Все мое тело зудит, исцеляясь, и это, как ни странно, помогает мне сосредоточиться, несмотря на злость и испуг. Я бегу к поляне, посылая молнии и пламя, раздаётся визг, потом ещё выстрелы, но судорога больше не приходит. С ней покончено.

Я обвожу глазами поляну и край леса за ней. Сохраняю неподвижность, но дышу часто, как напуганный. Надо успокоить дыхание. И оставаться невидимым. Судя по тому, что никаких судорог я больше не чувствую, я прикончил ту, которая их

посылала, — хотя, может быть, и нет. Вдруг я вижу ее, на удивление близко — она лежит за деревом, наполовину скрытая им, глаза у нее широко распахнуты, рука тянется ко мне.

Значит, Охотниц осталось всего две.

Справа от себя я слышу звук. Посылаю туда молнию. Самую большую, какую только могу. И пробегаю несколько шагов между деревьями. Стрельба начинается снова. Я падаю на землю и замираю.

Тишина.

Я жду.

И жду.

Если я попал, то они станут видимы. Осторожно я поднимаю голову.

Ничего... хотя нет, кажется, я кое-что вижу. Дым. И тут я замечаю седьмую Охотницу. Она еще жива, но стоит на коленях, вся черная. Это ее куртка дымится. Левая рука безвольно висит вдоль тела, правая кое-как сжимает пистолет. Она озирается. Контужена.

И вдруг позади нее начинает проявляться последняя Охотница. Оказывается, моя молния зацепила и ее, хотя она была дальше. Ее лица я не вижу. Она лежит на земле.

Изо всех сил стараюсь оставаться невидимым — «дыши ровно, думай о воздухе» — я мед-

ленно подбираюсь к той, что лежит на земле. Ее обожженное лицо почернело. Глаза открыты. Значит, не притворяется. Я позволяю себе стать видимым.

Охотница, стоящая на коленях, тяжело дышит. Я делаю шаг, чтобы она меня увидела, и она поднимает пистолет. Но спустить курок не успевает — Фэйрборн оказывается быстрее. На моих руках новая кровь. На земле передо мной — еще одно тело.

Пленница по-прежнему лежит скорчившись у корней дерева. Ее лодыжки прикованы к стволу. Руки связаны спереди. Грубый холщовый мешок закрывает голову, на шее он перехвачен веревкой, из-под мешковины выбиваются светлые прядки.

Меня трясет. Я делаю вдох, другой, третий.

Руки у меня липкие от крови. Я крепче сжимаю Фэйрборн и хватаю пленницу за плечо. Она отшатывается, но молча. Я перерезаю завязки ее мешка, не обращая внимания на то, что острие Фэйрборна царапает ей шею. Все равно это самое меньшее из того, что заслужила Анна-Лиза. Мешок падает.

Светлые волосы каскадом стекают из-под него, наполовину скрывая лицо. Чьи это волосы, Анна-Лизы?

В темноте не видно.

САЛЛИ ГРИН

Она встряхивает головой, освобождая лицо. Во рту у нее кляп, но глаза устремлены прямо на меня. Они голубые, полные страха и серебристого блеска. Глаза Белой Ведьмы.

Мои руки начинают дрожать еще сильнее, но теперь они дрожат от едва сдерживаемой ярости, и Фэйрборн зудит у меня в пальцах, но я вгоняю его в землю по самую рукоять и отхожу в сторону.

ПЛЕННИЦА

Костер, рюкзак, спальный мешок: все летит в разные стороны от моих пинков, я осыпаю все отборной бранью. Правда, мертвое тело, которое попадает мне под ногу, я все же не пинаю, но проклиная и его, как и вообще все в этом поганом лагере. Когда я наконец возвращаюсь назад, к пленнице, то сам уже не понимаю, успокоился я или, наоборот, завелся еще больше. Кто она такая, эта пленница, я не знаю, но точно не Анна-Лиза.

Девушка смотрит на меня широко раскрытыми глазами. В них уже нет того страха, что раньше, и она хочет что-то сказать, но ей мешает кляп, а я не в настроении возиться с ним сейчас. Вместо этого я поворачиваюсь к ней спиной и принимаюсь искать какую-нибудь фляжку с водой, чтобы ополоснуть Фэйрборн и свои окровавленные руки. При этом я ни на минуту не перестаю материться. Это помогает. Чуть-чуть.

Я прочесываю лагерь в поисках чего-нибудь полезного: для меня или для Греторекс. Попада-

ется много всякой всячины, но никаких бумаг, карт или планов. Зато я складываю в один рюкзак воду, еду, ножи, пистолеты и боеприпасы. Еще я нахожу моток веревки, наручники и ключи — наверное, от тех, что на пленнице. И аптечку. Мне она не нужна, но ведь не все в Альянсе лечатся так же хорошо и быстро, как я.

Когда я пробую поднять рюкзак, оказывается, что я едва могу сдвинуть его с места. Я выбрасываю четыре пистолета, одеяло, аптечку; выливаю большую часть воды из канистры, но оставляю боеприпасы и еду. На земле, возле спальника, валяется какая-то одежда. Это оказываются шерстяной свитер и куртка. Я беру их и возвращаюсь к пленнице. Она уже не лежит, а сидит. И смотрит на меня. Я бросаю свитер и куртку рядом с ней на землю, присаживаюсь на корточки и вынимаю ключ.

— Спасибо. Спасибо. Я думала... я боялась, что они меня убьют.

Я кидаю ей ключ и говорю:

— Освободи себе ноги.

— Да, да. Спасибо. — Она нагибается к своим лодыжкам, но тут же спрашивает: — Ты не снимешь с меня наручники?

— Снимай цепь. Мы уходим.

Пока она возится с замком, я вспоминаю кое-что еще. Надо проверить тела на татуировки. Мы в Альянсе впервые обратили на них внимание не-

сколько месяцев назад, как раз перед ББ. Похоже, ими метят тех Охотников, которые могут стать невидимыми с помощью ненормальной магии Уолленда. И точно — у каждой из убитых мной Охотниц находится такая татуировка. Маленький черный кружок на груди, как раз над сердцем.

Когда я возвращаюсь к пленнице, она уже стоит и топает, разминая ноги. Я освобождаю ей руки. Запястья у нее стерты в кровь. На ней тоненький джемперок, под которым, кажется, совсем ничего нет. Замерзла, наверное.

— Спасибо, — снова повторяет она.

— У тебя тоже татуировка, как у нее? — спрашиваю я, тыча пальцем в ближайшую Охотницу.

— Нет.

Я смотрю на нее.

— Что? Ты мне не веришь?

Я жду.

Она тихо матерится, но все же задирает свой джемперок до самой шеи.

Тело у нее худое и мускулистое, кожа бледная. Татуировки и в самом деле нет.

— Я не с ними. Я хотела вступить в Альянс, — говорит она, опуская джемпер.

— Нам пора. Одевайся. — Я киваю на свитер и куртку на земле. — Согреешься.

Она делает, что я велю. Куртка болтается на ней как на вешалке.

Я достаю из рюкзака новые наручники и снова надеваю их на нее, но на этот раз завожу руки ей за спину. Пальцы у нее ледяные.

Она сначала молчит, потом поворачивается ко мне лицом и говорит тихо-тихо:

— Зачем ты это делаешь? Я же на твоей стороне. Это у них я была пленницей.

— Так говоришь ты.

Она отшатывается от меня и говорит:

— Ну, хорошо, допустим, ты не знаешь, кто я. Но посмотри на меня. Какой вред я могу тебе причинить?

— Так говоришь ты.

Интересно, что у нее за дар? Немного подумав, я подхватываю с земли веревку, кляп, мешок и запихиваю все это вместе в карман ее куртки.

— Зачем они тебе? — спрашивает она, в ее голосе слышна паника.

Напоследок я снова обыскиваю лагерь. Уже светает, но даже при свете я не нахожу ничего нового. Взвалив на спину рюкзак, я возвращаюсь к девчонке.

— Ладно, — говорю я. — Пошли.

— Куда мы идем?

— Туда, — говорю я и толкаю ее вперед. Сначала она чуть не падает, но потом начинает покорно шагать впереди.

— Быстрее, — говорю я ей.

И она прибавляет шаг. Ее тело напряжено, и я вижу, что связанные за спиной руки мешают ей сохранять равновесие. Что ж, ничего не поделаешь.

Через полчаса она снова замедляет ход, и мне приходится подталкивать ее в спину. Она говорит:

— Ты ведь из Альянса, верно? Ты же туда меня ведешь? Я пыталась сбежать к ним, но Охотники меня выследили.

— И сделают это снова, если будешь ползти как черепаха.

— Может, ты лучше развяжешь мне руки?

— А может, я лучше заткну тебе рот?

Она умолкает и снова прибавляет шаг.

Где-то через час она опять сникает, и, сколько я ни злюсь, ни матерюсь и ни пихаю ее в спину, ясно, что она свое отработала. Приходится делать остановку. Я даю ей воды и скармливаю шоколадку, которую она кусает так жадно, что я чуть не остаюсь без пальца.

С полным ртом шоколада она жалуется мне:

— Они меня почти не кормили!

Я даю ей немного отдохнуть, потом говорю:

— Вставай. Надо идти.

— Я, кажется, не смогу.

Я понимаю, что тут главное подобрать правильную мотивацию, и меняю тактику.

— Я ухожу. Возвращаюсь на базу Альянса. Ты можешь пойти со мной, но только с моей скоростью, или оставаться здесь, где тебя скоро подберут Охотники. — И я поворачиваюсь к ней спиной и начинаю шагать прочь.

Разумеется, скоро она уже бежит за мной, спотыкается, но не отстает. Я уже приноровился к ее шагу и бегу не слишком быстро, но делаю круг, чтобы проверить, не оставляет ли она каких-нибудь особых следов или знаков. Но нет, ничего такого я не нахожу.

Несколько часов спустя она снова начинает отставать. Через пару минут я совсем теряю ее из виду. Останавливаюсь и жду, но она не появляется.

Черт!

Вернуться, что ли?

Я возвращаюсь.

Она недалеко, стоит на земле на коленях. Когда я приближаюсь, она поднимает на меня глаза, по ее щекам текут слезы, она шепчет:

— Я так устала.

— Плохо. Нам надо бежать.

Она пытается встать, но у нее подгибаются колени, а со связанными за спиной руками она не может балансировать.

Черт!

Я подхожу к ней и рывком ставлю ее на ноги. Она легкая, как перышко.

— Впереди небольшой ручей. Наберем там воды и отдохнем. — Я освобождаю ей руки и добавляю: — Только попробуй... Любой неверный шаг, любая проблема, любой... короче, что угодно, и я сразу перережу тебе глотку.

Он часто кивает и говорит:

— Спасибо.

Честно говоря, я понятия не имею, далеко ли до ближайшего ручья. Помню, что пересек два на пути туда, а вдоль русла одного из них даже бежал какое-то время. Так что мы продолжаем двигаться дальше, медленно, правда, но ничего, раз девчонка встала, значит, будет бежать, никуда не денется.

Наконец мы видим ручей. Вода в нем течет медленно, зато она чистая. Я наполняю канистру и наблюдаю за тем, как жадно пьет девчонка. Потом нахожу в рюкзаке еще одну шоколадку и отдаю ей.

Она ест медленнее, чем в прошлый раз. Покончив с едой, она говорит:

— Я Донна.

— Привет, Донна. Я Фредди.

Она слегка улыбается. Похоже, она понимает, что я никакой не Фредди, но вот знает ли она, кто я такой на самом деле?

Я встаю на ноги и говорю:

— Пора двигаться дальше, Донна.

- Я думала, мы здесь заночуем.
- До темноты еще пара часов. Так что давай, шевели ногами.

Когда уже совсем темнеет, я говорю Донне:

- Вот хорошее место для ночлега. Здесь и остановимся.

Она ничего не отвечает, только складывается пополам и опускается на землю. Мы много прошли с ней сегодня, но это еще пустыки в сравнении с тем расстоянием, которое могут покрыть за день Охотники. Донна неплохо бегаёт, только уж больно худая и слабая на вид.

Холодает, а ей надо беречь энергию для бега, поэтому я развожу небольшой костер и готовлю на нем пару порций сушеной еды, которую нашел в лагере Охотников. Она съедает обе. Не знаю, связывать ей руки или нет, но все же связываю — на всякий случай. Она даже не жалуется, просто ложится и засыпает. Я подбрасываю в костерок еще пару веток и отправляюсь посмотреть, нет ли за нами погони.

Я бегу назад, туда, откуда мы пришли, и часто останавливаюсь, прислушиваясь к шорохам или треску мобильных телефонов. В темноте я бегу быстро. Вижу я, правда, не очень хорошо, зато могу чутьем находить дорогу. Так я пробегаю почти половину пути до лагеря Охотников, но ничего не

замечаю. Итак, если это была ловушка, и она не сработала, то что бы я стал делать на месте Джессики, моей сестры и старшей Охотницы?

Во-первых, услышав про лагерь, Джессика сразу поймет, что я могу справиться с восемью Охотниками в одиночку. А значит, пошлет за нами в погоню больше народу. Она наверняка сообразит, что мы направляемся в лагерь Альянса, так что по нашему следу пойдут уже не восемь, а восемьдесят восемь. Но на то, чтобы собрать нужное количество Охотников в нужном районе, у нее уйдет время, может быть, даже целый день. Мы оставляем не так много следов, но Охотники на то и Охотники, чтобы найти нас по ним. У нас, правда, есть день форы, а то и полтора, если повезет. Но этого все равно мало. Мне надо доставить Донну в лагерь номер три, а Греторекс надо успеть либо подготовиться к бою, либо перенести лагерь. Она, конечно, предпочтет перенести.

Я возвращаюсь засветло и снова развожу костер. Донна спит. В лесу тихо. Я ложусь и закрываю глаза. Соснуть часок-другой мне тоже не мешает.

Мы с Анна-Лизой в лесу. Она убегает от меня, а я преследую ее, но это игра. Она смеется и уворачивается, а я сначала только притворяюсь, будто не могу ее поймать, но потом, когда я пы-

таюсь схватить ее уже всерьез, она оказывается проворнее и ускользает, и смеется, смеется надо мной. А я бешусь и стараюсь еще сильнее, но она отскакивает и ускользает, на ее губах улыбка, она смеется, я с ума схожу от злости, у меня в руке оказывается Фэйрборн, и я проклиная ее, но она все смеется и смеется, а потом вдруг умолкает, останавливается прямо передо мной и произносит: «Ты мой принц. Мой спаситель». Но я уже так зол, что ударяю ее ножом раз, другой, Фэйрборн кромсает ее так ожесточенно, что у меня начинает болеть рука.

Я просыпаюсь и открываю глаза. Раннее утро. Рука у меня затекла и онемела.

Я поворачиваю голову и встречаю взгляд Донны.

— Плохой сон? — спрашивает она.

— А бывают другие?

Она улыбается, но тут же опускает глаза и очень тихо говорит:

— Нет.

Мы продолжаем путь. Донна сегодня как будто окрепла. Наверное, в плену у Охотников она мало спала от страха. Но кто бы она ни была на самом деле — несостоявшийся борец за свободу, шпионка или просто запутавшаяся и печальная

ведьма-подросток, чьи родители встали на сторону Сола — мне-то что за дело? Пусть Греторекс разбирается.

За день мы проходим большое расстояние, держа хорошую скорость, с частыми, но короткими остановками. На одной из них я отдаю Донне последнюю шоколадку, а она ломает ее на две части и одну протягивает мне.

Я говорю ей:

— Сама ешь.

— Спасибо.

— Это не от того, что я добрый. Просто я мыслю рационально. Есть будем только вечером, а тебе нужны калории.

Она снова улыбается своей всегдашней короткой улыбкой и говорит:

— Ладно.

Потом добавляет:

— Эти Охотники, которые меня поймали, были такие злые... жуть. Они надели мешок мне на голову, сунули кляп в рот и как будто забыли, что я вообще существую. А еще они... много болтали. О ловушке, которую они приготовили для колдуна по имени Натан. Он знаменитость. Сын Маркуса. Наполовину Белый, наполовину Черный. Они говорили, что он убил много Охотников. Но, знаменитый или нет, а против них у него нет шансов, так они говорили. По крайней мере две из них бы-

ли отборные Охотницы, элита. Ловушка состояла в том, что они делали вид, будто их всего четверо, чтобы он решил, что справится с ними. При этом невидимками могли становиться они все, а еще у одной был странный дар — насылать боль на расстоянии так, что человек сгибался от нее пополам, а другая могла ослеплять своим даром. В общем, они собирались захватить его, а потом отвести нас обоих на Совет и там казнить. — Бросив на меня взгляд, она тут же отводит глаза. — В общем, этот парень, Натан, судя по всему, тот еще убийца, но он работает на Альянс, и поэтому я рада, что он не попал в ловушку, а еще я рада, что меня спас именно ты, Фредди.

Я делаю вид, будто тру лицо, чтобы скрыть улыбку.

— Ага.

— Хотя я знаю, что ты мне не доверяешь, но это нормально. В смысле, я понимаю почему. И это не значит, что я тебе не благодарна.

— А они не говорили, есть здесь поблизости еще Охотники?

— Нет. В смысле, не говорили. Только болтали про какую-то базу, как передать туда информацию и все такое, но далеко это или близко, я не поняла.

— Нам надо идти. Где бы она ни была, эта база, она все равно слишком близко к нам.

И мы продолжаем путь. Время уже за полдень, но погода стоит мрачная. Первые редкие капли дождя быстро превращаются в морось. Правда, деревья защищают нас от самого худшего, но под ними все равно сыро, промозгло и холодно. Если бы не Донна, я бы уже давно был с Габриэлем, а так — нам еще повезет, если мы доберемся завтра к вечеру. К тому же в этой грязи невозможно не оставлять следов.

Когда становится совсем темно, я выбираю место для ночлега. Дождь, похоже, весь вылился, но кругом все равно мокро. Суше и чище всего оказывается под большим деревом. Мы садимся под ним и некоторое время сидим, укрывшись от сырости, но тут Донну начинает бить дрожь.

— Нам нужны дрова на костер. Пошли. — Я ставлю ее на ноги.

— Я устала. Можно, я подожду здесь?

— Нет. Будешь помогать, заодно погреешься.

Мы вместе выходим из-под дерева, Донна действительно принимается помогать и скоро набирает целую охапку веток. Но я говорю ей:

— Не годятся, они почти все сырые.

— Лучше, чем ничего, — говорит она, выразительно глядя на мои пустые руки. — Пойду отнесу под дерево.

Я отпускаю ее, а сам продолжаю поиски. Дождь припускает снова, еще сильнее, чем пре-

жде, и я понимаю, что все бесполезно. Сухих дров нет.

Я возвращаюсь к укрытию под деревом. Донна роется в большом рюкзаке, запустив в него обе руки. Кое-что из его содержимого валяется по обе стороны от нее. Рядом с ней лежит пистолет. Я бегу к ней, выпуская на ходу молнию, которая ударяет в землю прямо перед ней. Она испуганно съеживается.

— Что ты делаешь? — кричу я.

— Еду искала! Я хочу есть.

Я тяжело дышу. Она смотрит на меня.

— Просто я хочу есть. От сухой еды мало толку. Я думала, может, найду еще шоколадку или батончик.

Громко матерясь, я хватаю ее за руки и связываю их у нее за спиной.

— Будешь знать, как в моих вещах рыться.

И снова складываю рюкзак, старательно счищая липкую грязь с каждой выброшенной вещи. Патроны лежат в самом низу. Пистолеты не заряжены. Что она искала? Заряженный пистолет? Или патроны? А может, действительно еду?

Я отбираю самые сухие ветки из тех, что принесла Донна, и поджигаю их пламенем изо рта. Донна со страхом отодвигается от меня подальше. Огонек получается жидковатый. С трудом согрев на нем немного воды, я развожу ею еду из паке-

тов. Вкус у нее отвратительный, но я съедаю одну порцию сам, а вторую скармливаю Донне.

Она почти все время молчит, только пару раз просит прощения. Я, ни слова не говоря, привязываю ее к дереву и ухожу проверить погоню. Никого. Тогда я возвращаюсь к костру и сижу над ним до утра. Дождь то перестает, то снова припускает. На рассвете я опять подогреваю немного воды и готовлю нам завтрак. Говяжье рагу. Разрезав на Донне веревку, я приглашаю ее поесть.

— Спасибо... — украдкой она бросает на меня взгляд. — Я больше не буду делать глупостей. Обещаю.

— Заткнись.

— Фредди, я правда...

— Я сказал, заткнись.

Она умолкает, и, поглядев на нее, я вижу, что она опять плачет. Тогда я затапываю огонь, бросаю в рюкзак вещички, вздергиваю ее на ноги, и мы уходим. Утро сырое и холодное, так что бег — единственный способ выгнать озноб из костей. Хорошо еще, что Донна бежит с хорошей скоростью и не болтает.

К концу дня мы прибываем в лагерь номер три с половиной. Габриэля нет, и, похоже, уже не первый день: пепел в костре холодный, а мои пятьдесят два камешка лежат втоптаннные в грязь там, где он их оставил. Значит, он в третьем ла-

гере, у Греторекс. Сидит и ждет, надеется, что я приду за ним. Так он заставляет меня встречаться с Греторекс. Но на этот раз я и сам туда собираюсь.

Донна уже сидит на земле у прогоревшего костра, когда я говорю ей:

— Десять минут — и мы уходим.

— Я думала, мы будем здесь ночевать.

— Зря ты так думала.

— Я устала.

— Я тоже.

— Но мы ведь уже почти пришли, да? — При этих словах она чуть заметно улыбается и смотрит на меня снизу вверх, наверняка понимая, что ведет себя сейчас как маленькая.

— Скоро мы будем в лагере Альянса.

— Правда? — Донна приободряется, но тут же с подозрением щурится. — Скоро — это, потвоему, когда: через час или через день?

— Если с моей скоростью, то через час. Если с твоей — и в три дня не доберешься.

Ее плечи заметно опускаются, но она все же говорит:

— Спасибо, Фредди. За то, что привел меня сюда. Ты ведь мог бросить меня там, я знаю.

Я отпиваю глоток воды и передаю остальное ей со словами:

— На вот, заткнись и пей.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

Она тоже делает глоток и тут же начинает снова:

— Фредди, я...

— Может, хватит уже доставать меня этим гребаным Фредди?

Она коротко улыбается.

— Конечно. К тому же это имя тебе совсем не подходит. Ты кто угодно, но точно не Фредди. — Она делает еще глоток, а потом тихо и осторожно добавляет: — Но, даже если бы ты выбрал себе имя поудачнее, думаю, я бы тебя все равно узнала. Ты ведь по-настоящему знаменит, знаешь? Я честно говорю. Я рада, что повстречала тебя, и я на самом деле очень благодарна тебе... Натан.

— Ага.

Она качает головой.

— Ты знаменит потому, что ты — сын Маркуса. Потому, что ты полукод. Потому, что ты плохой... злой. Просто отвратительный.

— Ты что, нарочно меня бесишь?

— Я пытаюсь с тобой поговорить. — И она добавляет еще одну улыбку.

— Я не из тех, кто много болтает. Но ты права, в основном я отвратителен. Иногда бываю очень зол. Иногда просто делаю плохие вещи. Так что смотри, как бы я и с тобой чего-нибудь не сделал. А потому лучше заткнись и поднимайся, идти пора.

САЛЛИ ГРИН

— Тебе нравится быть грубым, ведь так? Тебе так легче.

— Мой отец перерезал бы тебе глотку еще там, в лагере. А Охотники отвели бы тебя назад, к Белым Ведьмам, которые замучили бы тебя до смерти.

— То есть теперь ты хочешь сказать, что ты на самом деле хороший?

— Вот и не забывай об этом.

— Не забуду. Ты прав: ты спас меня, и я тебе благодарна. Только тебе идет быть грубым.

— Кляп все еще у тебя в кармане, не забудь. По-моему, он тоже тебе очень шел.

Она смеется в ответ и говорит:

— Вот видишь, именно это я имела в виду. Тебе просто нравится быть грубым.

— Экономь дыхание. Пошли.

Я опять ставлю ее на ноги, и мы отправляемся.

В ЛАГЕРЕ

К лагерю номер три мы приближаемся в темноте, под дождем. Впереди маячит охрана, и я на ходу кричу:

— Это я, Натан! Пароль «Пояс Ориона».

Грохочет выстрел, пуля ударяется в дерево за моим плечом.

Я толкаю Донну на землю и сам откатываюсь вправо. Становлюсь невидимым, подбегаю к охраннице, ударом снизу вверх выбиваю у нее из руки пистолет, ее бросаю на землю. Она пробует встать, но я рукояткой пистолета бью ее в лицо, она опять падает, из носа у нее течет кровь.

Я тяжело дышу и становлюсь видимым. Девушка таращит на меня глаза. Она новенькая.

Прибегает Греторекс и, наставив на меня пистолет, вопит новенькой:

— Доложить как полагается!

Другая новенькая появляется справа от меня, еще одна — слева. И все трое держат меня на мушке. А я наставляю свой пистолет на девушку

на земле, которая, несмотря на сломанный нос, громко вопит:

— Пароль! Он назвал неверный пароль!

Греторекс подходит ко мне, все еще целясь мне в голову из пистолета. Она спрашивает:

— Какой пароль?

— Не знаю. Ты его поменяла, а мне никто не сказал.

— Зачем тогда нападать на мою охрану?

— Она в меня стреляла!

— Если не докажешь, что ты и вправду Натан, я сама в тебя выстрелю.

— Мне что, стать невидимым, послать молнию, выдохнуть огонь и поджарить вас всех на месте? Это будет считаться доказательством?

Тут прибегает Габриэль, сразу оценивает ситуацию и спрашивает:

— В чем дело?

Греторекс объясняет.

— Этот тип утверждает, что он Натан. Но, может, он только притворяется.

— Да иди ты, — говорю я ей. Поверить не могу, что она серьезно, но ее пистолет по-прежнему смотрит на меня.

Габриэль говорит:

— Ругается он точно как Натан, хотя, с другой стороны, любой болван может не хуже.

Я посылаю и его, не зная, шутит он или нет.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

— Скажи ей, что это я, Габриэль.

Он подходит ко мне, кладет мне на грудь ладонь и заглядывает прямо в глаза.

— А это правда ты? — Потом он придвигается ко мне так близко, что наши тела соприкасаются, и шепчет мне в ухо, щекоча мне шею своим теплым дыханием: — Тебя долго не было. Куда ты пропал?

Я поворачиваюсь к нему и также шепотом отвечаю:

— Да, бля, пропал я, пропал, заблудился, на хрен, и еще залез на сраный Эгер.

— Близко, хотя и не совсем точно...

— Я передаю дух, а не букву.

Габриэль оборачивается к Греторекс и говорит:

— Это он. Но ты все равно можешь пристрелить его, когда захочешь.

— Звучит заманчиво, — отвечает она, но пистолет опускает.

Девушка у моих ног хочет встать, но я носком ботинка снова толкаю ее на землю.

— А ты лежи тихо, ты меня чуть не убила.

За нее вступается Греторекс:

— Ты сам назвал неверный пароль, Натан.
А она только выполняла свою работу.

Тогда я сую пистолет в руки Греторекс и говорю:

— Ну, тогда скажи ей, пусть целится вон в ту девчонку, вон там. — И я показываю на Донну, которая уже встала с земли и теперь с нервной

улыбкой на лице и связанными за спиной руками приближается к нам. — Она была в лагере Охотников. Они ее связали: говорит, за то, что она хотела вступить в Альянс, но она может оказаться лазутчицей или шпионкой. Короче, разберитесь. А я хочу есть и спать.

— Подожди! Так ты был в лагере Охотников? Где он?

— В двух днях пути.

— Они тебя выследят.

— Их уже нет в живых, но ты права, могут прийти другие.

Греторекс не матерится, хотя ей хочется, я уверен. Она отдает своим подопечным приказ проверить мой след и поворачивается к Донне, а я ухожу с Габриэлем в лагерь.

Мне нужно расслабиться, но, едва сделав в лагерь шаг, я тут же напрягаюсь. Он состоит из ровных рядов палаток, у которых стоят сейчас новенькие с пистолетами в руках и все как один смотрят на меня. Я замедляю шаг, Габриэль подходит ближе и говорит:

— Они слышали выстрелы. И наверняка испугались.

— Стреляли-то в меня. Как, по-твоему, я себя должен чувствовать?

— Давай присядем. — Габриэль чуть не силой усаживает меня у костра на землю и сам опуска-

ется возле меня. — Все хорошо. Ты просто перенапряжен.

Я сижу и смотрю в огонь, Габриэль рядом, так близко, что мы касаемся друг друга плечами. Я тихо говорю:

— Я думал, что с Охотниками была Анна-Лиза. Но это оказалась не она, а Донна. — Я смотрю на новеньких: они сбились в кучу, некоторые все еще косятся на меня со страхом.

— Ты дрожишь, Натан.

— Я хочу есть. И здорово устал. — Конечно, это тоже причина.

— Принести тебе поесть?

— погоди немного. — Мы еще некоторое время сидим и смотрим в огонь, потом Габриэль встает и идет поискать мне какой-нибудь еды. Возвращается он все с тем же супом из пакетов, но он оказывается ничего на вкус, и теплый. Я перестаю трястись.

Габриэль говорит:

— Попробуй заснуть. А я с тобой посижу. — И я ложусь, продолжая смотреть в костер еще какое-то время.

Вокруг меня снимается с места лагерь. Новенькие носятся туда-сюда, перетаскивают какие-то вещи, а я сижу на земле и ем овсянку — по крайней мере, мне кажется, что это именно ов-

сянка: плотная масса из серых застывших комков, которую я выскребаю со дна помятого котелка.

— Мы скоро выходим, — говорит, подходя ко мне, Габриэль. Солнце едва взошло, но я знаю, что скажет Греторекс — чего мы тут копаемся.

Я протягиваю ему котелок и говорю:

— Хочешь? На вкус чистая гадость.

Он трясет головой.

— Я уже поел.

— Где ты был? — Я старательно сдерживаю по-детски обиженные нотки. Но ведь он обещал, что посидит со мной, пока я буду спать, а когда я проснулся, то увидел Греторекс, а его рядом не было.

— Греторекс просила меня поговорить с Донной.

— А что ты попросил у нее взамен? — Я уже предчувствую, что он скажет, как просил ее посидеть со мной, подежурить, словно возле грудного младенца, и мне становится тошно.

Он сначала молчит, но глаз не отводит.

— Я сказал ей, что у тебя бывают кошмары и чтобы она дала тебе хорошего пинка, если ты вдруг начнешь вопить или визжать.

Я посылаю его подальше, но он наклоняется ко мне и говорит:

— Я просил ее позвать меня, если ты про-
снешься.

Я швыряю котелок в огонь — очень повзрослому, ничего не скажешь. Я действительно видел сон — не из тех, после которых просыпаешься в холодном поту, обливаясь слезами и бормоча проклятия, — но об этом ему необязательно знать.

— Так ты расскажешь мне, что случилось после того, как ты сбежал из нашего лагеря, пригрозив мне ножом?

— Я зря так сделал.

— Зря.

— Я был... Еще раньше я повстречал двух Охотников. И убил их. — И я рассказываю все про них, и про другой лагерь, и про Донну. Без подробностей: он и так догадается, как было дело.

Габриэль говорит:

— Греторекс хотела, чтобы я попробовал расколоть Донну.

— И?

— Кажется, с ней все в порядке. Или, по-твоему, она шпионка?

Я пожимаю плечами.

— Это же ты говорил мне, что у шпионов на лбу не написано, шпионы они или нет.

— Да, кажется, говорил. Очень мудрое замечание, как ты считаешь?

— Так что говорит Донна, о, мудрейший?

— Что она сбежала из Англии пару недель назад, когда там стало совсем худо. Арестовали ее

мать. Отец умер еще раньше. Она перебралась во Францию, а оттуда сюда.

— И все?

— Это вкратце. А вообще она довольно разговорчивая. Ничего не скрывает. Много говорит о тебе. Ты ей понравился.

— Я спас ей жизнь... вырвал ее из когтей зла.

Мы сидим молча, потом Габриэль замечает:

— Она говорит, что их было восемь. Охотничья элита, две с сильными дарами.

— Видимо, не такими уж сильными.

Но Габриэль с тревогой и печалью в голосе добавляет:

— Тебя могли убить.

— Меня могли убить на входе в этот лагерь вчера вечером.

Но я знаю, что он прав. Та, с даром насыщать боль, заставила меня помучиться. Наверное, у нее был все же не самый сильный дар или она не умела контролировать его в бою как следует, но на смену ей придут другие, и они будут сильнее. Так что мне просто повезло, как и в том, что ту, которая умела ослеплять на расстоянии, я случайно прикончил еще в самом начале.

Мы слышим голос Греторекс:

— Через две минуты выступаем. Готовьте вещи.

Габриэль хочет встать, но мне надо сказать ему еще кое-что.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

— Все Охотницы были женщины. Некоторые спали, когда я их убивал. Одна пыталась бежать, но я перерезал ей горло. Другим выпустил кишки, а кое-кого заживо спалил молниями, которые выпустил из рук.

Габриэль снова садится, теперь уже совсем близко ко мне, и кладет ладонь мне на ногу.

— Это же война.

— Значит, я герой войны, а не психованный убийца?

— Ты нисколько не психованный, и ты совсем не убийца. Ты вообще не плохой. В тебе нет зла. Ты — человек, попавший в тенета кровавой войны, и она выедаёт тебе душу, сводит тебя с ума, что лишний раз доказывает, насколько ты нормален.

НИ ОДНОМУ НОРМАЛЬНОМУ ПРОТИВ НИХ НЕ ВЫСТОЯТЬ

Греторекс выводит нас из лагеря. Нас человек двадцать. Каждый несет свой груз. Даже Донна тащит на спине здоровый рюкзак, хотя руки у нее связаны спереди. Мы шагаем в затылок друг другу. Смысл в том, чтобы пройти через уже готовый проход, а потом закрыть его за собой, оставив лагерь пустым и без единого намека на то, куда мы делись. Как говорит Греторекс, он свое отслужил.

Греторекс классная. На ее месте многие стали бы обвинять меня, говорить: «Это все из-за Натана, если бы не он, нам ничего не пришлось бы делать», но она все видит совсем в другом свете. Она понимает, что перемены неизбежны и что они — часть ее работы.

Я отстаю от своих, потом останавливаюсь и прислушиваюсь, нет ли Охотников. С них станется — напасть, пока мы переносим лагерь и особенно уязвимы, занятые делом. Но я ничего не слышу. Я кладу свой груз на землю и несколько минут бегу по нашим следам обратно. Я знаю,

что посланцы Греторекс уже проверили и перепроверили там все, но лишний глаз все равно не помешает.

Пусто.

Я возвращаюсь, подхватываю свой груз и догоняю наших, когда те уже скрываются в проеме. Греторекс ждет, когда пройдут все, сама идет последней. Тех, кто умеет делать проемы, вообще мало. В Альянсе остался всего один такой человек. Маркус мог, но я пока понятия не имею, как подступить к этому дару. Зато закрыть проход может любой, тут не нужны никакие особые умения, только немного взрывчатки.

Когда мы все оказываемся на той стороне, Греторекс достает гранату, выдергивает чеку, мы с Габриэлем хватаем ее за левую руку, а правую она опускает в проход вместе с гранатой. Он затягивает ее, но мы упираемся ногами в землю и тянем ее на себя, а она выпускает гранату. Та взорвется еще внутри тоннеля, но через пару секунд он потеряет магическую силу и растает в ничто.

Мы проверяем — проход закрыт.

Через пару часов лагерь номер три разбит на новом месте, все устроено и выглядит так, словно мы здесь уже сто лет. Оказывается, Греторекс с Селией давно приглядели это место. Греторекс — профессионал и ведет себя спокойно, но я чувствую,

что новенькие напряжены, они все на нервах и, похоже, во всем винят меня. Это видно по тому, как они сбиваются в кучу при моем появлении и начинают бросать на меня косые взгляды. По-моему, Греторекс тоже это заметила. Она не дает им расслабиться, заваливает заданиями: разбивать палатки, охранять периметр лагеря, готовить. А в конце дня решает провести тренировку по борьбе.

Мы с Габриэлем наблюдаем за спарринг-партнерами. Донна тоже смотрит, сидя напротив нас со связанными руками.

Греторекс дает себе отдохнуть и подходит к нам, посмотреть с нами вместе. Я спрашиваю:

— Что с Донной?

— Говорит, что хочет в Альянс, но после ББ Селия строго-настрого наказала не брать никого, кроме тех, кто прошел контроль зельем правды.

— И какие результаты?

— У нас нет зелья. Я отправила в главный лагерь сообщение о том, что нам нужно зелье, а пока она пленница.

— А что тебе подсказывает чутье? Кто она, шпионка или нет?

— Мне она нравится. У нее хороший характер. Она умная, сообразительная и совсем не заносчивая. Правда, ей нравишься ты, и это меня удивляет.

— Очень смешно.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

— Вовсе нет, в моих глазах это свидетельство того, что она умеет разбираться в людях. Она тебя защищает.

Интересно, от кого.

Греторекс кивает на своих учениц и спрашивает:

— По-моему, они стали выглядеть лучше, тебе не кажется?

— Да, лучше. Но все равно они рыхлые и неповоротливые.

— Я бы рискнула выпустить их против тебя в честном бою.

Я качаю головой.

— Хочешь попробовать? Им будет полезно. Четверо лучших против тебя одного. Только, чур, никого не убивать.

— Если они у меня выиграют, я убью себя.

Греторекс улыбается.

— Ладно, уговорил. Четверо их плюс я — против тебя одного.

Греторекс — хороший боец, она почти не уступает Селии. Я качаю головой и говорю:

— Не хочу делать тебе больно, Греторекс.

— Ничего, на мне все зарастет. Как и на тебе. А может, ты просто испугался бывшей Охотницы и четырех ее учениц, а? — Греторекс маленькая и худощавая, но она быстрая, крепкая и смертельно опасная, потому что умная.

Я поворачиваюсь к Габриэлю и спрашиваю:

— Что скажешь?

— Надеюсь, они надерут тебе задницу совместными усилиями.

— Ну, давай, собирай свою команду, — соглашаюсь я.

Греторекс, потирая ладони, выкрикивает:

— Софи, Скотт, Адель, Кирсти!

Те подходят. Я узнаю Кирсти — она здоровая, медлительная и сильная. Скотт, наоборот, быстрый и энергичный, то же и Софи. Адель, наверное, из другого лагеря — раньше я ее не видел. Греторекс проводит с ними подготовительную беседу, которая сводится, в общем-то, к одному: она нападет на меня первой, а пока я буду занят ею, пусть они наваливаются на меня со всех сторон и делают, что смогут. Когда она заканчивает свою речь, я говорю ей:

— Ты не сказала, что им делать, когда я убью тебя.

Греторекс с улыбкой отвечает:

— Когда будешь молить о пощаде, я тебе припомню. — Ее подопечные кивают и пытаются выглядеть круто.

Я выхожу на середину, и они тут же окружают меня с тыла — почему-то думают, что это им поможет. Наверное, считают, что со спины я более уязвим, но они ошибаются — я буду двигаться бы-

стро. Моя главная проблема в том, чтобы никого не убить и не искалечить.

— Никаких даров, — предупреждает меня Греторекс. — Никаких невидимок. — Мы тренировались так и раньше, так что это тоже будет совсем не трудно.

— И никаких ножей с пистолетами, — отвечаю я. — И дубинок тоже. — Знаю я эти ее штучки.

— Конечно, нет — за кого ты нас принимаешь? — говорит она и вытягивает вперед руки, как будто хочет показать, что они пустые.

Я жестом подманиваю ее к себе, остальные рассыпаются вокруг нас.

Селия обучила меня отличной технике, но ей же она обучила и Греторекс, зато я крупнее, сильнее и быстрее, чем она. Если я вырублю ее быстро, ученицы попадают одна за другой, как яблоки с ветки. Надеюсь, никому из них не придется в голову пуститься наутек. Я всегда особенно жесток с теми, кто убегает.

Греторекс делает шаг назад, я — вперед, и тут новички наваливаются на меня всей кучей. Значит, натаскивание перед боем было уловкой: они все спланировали заранее. Я рубяю Скотта прямым ударом в лицо, Адель через долю секунды — локтем, но тут мои почки взрываются от боли, я падаю на колени и лечусь. Я пытаюсь откатиться, но тут кто-то

хватает меня за ноги, а Греторекс пинает меня в лицо.

Во рту у меня кровь, зуб шатается, но я тут же лечусь и протягиваю руку, чтобы схватить Греторекс, а той уже нет, и тогда я изворачиваюсь и наношу мощный удар девчонке, которая держит меня за ноги. Меня снова бьют по почкам, но я успеваю перехватить чужую ногу и заламываю ее в сторону. Судя по хрусту и крику, понимаю, что сломал. Потом вскакиваю и вижу только Греторекс и Кирсти, — хотя Адель, похоже, уже приходит в себя. Я делаю ложный выпад к Кирсти, а сам прыгаю и бью Греторекс ногой. Но у нее отменная реакция, она уходит в сторону раньше, чем моя нога долетает до ее лица, я лишь слегка зацепляю ее скулу. Кирсти заходит сзади — это хороший маневр — и обхватывает меня со спины обеими руками — это плохой, потому что я резко закидываю голову назад и ломаю ей нос. Но она все равно держит, не отпускает, и тогда я повторяю удар еще раз и добавляю пинок в голень. Она падает. Тут я разворачиваюсь к Адель, которая уже очнулась и идет на меня, и бью ее в лицо, но, пока мой кулак еще свистит в воздухе, ее лицо меняет цвет, и я чувствую такую сокрушительную боль в руке, как будто я со всего размаху врезался в железо. Кажется, у меня сломаны пальцы. Я отскакиваю назад и лечусь.

Адель фыркает, ее лицо снова становится обычным, бледным.

— Как начет драки без даров? — кричу я.

Адель пожимает плечами.

Я делаю то же и говорю:

— Давай поглядим, что получится, если я пошлю в тебя молнию.

Греторекс встает между нами и говорит:

— Нет! Никаких даров — Адель еще учится контролировать свой. Она...

Я бью Греторекс ногой в голову и на этот раз попадаю точно, она растягивается на земле.

— Что, уже и спросить нельзя?

Мы с Адель остаемся один на один. Я бью ее ногой с разворота, она опять сереет. Ощущение такое, как будто лягнул автомобиль. Я лечусь и делаю ложный выпад — посмотреть, как она реагирует. Она сереет, потом пытается ударить меня, но тормозит, и я хватаю ее за руку, бросаю животом на землю и за волосы запрокидываю ей голову. Снова вижу, как ее кожа приобретает металлический оттенок, но уже через секунду он проходит, и она опять делается уязвимой. Тогда я беру ее шею в захват, и ее лицо снова меняет цвет, теперь на свекольный. Дар больше ей не помогает.

Она колотит по земле руками и ногами, покаяваясь, что сдается, я отпускаю ее, встаю и говорю:

— Лежи. — Но она все равно вскакивает, и я вижу, что она сильно разозлилась. Я еще раньше заметил, что у нее глаза Черной Ведьмы, и злит-ся она определенно как Черная. Она бросается на меня, сереет, но это длится всего секунду, потом ее лицо приобретает нормальный цвет, и я бью ее с размаху, сильно. Пошатнувшись, она падает на спину, и носа льет кровь.

— Когда научишься контролировать свой дар, он сослужит тебе хорошую службу, — говорю я ей.

Я оборачиваюсь. Греторекс уже снова на ногах, в знак поражения она поднимает руки. И говорит:

— Ладно, Натан. Ты победил. Хватит. — Потом она окидывает взглядом своих стонущих на земле учениц и добавляет: — Хотя я по-прежнему думаю, что они многому научились.

— Точно, ни одному нормальному против них не выстоять.

Голос доносится со стороны деревьев, я оборачиваюсь и вижу Несбита — он стоит и ухмыляется, глядя на меня.

ЖАЖДА КРОВИ

Прекрасная светловолосая Черная Ведьма закуривает и бросает мне зажигалку. Приятно иногда выкурить сигаретку, особенно одну из тех, что курит она. Я затягиваюсь восхитительно густым дымом с ароматом голубики, выпускаю вверх фиолетовую струю и смотрю, как она тает у меня над головой. Раньше я не доверял Ван и не курил ее сигареты, но эти не крепче табака, а на вкус несравненно лучше.

Ван говорит:

— Ты, кажется, напал на отряд Охотников, Натан.

— Они наши враги. Разве мы все не должны поступать так же?

— Мы все должны подчиняться приказам. Приказа нападать не было.

— Я наткнулся на них случайно. Было жалко бросить. А просить разрешения времени не было.

— Ты прекрасно знаешь, что не получил бы его, даже если бы попросил.

Мы сидим в центре нового лагеря номер три с Несбитом, Габриэлем и Греторекс. Ван — эксперт по всяким снадобьям и наверняка прибыла сюда для того, чтобы смешать для Донны зелье правды, хотя речи об этом пока не было, и разговор крутится в основном вокруг меня.

Ван продолжает.

— Ты рискуешь своей жизнью и жизнью других ради кучки Охотников. Такие нападения ни к чему не ведут, разве что удовлетворяют твою жажду крови.

— Ну, ее-то удовлетворить нельзя, — бормочет сзади Несбит.

— Я рискнул, и мой риск оправдался.

— А мы бы предпочли, чтобы ты не рисковал понапрасну.

— Мы все рискуем жизнью, каждую минуту. Может, нас уже завтра не будет в живых. Так что это мое дело, нападать на Охотников или нет.

Ван качает головой и переводит взгляд на Габриэля. Тот говорит:

— Натан рискует в разумных пределах и никого не подвергает опасности. — Но почему-то мне становится тошно от того, что он прикрывает меня, ведь я знаю, что он не одобряет моих действий.

— Ну, в разумных или в неразумных, — подхватывает Ван, — а вывод один: если так будет

продолжаться, то рано или поздно тебя, Натан, убьют. А ведь у нас на тебя большие виды.

— Да ну? — отвечаю я. Значит, вот зачем она здесь.

— Чем дольше затягивается война, тем сильнее становится Сол. Белые Советы Европы один за другим подпадают под его влияние. Мы по-прежнему стараемся привлекать новобранцев из разных слоев ведовского сообщества, но после поражения при Бяловице это... одним словом, сложно. — Она смотрит на меня, затягивается, выдыхает струю сиреневого дыма. — Есть еще один фактор, который мешает нам находить сторонников. Многие не видят смысла ввязываться в схватку, раз уж ты все равно убьешь Сола, рано или поздно. Ходят слухи, будто кому-то уже были видения на эту тему. Хотя лично я не уверена, что речь идет именно о видениях, скорее это отчаянная надежда. Зато все знают, что ты получил дары своего отца.

— То есть опять хотят свалить все на меня одного? И ты тоже в это веришь, Ван?

— Если все дары твоего отца у тебя и ты можешь ими управлять, то ты и впрямь сильнее Сола.

— Но только Сола, — возражаю я. — А не Сола с сотней Охотников.

— Сол знает, что ты для него последняя реальная угроза, — вмешивается Несбит. — Вот почему

он рассылает прокламации с обещаниями всеобщей амнистии. Хотя кто ему поверит?

— Какой амнистии? — спрашиваю я.

Несбит ухмыляется.

— А ты не слыхал? Эх ты, парень, живешь в лесу, молишься колесу.

Ван объясняет:

— Две недели назад Сол пообещал амнистию всем участникам Альянса и свободу всем пленным, если мы отдадим ему тебя.

— Соблазнительное предложение, — снова встревает Несбит. — Но я уже всем сказал, что если тебя выдадут, то я с ними больше не разговариваю, вот как. Только на этом пока и держимся.

Было время, всего пару лет назад, когда меня могли убивать прямо на глазах у Селии, а она и глазом не моргнула бы, но теперь все совсем иначе, я знаю. Было и другое время, когда замечания Несбита доводили меня до белого каления. А сейчас я просто сижу и пускаю колечки.

Кто-то из новеньких вполголоса говорит что-то об условиях, в которых содержат пленных. И тут я соображаю, что все они, до единого, стоят сейчас вокруг и слушают. Интересно, сколько среди них найдется таких, кто с радостью сдал бы меня в обмен на амнистию?

Несбит тоже это услышал, и, оглянувшись на новеньких, говорит нарочито громко:

— Хотя, конечно, ты мог бы и сам сдаться Солу, Натан. Чего не сделаешь, чтобы помочь пленным, облегчить их страдания, верно?

Я вдавливаю окурок своей сигареты ногой в землю и говорю:

— Ничего это никому не облегчит. — Пленников, может, и отпустят, но временно, а вообще, пока Сол во главе, страдать будут еще многие. Он никогда не прекратит преследовать Черных и тех, кто подвергает сомнению его право на власть.

Я представляю себе пленников, которых держат сейчас в тюрьме под зданием Совета, кого-то, может быть, даже в той самой камере, где перед татуировкой сидел я. Меня тогда оставили в полной темноте, приковав к стене цепью. Я сочувствую пленным, особенно Черным — они больше страдают, когда им приходится оставаться под крышей ночью, — но точно знаю, что даже приди я к Солу сам, по доброй воле, это ничего не изменило бы.

Ван встает и говорит:

— Давай пройдемся, Натан. По-моему, для серьезного разговора тут слишком много зрителей.

Я встаю, она берет меня под руку, и мы выходим из лагеря. Габриэль и Несбит идут за нами на расстоянии нескольких шагов.

— Ты нужен Солу, Натан. Причем живым, а не мертвым, я уверена. Совет держал тебя в клетке

и тренировал для того, чтобы ты убил своего отца. Не приходится сомневаться, что именно таков был их план, однако, по-моему, теперь амбиции Сола зашли еще дальше. Видимо, он хочет сделать из тебя контролируемого убийцу, чтобы твоими руками убирать тех, кто ему неугоден.

— А что, на этот счет у кого-то тоже были видения?

— Насколько мне известно, нет. Зато это вполне согласуется с его планами подчинить себе всех ведьм во всех частях света. Он бы не отказался иметь тебя в качестве верного слуги, личного наемного убийцы. Конечно, я сама Сола не встречала, но Селия с ним знакома, да и ты, по-моему, его знаешь. Как считаешь, способен он на такое?

Я инстинктивно чувствую, что да, способен. И говорю Ван:

— Он сам хотел дать мне три подарка на мое семнадцатилетие. Это всегда казалось мне странным. Как будто ему важно было создать какую-то личную связь между нами.

— Да, думаю, для него это дело личное. Если подумать, то, по большому счету, ты ему ни к чему, но он все равно хочет заполучить тебя. Отчасти из эгоизма, отчасти... — она пожимает плечами, — потому, что ты — его навязчивая идея. Ты от него сбежал, вот он и хочет вернуть тебя во что бы

то ни стало. Но больше всего он жаждет власти. И ему вполне может представляться, что власть над тобой покажет всем его силу.

— Тогда хорошо, что он меня еще не заполучил.

— Вот именно. Но, в отличие от Сола, Альянс уязвим и слаб. Селия старается изо всех сил, чтобы те, кто еще на нашей стороне, не падали духом, она каждый день тренирует новичков, которые пришли к нам в последнее время. Но главная наша задача сейчас — выжить. А для этого надо залечь на дно. Не высовываться. Перестать нападать на Охотников. И, главное, не потерять тебя. Ты нам нужен, Натан. Если умрешь ты, Альянс обречен. Тебе нельзя рисковать жизнью, гоняясь за мелкими группками Охотников. Сола так не победишь. — Ван останавливается и смотрит на меня. — Хотя, кажется, тебя сейчас заботит совсем не это.

Я пожимаю плечами.

Она настаивает:

— Ищешь Анна-Лизу?

— А ты как думаешь? Это из-за нее умер мой отец. И с ним половина Альянса.

— Что ты сделаешь, когда найдешь ее? — спрашивает Ван.

Я фыркаю.

— В смысле, убью я ее быстро или медленно? В данный момент я предпочел бы расправиться с ней побыстрее, но проживем — увидим.

Ван делает глубокий вдох, вынимает из кармана портсигар, предлагает сигарету мне, берет сама. Минуту мы курим молча, потом она спрашивает:

— Ты уже научился пользоваться дарами отца?

— Знаешь, у Белых считается плохим тоном спрашивать об их дарах, Ван, а я ведь наполовину Белый.

Она выдыхает дым мне прямо в лицо и говорит:

— Знаешь, Натан, рядом с тобой я напрочь забываю о манерах.

Почему-то от этих слов мне хочется улыбаться.

— Я над ними работаю. Я про дары, не про манеры.

Она смотрит на меня так, словно едва сдерживает смех, и говорит:

— Ну, и каковы результаты?

— Я научился становиться невидимым — это получается у меня лучше всего — и еще я могу убивать молнией. Могу изрыгать огонь. — Для пущей убедительности я выпускаю колечко дыма без помощи сигареты.

— А контроль времени?

— Работаю, но пока не получается. Хотя вообще-то пускать изо рта дым тоже непросто.

Тут она все же не выдерживает и улыбается, а потом выпускает в мою сторону сначала одно большое дымное кольцо, потом еще серию маленьких вдогонку.

Я пока не понимаю, к чему она клонит.

— Так ты веришь в видение, в котором я убиваю Сола, Ван?

— Зачем мне какие-то видения, когда у меня есть кое-что получше: вполне материальный предмет, который поможет тебе убить Сола и обеспечить победу Альянса. — Она делает паузу, глубоко затягивается и продолжает. — Даже со всеми дарами твоего отца — ты все равно уязвим. Его смерть должна была показать тебе это. А тебе нужна сейчас не столько сила, сколько защита. Тебе нужно то, что сделает тебя неуязвимым, то, что сохранит тебя. Тебе нужен амулет Вардии.

— Ладно, признаюсь: я понятия не имею, что это за штука.

— Это древний ведовской артефакт, наделенный огромной магической силой. Считается, что он ведет свое происхождение от самых первых дней ведовства. Все амулеты призваны защищать своих владельцев, но этот в особенности. Он был создан Черной Ведьмой по имени Вардия. Времена тогда были другие, и Черные с Белыми

жили вместе. — Ван улыбается так, словно сама не может поверить в то, о чем говорит. — Вардия полюбила одного могущественного человека по имени Линус; некоторые верят, что он был принц, но главное в том, что он был еще и Белый Колдун. Однако ему не хватало своей магической силы, и он жаждал помощи Вардии. Он сказал ей, что любит ее, и она сделала ему специальный защитный амулет. Он выиграл много битв с этим амулетом, распластав его у себя на груди прямо над сердцем, под доспехами. Он побеждал тех, кто был сильнее его, и никогда не был ранен. Его могущество росло день ото дня. Линус был благодарен Вардии за защиту, но он не любил ее и знал, что никогда не полюбит. Наконец он устал лгать и рассказал Вардии правду. А потом ускакал ее прочь. Но, несмотря на его предательство, Вардия любила его по-прежнему, и потому, уходя, она разорвала амулет на две половины, одну из которых оставила ему, а вторую забрала себе и сказала, что, когда ему понадобится ее помощь, пусть только позовет, и она вернется, и тогда амулет снова обретет силу единства. Но Линус не успел — в следующем же бою его убили.

Да, помню, однажды я видел половину амулета. И это было не украшение из металла или драгоценных камней, как можно было ожидать, а клочок старого, потертого пергамента со стран-

ными закорючками, которые шли кругами — или, вернее, полукругами, потому что пергамент и впрямь был разорван посередине.

— Та половина, которую отдал тебе Габриэль? — спрашиваю я. — Это одна часть?

— Да.

— Но без второй от нее мало толку.

— Верно. Однако много лет назад я узнала, кому принадлежит вторая половина, и с тех пор непрерывно искала этого человека. По имени Леджер.

— И ты нашла его? Или ее?

— Да.

— И забрала вторую половину?

— Это не так просто. Но я уверена, что в обладании полным амулетом — ключ к победе над Солом. Если обе его части окажутся у тебя, ты будешь защищен не хуже Линуса. Никто не сможет тебя убить.

— Но если амулет разорван, то откуда ты знаешь, что он сработает? Почему ты вообще уверена, что это амулет той самой Вардии? Может, его вовсе не существовало, и все это не более чем глупая старая сказка.

Глаза Ван прямо-таки взрываются дождем сапфировых искр, когда она возражает:

— Конечно, никаких гарантий у меня нет, но я думаю, что Леджер знает, как заставить рабо-

тать обе половины. Она могущественная ведьма. Может быть, самая могущественная из всех, что жили когда-либо на свете.

— Могущественнее моего отца?

Ван снова берет меня под руку и продолжает:

— Видишь ли, Леджер очень отличается от твоего отца. И вообще, она настолько необычная Черная Ведьма, что большинство о ней даже не слышали. Она ведет очень уединенный образ жизни, однако несколько дней назад я удостоилась чести быть принятой ею. У нее много даров, и она располагает огромными знаниями о магии. Возможно, она поможет тебе получить доступ и к некоторым дарам твоего отца, а не только заставит работать амулет.

— Но зачем ей помогать мне? Да еще и уступать мне свою половину — за красивые глаза, что ли?

— С ней можно договориться. Я рассказала ей о тебе, и она очень тобой заинтересовалась.

Я смотрю на Ван. Она такая же холодная и загадочная, как всегда. Шрамы, оставленные на ее лице Меркури, почти прошли. На ней сейчас не любимый строгий костюм в пастельных тонах, а простые темные брюки, джемпер и зимняя куртка. Выражение лица непроницаемое. Я доверяю ей, хотя знаю, что она почти всегда преследует какую-то свою цель.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

— Так зачем Леджер помогать мне?

— Чтобы узнать это, ты должен сам встретиться с ней.

— Ты говоришь, что я рискую, нападая на Охотников; а откуда ты знаешь, что она просто не заберет у меня половинку амулета Габриэля и не убьет меня самого, раз она такая могущественная?

Ван едва заметно улыбается.

— Потому что убийство — не ее стиль. Кроме того, я уже отдала ей свою половинку амулета.

— Что?!

— Как знак полного доверия. Леджер наверняка знает, как починить этот амулет. Но говорит, что сделает это только для правильного человека. Так что нам остается надеяться, что этот человек — ты, Натан.

Я СТАНУ БОЯТЬСЯ ТЕБЯ БОЛЬШЕ ВСЕХ НА СВЕТЕ

Ван с Несбитом возвращаются в лагерь, а мы с Габием отправляемся на пробежку. Я спрашиваю его:

— Ты переживаешь из-за того, что Ван отдала твою половинку амулета?

— Нет, конечно. Я же сам отдал его ей в обмен на ее помощь, в благодарность за то, что она спасла мне жизнь. Пусть делает с ним что хочет. К тому же я ведь говорил тебе, Натан: меня больше не интересуют эти штуки. Да и никогда особенно не интересовали.

— И как, по-твоему, отправляться мне за этим амулетом или нет?

— Я как раз думаю об этом.

Я тоже. Познакомиться с Леджер, конечно, хочется, да и амулет меня тоже интересует, но отвлечься на них — значит, отказаться от поисков Анна-Лизы. Хотя я уже начинаю понимать — точнее, принимать то, что понял еще несколько

недель назад — Анна-Лиза скрылась, ее здесь нет. И она может оказаться где угодно.

Пару часов мы бегаем, потом возвращаемся в лагерь. Греторекс, Ван и Несбит заняты с Донной, и мы присоединяемся к ним. Несбит держит Донну, а та выглядит так, точно вот-вот отключится.

На земле стоит одна из каменных чашек Ван с остатками какого-то снадобья. Зелья правды, наверное.

Ван бросает взгляд на меня, потом снова поворачивается к Донне и спрашивает:

— Зачем ты хочешь вступить в Альянс?

— Там я смогу делать добро, — Донна едва ворочает языком, как пьяная.

— Какое добро?

— Убивать плохих парней.

— Кто плохие парни?

— Те, что творят зло, нехорошие.

— Но кто они? Назови хотя бы одного.

— Плохие парни. — Донна, похоже, сейчас уснет.

Ван настаивает:

— Охотники плохие?

— Они убивают членов Альянса.

— Да, но они плохие или нет?

— Они связали мне руки, заткнули кляпом рот и морили меня голодом. — Тут ее взгляд ненадолго фокусируется на мне, и она добавляет: — Он их убил.

— Ты знаешь его имя? — Ван показывает на меня.

— Натан. А еще Фредди.

Ван смотрит на меня, выразительно подняв брови.

— Фредди?

Я киваю.

— Натан плохой парень?

— Он убивал Охотников.

— Поэтому он плохой или хороший?

— Все говорят, что плохой.

— А что ты скажешь?

— Он отдал мне весь шоколад.

Ван раздувает щеки. Вид у нее усталый.

— Ты шпионка?

— Нет.

— Убийца?

— Я хочу убивать плохих парней.

— Кто плохие парни?

— Те, что творят зло, они плохие.

Мне почему-то кажется, что они уже давно топчутся на одном месте, и я решаю уйти: пусть переливают из пустого в порожнее без меня.

Позже я спрашиваю у Ван, как все прошло. Она встряхивает головой.

— Трудно. Для идеального результата надо, чтобы зелье было сварено на заказ, так сказать, по

индивидуальной мерке клиента. А я пользовалась общим рецептом, но даже с ним она должна была говорить только правду.

— Ну? И какой твой вывод?

— Мне не понравилось, что все ее ответы были какие-то однотипные. Честные, но не открытые. Однако судить пока рано. Надо сварить зелье специально для нее.

Ван предлагает мне сигарету, я беру. Затягиваюсь — и тут же снова выталкиваю дым. Я удивлен: сигарета простая, фейнская.

— Американская, — подтверждает Ван, словно читая мои мысли.

— У тебя, наверное, нет с собой того зелья, которое помогало мне спать?

Ван не сразу, но все же спрашивает:

— Дурные сны?

Я пожимаю плечами.

— Просто сны. — И задумываюсь, не рассказать ли ей о своих видениях. Потом решаю, что не стоит: как-нибудь в другой раз.

— У меня тут кое-что есть. — Опустив руку в карман куртки, она вынимает несколько крохотных бумажных пакетиков. Точнее, клочков бумаги, свернутых так, чтобы занимали совсем мало места. Из них она выбирает три.

— Зелье очень сильное. Принимай строго по одной порции на ночь, иначе не проснешься. —

И она замирает, держа квадратики над моей протянутой ладонью. — Ты ведь не соблазнишься проглотить их все сразу, а, Натан?

Я смотрю в сапфировую синеву ее глаз. И отвечаю:

— Каждый день подмывает.

Я не говорю ей, что единственное, что пока удерживает меня от самоубийства, это мысль об Анна-Лизе, о том, что она ходит где-то на свободе, живая и невредимая, и еще о том, что если я умру, а она будет продолжать жить, то мысль о такой несправедливости испепелит меня даже в аду. Только когда она умрет, я сдамся.

Я уже почти решаю отправиться на поиски Леджер, но меня удерживает Греторекс: она хочет, чтобы мы с Несбитом и Габриэлем сначала помогли ей устроить лагерь. Она вводит новый режим ежедневных проверок местности непосредственно вокруг лагеря и еженедельных — более широкого пространства. В каждом лагере Альянса по два прохода: первый для связи с другими, а второй, запасной, ведет куда-нибудь очень далеко — на всякий случай. Греторекс говорит:

— Система проходов позволяет нам не слишком расширять территорию лагеря, но сами проходы тоже могут стать проблемой. У Сола есть по

крайней мере один Охотник, который в состоянии их почуять.

Я киваю.

— Мой отец считал, что надо заполнить проходами весь мир. Пусть тогда Охотники побегают.

— Хорошая мысль, но пока мы будем продолжать прятаться и как можно чаще менять места.

Группу новичков посылают на ежедневную проверку ближней территории, а мы с Несбитом и Габриэлем идем дальше, посмотреть, нет ли там каких-нибудь признаков того, что нас выследили.

Хорошо смыться из лагеря хотя бы ненадолго. Несбит, Габриэль и я заранее договариваемся о том, кто из нас какую территорию будет обследовать в течение дня, так что утром мы расстаемся и отправляемся каждый в свою сторону, и только вечером снова собираемся вместе. Три дня мы обходим лагерь Греторекс по большому периметру и не находим ничего подозрительного; напротив, вокруг все на удивление спокойно.

Каждый день я упражняюсь в своих дарах. Невидимость, огонь и молнии даются мне все легче и получаются все лучше, а один раз мне даже кажется, что я вот-вот научусь останавливать время. Правда, останавливать надо совсем не вре-

мя. Отец делал не это. Он останавливал мир, или, по крайней мере, замедлял его настолько, что он как будто останавливался. Я повторяю то, что на моих глазах делал он: по кругу тру ладонь о ладонь и думаю о движущемся мире, потом прижимаю обе ладони к голове и представляю себе, что весь мир останавливается, а двигаюсь только один я. Поднимаю глаза и вижу, что все вокруг как бы замерло. Я поворачиваюсь к Габриэлю, он сидит неподвижно и смотрит на меня. Вдруг все вздрагивает и начинает двигаться. Габриэль моргает.

— Ты что-нибудь заметил? — спрашиваю я у него.

— Твоя голова вела себя как-то странно, — ответил он. — Сначала ты смотрел в другую сторону, а потом сразу хоп — и на меня.

Я ухмыляюсь ему.

— Кажется, мне впервые удалось остановить время.

— Еще раз сможешь?

Я пробую, и, хотя на этот раз у меня ничего не выходит, я понимаю, что надо не опускать руки, а тренироваться и тренироваться.

Вечером перед возвращением в лагерь мы лежим у костра. Несбит храпит совсем тихо, но спать все равно нельзя, так что я встаю и ворошу огонь в костре.

Габриэль молчит почти весь вечер; он достает сигарету, которую раздобыл, наверное, у Ван, закуривает и протягивает мне. Говорит:

— Ты все лучше и лучше управляешь своими дарами. Еще не так хорошо, как твой отец, но очень близко.

Я выдыхаю колечко дыма и тут же пропускаю через него язык пламени изо рта.

Габриэль говорит:

— Хороший фокус.

Я выпускаю еще одно кольцо и стараюсь сделать так, чтобы мой огненный язык стал тонким, как нитка.

— Мне кажется, ты и без Леджер хорошо справляешься. То есть она, конечно, могла бы подсказать тебе что-нибудь, но вообще-то тебе нужны только настойчивость и время.

— Ага. — И я делаю большое огненное кольцо. — Вот я и буду продолжать тренировки, а заодно раздобуду амулет.

— Который либо сработает, либо нет.

— Хочешь сказать, что мне не стоит тратить на него время?

— Я хочу сказать, что, может быть, нам следует подумать и о других вариантах.

— Каких?

Он тушит сигарету о землю, потом поворачивается ко мне и смотрит мне прямо в глаза.

— Например, уйти. Бросить эту войну. Уйти совсем.

— Как сделали другие Черные Ведьмы? Ты тоже от всего устал?

— Конечно, устал! Я устал мерзнуть. Устал голодать. Устал бояться. А в последние дни, здесь, в этом лесу, я вдруг вспомнил о том, как все начиналось. Как все было здорово, весело. Даже ты был веселым, по-своему.

— Это же война, ты сам говорил.

— Да, это война, и я устал от нее. А еще... я начинаю уставать от тебя, Натан. Никогда не думал, что скажу такое, но это правда. Я устал от твоей мести, от твоей злобы, твоей ненависти. Война убивает тебя. Не тело, она убивает твой мозг, твою душу. Ты переменялся. Я чувствую, что теряю тебя. Или ты сам себя теряешь. Тебе не нужна ни Леджер, ни амулет. Тебе не нужно убивать Анна-Лизу. Ничего этого тебе не нужно. Тебе нужно все забыть. Вернуться назад, к природе, и жить, как мы жили все эти последние дни, бежать от войны, пока она не превратила тебя в кого-то другого... в чудовище.

— А я думал, ты не веришь во всякую там борьбу добра со злом. Ты вроде говорил, что ни добра, ни зла не существует.

— Я говорил это о твоём даре. В тебе нет ни добра, ни зла, когда ты становишься зверем.

— Я убивал людей, когда становился им, когда во мне брало верх животное начало.

— Ты убивал ради пропитания или чтобы выжить. Но ты не убивал спящих.

Я качаю головой.

— Нет. Но когда я убиваю, как зверь, я съедаю тех, кого убил, Габриэль. А ведь людей есть нехорошо, позволь тебе заметить. Вообще все это нехорошо. Неважно, в каком обличье я убиваю — в волчьем или в человеческом, результат всегда один: еще одно мертвое тело у моих ног.

— Как зверь ты убиваешь без ненависти.

— Охотники — мои враги. Или мне их заливать до смерти?

Габриэль трясет головой.

— Я предупреждал тебя, что Альянс будет интересоваться тобой только в одном отношении: сколько ты сможешь убить. А ты сможешь убить многих. На этом я стою. Теперь они хотят, чтобы ты добыл для них амулет и убил Сола. Сколько еще жизней это будет стоить, им безразлично.

— А ты хочешь, чтобы Сол продолжал править и дальше?

— Нет. Но ты заботишь меня куда больше, чем он.

— Если я получу амулет и он сработает, то я буду неуязвим.

— Этого-то я и боюсь. Помнишь, я говорил тебе кое-что об Анна-Лизе: когда она увидит твою Черную сторону, увидит, как ты убиваешь, как мечаешься, она начнет бояться тебя больше всех на свете. Мое мнение ни на йоту не изменилось с тех пор. Только тогда мне было безразлично. Мне никогда не нравилась Анна-Лиза, я ей не доверял и не понимал, чем она так притягивает тебя. Честно говоря, мне даже хотелось, чтобы она увидела эту твою другую сторону. Хотелось, чтобы она поняла: вы не созданы друг для друга. Но... ты особенный человек, Натан, и особенным тебя делает именно то, что ты наполовину Черный, а наполовину Белый. Ты темен и в то же время полон света. И это я люблю в тебе. Всегда любил. А ведь я все еще люблю тебя, Натан, и буду любить. Но ты мечаешься. И я... я боюсь, что ты получишь этот амулет и отточишь все отцовские дары. С ними ты станешь неуязвим и убьешь много людей, очень много. Я боюсь, что ты уже не сможешь остановиться и совсем потеряешь себя. И тогда я тоже стану бояться тебя больше всех на свете.

ПЛЕВОК

Я сижу, смотрю в огонь и думаю о словах Габриэля. Конечно, я не хочу, чтобы он меня боялся, но я вспоминаю свое видение, в котором он манит меня куда-то с пистолетом в руке. Сможет ли он застрелить меня когда-нибудь? Я в это не верю. Даже если будет бояться меня больше всех на свете, и то вряд ли. А что до потери себя и прочей чепухи в таком духе, то я годами не знал, кто я такой, а теперь, когда я с каждым днем становлюсь все больше и больше похож на отца, в голове у меня как-то прояснилось, мне стало легче, спокойнее от того, что я знаю. Чтобы сделать то, что я должен сделать, — убить Сола и Уолленда, положить конец их царству страха, — я должен быть сильным и беспощадным, как Маркус.

На следующий день мы в последний раз не спеша обходим территорию по большому кругу и поворачиваем назад, в лагерь, куда возвращаемся уже в темноте. Несбит тут же отправляется искать Ван, но Греторекс говорит нам, что ее здесь

нет, она вернулась в первый лагерь, куда ее вызвали.

Я спрашиваю:

— Что-то случилось?

— Тебе надо постричься, — это произносит совсем другой голос, а Греторекс не успевает даже рта раскрыть в ответ.

Я оборачиваюсь и вижу Селию: она стоит и оглядывает меня с головы до пят. Мы не встречались уже несколько месяцев, и потому я тоже смотрю на нее внимательно. Она устала и похудела, но в остальном все такая же аккуратная и страшная, как всегда.

Она говорит:

— Хорошо, что ты еще с ним, Габриэль.

Мы усаживаемся вокруг костра, и Селия расспрашивает меня о моих дарах, а я говорю ей, что скоро, наверное, научусь останавливать время. Я жду от нее выволочки за свое последнее нападение на лагерь Охотников, но ее как раз интересуют подробности, и она, похоже, не столько злится, сколько радуется тому, что я одолел восьмерых.

— Хотя восемь — это еще пустяки. Восемьдесят восемь — вот сколько их встанет у тебя на пути, не меньше, если ты решишься дойти до Сола.

Я жду, что она заговорит про амулет, но она даже не упоминает о нем.

Тогда я спрашиваю:

— А если я все же рискну выйти против Сола, сколько своих солдат Альянс даст мне в поддержку?

— Честно говоря, не так много, как мне хотелось бы. Но Сол правит при помощи страха. Если мы сумеем нанести ему поражение, то многие из тех, кто сейчас боится и молчит, встанут на нашу сторону. И я верю, что тогда мы все будем действовать заодно: Черные, Белые и полукровки. Конечно, это будет непросто, и смутьяны всегда найдутся, но если мы все будем иметь равные права и закон для всех будет один, то тогда мы сможем построить более справедливое общество, такое общество, жить в котором станет лучше всем нам.

Я не верю своим ушам. И это говорит Селия! Та самая Селия, которая два года держала меня на цепи в клетке, вдруг уверовала в мир, где Черные будут мирно жить бок о бок с Белыми! Хотя, с другой стороны, сижу же сейчас я, полукод, между ней, Белой Ведьмой, и Габриэлем, Черным Колдуном.

Все равно странный у нас получается разговор. Только и слышно, что Белые Ведьмы да Черные Ведьмы, а про амулет ни слова, хотя я уверен, что она спит и видит, как бы мне его заполучить. И я начинаю задумываться, в чем тут дело, уж не скрывает ли она от меня что-нибудь.

Вдруг мне приходит в голову, что я еще не спросил у нее об Арране, и вообще не вспоминал о нем до сегодняшнего дня. В последний раз мы виделись с ним сразу после ББ. Он был тогда с Селией, помогал лечить раненых, которых было совсем немного. Почти все погибли. Я собираюсь с духом, чтобы заговорить о моем брате, и боюсь, не с ним ли связано то, что она от меня утаивает, но она как будто предвидит мой вопрос и отвечает раньше, чем я успеваю его задать:

— С Арраном все в порядке. Он хороший целитель и полезный член Альянса. Его голос — голос разума. И хотя он всегда звучит негромко, но его слушают все — и Черные, и Белые.

Вот мы и опять приехали: Черные и Белые.

Селия оставляет нас у огня и уходит спать к себе в палатку, а я все думаю, зачем же она пожаловала в лагерь номер три? Повидаться со мной? С Греторекс? Или в Альянсе есть проблема? И почему Ван исчезла, так и не успев рассказать мне о том, как найти Леджер?

Утром я иду с Габриэлем смотреть, как тренируются новенькие. С нами увязывается Несбит. Рад небось до усрачки, что выпал случай полапать молоденьких девчонок. Мы с Габриэлем помогаем им советами, и вскоре одна из них все же исхитряется напирать Несбиту по яйцам.

Донна тоже там, сидит, как и в прошлый раз, напротив, руки у нее связаны.

Я говорю Габриэлю:

— Наверное, Донна весь остаток жизни будет ходить со связанными руками.

— Несбит говорил, что Ван начала готовить зелье правды специально для нее, но не закончила: ее вызвали в первый лагерь. Так что ты прав, придется ей пока так походить.

— Думаю, я все же правильно поступил, что не доверился ей с самого начала: больно странно она отвечала под общим зельем. — Но, поглядев еще раз на Донну, я вдруг понимаю, что она симпатична мне куда больше, чем новенькие, и как бы в шутку добавляю: — Хотя заметь, я и этим готов доверять не раньше, чем положу их на обе лопатки!

Несбит плюхается рядом с нами на землю и, не сводя масляных глаз с девчонок, спрашивает:

— На лопатки? И кого же из них ты собрался уложить?

Габриэль меряет его долгим взглядом.

— Несбит, а ты знаешь, что если сложить вместе годы всех новеньких, да еще перемножить на количество раз, которое ты облапал каждую из них, то результат все равно получится меньше, чем возраст, который они тебе дают?

Несбит со смехом отвечает:

— Я-то да, а ты заметил, как здесь мало парней? На каждого мужика приходится по две бабенки как минимум, и некоторые из них наверняка...

— Отчаялись?

— Интересуются зрелыми мужчинами.

— Еще чего!

— И пусть это говорю я сам, но я в последнее время держу себя в хорошей форме. — Он хлопает себя по животу, и я отмечаю, что, действительно, там, где раньше был запас жира, теперь сплошь крепкие мышцы. Хотя, если подумать, толстых среди нас вообще нет: на нашей диете не разжиреешь. — Конечно, я немного старше...

— Немного! — хором откликаемся мы с Габриэлем.

— Да вы просто предубеждены против людей в возрасте, вот что я вам скажу, парни!

— Есть здесь одна женщина, которая, как я слышал, в восторге от тебя, Несбит, — говорит Габриэль. — Белая Ведьма. Блондинка.

— Ой, да здесь полно блондинок, — отвечает Несбит кокетливо.

— К тому же умница. Спортсменка, — продолжает Габриэль.

Несбит оглядывает новеньких.

— Хм-м? И которая же?

Габриэль молчит, и Несбит переводит взгляд на него.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

— Ну? Давай, парень, колись.

— Она прибыла в лагерь вчера вечером.

— Селия? — Несбит корчит рожу и начинает хохотать.

Тут к нам подходит Адель и говорит:

— Селия зовет тебя на два слова, Несбит.

— Ха! А что, может, вы и правы, парни. — Он встает, отряхивается. — Что поделаешь, времена нынче тяжелые, обстоятельства отчаянные, и все такое прочее.

— И тебя тоже, — добавляет Адель, и я поднимаю голову, но обнаруживаю, что смотрит она вовсе не на меня, а на Габриэля.

Адель уводит их к Селии. Греторекс, наверное, тоже у нее, раз ее нет на площадке с новенькими. Остается ждать, когда позовут и меня.

Не проходит и часа, как Адель возвращается за мной. Селия сидит у костра, Греторекс — справа от нее, Несбит и Габриэль стоят слева. И все они смотрят, как я подхожу к ним. Несбит, похоже, нервничает, он шепчет что-то на ухо Габриэлю.

Я приближаюсь, Габриэль идет мне навстречу. Вид у него до того серьезный, что я немедленно напрягаюсь. Понятия не имею, о чем тут у них шла речь, но явно ни о чем хорошем.

Я останавливаюсь. Габриэль тоже, он стоит прямо передо мной, частично закрывая от меня Селию, касаясь меня плечом. Он очень близко, но

не отталкивает меня своим телом, а просто налегает на мою руку.

— В чем дело? — спрашиваю я его.

— Селия все тебе объяснит, только, пожалуйста, Натан, постарайся сохранять спокойствие.

Селия говорит:

— Садись, Натан. Нам надо поговорить.

— Я могу говорить и стоя.

Тогда Селия тоже встает, за ней Греторекс.

— Произошли некоторые события, о которых я должна тебе рассказать. Кое-кто из Черных в главном лагере выражает недовольство. Особенно усердствует Гас и еще некоторые.

Я знаю Гаса, видел его пару раз, причем в нашу последнюю встречу мой отец отрезал ему ухо за то, что он нападал на меня. Не удивительно, что теперь он мутит воду.

— Вот почему я попросила Ван вернуться, — продолжает Селия. — Она пользуется большим уважением среди Черных. Точнее, как среди Черных, так и среди Белых. Она сумеет утихомирить всех.

— Ты когда-нибудь дойдешь до дела? — спрашиваю я.

— Причина возмущения Черных — пленница, которую мы там держим.

— Пленница?

Я чувствую, как у меня перехватывает горло, я не могу вдохнуть и уже знаю, что будет дальше, хотя не отваживаюсь даже подумать об этом — вдруг я ошибаюсь? — и, когда Селия все с тем же непроницаемым лицом добавляет:

— Анна-Лиза, — я не верю своим ушам и, на всякий случай, переспрашиваю:

— Анна-Лиза?

Селия повторяет:

— Да, Анна-Лиза. Она у нас в плену. В первом лагере. — Целая секунда проходит, прежде чем я понимаю смысл ее слов. От меня что-то скрывают, судя по тому, как они ведут себя со мной сейчас, мне не доверяют, и все же она у них. Она никуда не сбежала. Я слышу свой голос:

— Мне надо туда, в первый лагерь.

— Как раз об этом я и хочу с тобой поговорить. Прежде всего, ты должен понять ситуацию, Натан. — Помешкав, Селия продолжает. — Мы схватили Анна-Лизу через несколько дней после ББ. Она...

— Что? Но тогда... она у вас уже не одну неделю? Не один месяц?

— Три месяца.

— И никто мне до сих пор ничего не сказал?

— Я говорю тебе сейчас.

Голос Селии тих и спокоен. А мой нет, я ору:

— Да я из-за нее всю эту гребаную страну прочесал частым гребнем!

— Да, я знаю.

Я срываюсь на мат.

— И кто еще знал, что она у тебя? — спрашиваю я, обводя всех яростным взглядом. Один Несбит не отводит глаз, — значит, он и правда ничего не знал, — а Габриэль, стоя со мной бок о бок, тоже смотрит прямо на меня, но так, что я сразу все понимаю.

— Ты все знал? — спрашиваю я его. — Знал и ничего мне не сказал?

— Я кое-что слышал. И понял, что могло произойти, и...

— А тебе не пришло в голову поделиться со мной этим слухом? Не пришло в голову рассказать, что ты там понял? — Я матерюсь на него и отворачиваюсь. — Значит, все это время, пока я искал ее, а ты твердил мне, что я рискую жизнью, нападая на Охотников, ты мог легко и просто остановить меня, поделившись со мной своими догадками?

— Я же не знал, что ты будешь нападать на Охотников.

Но я его уже не слушаю. И ничего не понимаю. Не могу понять, почему он не рассказал мне об Анна-Лизе. Он же знал, что я с ума схожу из-за нее.

— Ты все знал и ничего не сказал мне!

— Я пытался...

— Ты ничего мне не сказал. — Я подаюсь вперед и ору ему прямо в лицо: — Ни-че-го!

— Я...

— Я тебе верил, — шиплю я.

Но тут уже Габриэль подается вперед и тоже шипит мне в ответ:

— Нет, ты мне не веришь — давно уже не веришь. Ты не говоришь мне, что делаешь и что будешь делать. Пропадаешь где-то целыми днями и не сообщаем, где ты был и кого убивал. Отделяешься парой слов, когда сказать что-то все-таки нужно. Вернее, когда это нужно тебе.

Поверить не могу, что он меня же еще и обвиняет. Сам спрятал от меня Анна-Лизу, а обвиняет меня! Я набираю полный рот слюны и плюю. Мой плевок попадает ему на щеку.

Габриэль смотрит на меня, выпучив глаза. Я еще никогда не видел, как он злится. Тут между нами встает Несбит, он оттесняет от меня Габриэля, говоря ему:

— Что с ним поделаешь, Натан — он и есть Натан, за это ты его и любишь.

Селия кричит:

— Натан, тебе надо успокоиться!

Я поворачиваюсь к Селии, покрываю ее чернейшим матом, а потом, набрав полную грудь воздуха, ору:

— Похоже, здесь все все знали?

— Греторекс знала и получила приказ молчать, чтобы держать тебя подальше от первого лагеря, а поскольку ты и здесь появлялся нечасто, то ей было несложно выполнять приказ.

— Так с чего ты теперь вдруг решила мне сказать?

— Как я уже говорила тебе вчера вечером, Альянс обязан обеспечить равенство всех ведьм перед законом. Сейчас идет война, но она не отменяет ни правил, ни необходимости соблюдать их. Анна-Лиза в плену. Она не хочет больше воевать. Она не поддерживает Сола и никогда не встанет на его сторону, но она считает, что война — это не выход.

— Мне плевать, что она там считает. Меня интересует одно — что ты собираешься с ней делать?

— Она предстанет перед новым судом, который мы сейчас организуем: это будет суд Черных и Белых Ведьм, он и вынесет решение по ее делу. Она застрелила Маркуса, Черного Колдуна и влиятельного члена Альянса. В результате ее действий Альянс потерпел сокрушительное поражение. Большая группа Черных во главе с Гасом хотят, чтобы она понесла наказание. Альянс же хочет — вернее, нуждается в том, чтобы действовать по справедливости: все должны видеть, что для нас Белые и Черные Ведьмы равны. Именно

этим Альянс и отличается от Совета, и мы хотим, чтобы все это понимали. С другой стороны, судебная процедура для Анна-Лизы означает, что она имеет право на защиту.

— И как она будет защищаться?

— Она утверждает, что действовала под влиянием аффекта. Говорит, что хотела только помочь своему брату.

И тут весь мой гнев против Анна-Лизы испаряется, сменяясь холодным презрением. Я говорю Селии:

— Коннор был уже мертв, когда она застрелила Маркуса.

— Вот это и должен будет установить суд. Все свидетели будут принимать зелье правды. Верь мне, Натан. Правда выйдет наружу.

— Тогда верь мне и ты, потому что я говорю правду: мой отец убил Коннора О'Брайена, Охотника, когда тот тянулся за пистолетом. Анна-Лиза выстрелила в Маркуса, когда Коннор был уже мертв, а потом сбежала, оставив нас расхлебывать последствия. Это из-за нее моего отца больше нет в живых. А из-за того, что он умер, некому было остановить тогда Охотников, и погибли сто членов Альянса. Их кровь на ее руках.

— Твои показания выслушают, Натан. Так должно быть, и так будет. — Селия делает паузу, потом добавляет: — Но ты должен предоставить

суду решать участь Анна-Лизы. Отказаться от личной мести.

— Если ее отпустят, я буду мстить.

— Что ж, тогда тебя тоже будут судить.

— Пусть попробуют.

Селия говорит:

— Похоже, ты уже понял, в чем ее дар?

Я много думал об этом, и кое-какие подозрения у меня возникли. Когда Анна-Лиза убила Маркуса, началась жуткая пальба. Габриэль толкнул меня на землю и закрыл собой, а когда я снова поднял голову, Анна-Лизы уже нигде не было. Сначала я решил, что она просто убежала и спряталась среди деревьев, но, думаю, я с самого начала знал, что она просто исчезла, буквально.

— Она может становиться невидимкой, — подтверждает мои подозрения Селия.

— До чего же удачно, что у нее такой же дар, как у ее многоуважаемого дяди и прославленного брата. Просто великолепно. Лишнее подтверждение тому, что они — одного поля ягоды.

— Вот и Гас так считает, но, с другой стороны, найдется немало тех, кто скажет то же самое о тебе и о твоём отце.

— Я этим горжусь.

— Будь осторожнее, Натан. В Альянсе много Белых Ведьм, куда больше, чем Черных, если на то пошло, и хотя они не питают особой любви к

семье Анна-Лизы, в ней самой они видят слабую, незначительную жертву обстоятельств, несмотря на ее дар. С тобой все совсем иначе. Ты не слаб и не беззащитен. В тебе люди видят точную копию твоего отца. И знают, что ты сделал, чтобы получить его дары.

— Что я вынужден был сделать!

— Тебя боятся, Натан, и это плохо. Многие Белые Ведьмы боятся тебя нынешнего и такого, каким ты еще можешь стать. Они жалеют Анна-Лизу, которая действовала под влиянием любви к оступившемуся брату, хотела помочь ему, но в тебе они видят только Черного Колдуна — убийцу, сына Маркуса, пожирателя сердец. Ты убил Маркуса. Некоторые даже считают, что судить надо тебя, а не ее.

— Я хотел его спасти! Но бесполезно. Надежды не было, он умирал. Я не хотел, чтобы так все вышло!

— Успокойся, Натан, — тихим и ровным голосом говорит Селия.

Я матерюсь.

— Среди Белых сторонников Анна-Лизы есть те, кто считает, что лучший способ защитить ее — это привлечь внимание к тебе. Они говорят, что закон для всех должен быть один.

— Так ты хочешь меня арестовать? В этом все дело? За то, что я съел сердце Маркуса после того, как она его застрелила?

— Мы не можем сделать для тебя исключение. Тебе тоже придется отвечать на обвинения. Тогда все и объяснишь. Не думаю, что...

— А пока ты опять посадишь меня в клетку?

И я понимаю, что они мечтают об этом, все Белые спят и видят меня в оковах. Но я ни за что, ни за что больше не дамся. И, не успеваю я подумать, как из моих ладоней вырываются две молнии и ударяют в землю по обе стороны от Селии, а в воздухе между нами вспыхивает большой клуб пламени, так что она отшатывается.

В ту же секунду ее шум наполняет мою голову, ее разрывает боль, которую я ненавижу, и я оказываюсь на коленях.

Но она сразу прекращает.

— Я не хочу делать тебе больно, Натан. Не хочу испытывать на тебе свой дар, но мне придется, если ты не успокоишься.

Я поднимаю голову, смотрю на нее, встаю на ноги. Как я ненавижу этот ее звук, я готов на все, чтобы прекратить его, буквально на все. Она никогда больше не воспользуется им против меня.

Никогда.

Я начинаю тереть ладонью о ладонь, думая о вращающемся мире, тру все быстрее, быстрее, и замираю. Потом подношу обе ладони к вискам и думаю о покое.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

И все замирает. Все делается неподвижным. Звуки стихают.

Селия стоит прямо напротив меня, спокойная и сосредоточенная. Габриэль не сводит с меня глаз, он все еще зол. Несбит замер на одной ноге, как будто хотел попятиться, Греторекс держит меня на мушке. А за их спинами толпятся новенькие. Наверное, услышали шум и сбежались посмотреть, в чем дело. Лица у большинства напуганные, но некоторые явно торжествуют. Донна тоже с ними, руки у нее по-прежнему связаны, лицо серьезное.

Я ухожу от них. Не знаю, как долго будет стоять время. Хотя какая разница. Главное, они больше не посадят меня в клетку.

Я уже далеко, когда позади раздаются крики. Значит, время пошло. Я перехожу на бег.

СНОТВОРНОЕ

Я в лесу. Поздно. Что теперь делать, не знаю. Я никого не убил, никого не ранил. Хотя мог бы. Но зато я плюнул в лицо Габриэлю. Как я мог?

Уже почти совсем темно, когда я слышу шаги. Они замирают, потом возобновляются, еще более громкие и неуклюжие. Тот, кто идет, хочет, чтобы я его слышал, а подойдя совсем близко, снова останавливается и говорит:

— Чудную магию ты нам показал, парень.

Я молчу, через минуту подходит Несбит и присаживается рядом со мной на корточки.

— Сначала никто ничего даже не понял. Ты прям как в воздухе растворился. Габ сказал, что ты, наверное, остановил время.

— Ага.

— Здорово!

— Ага.

— А потом кое-кто из нас решил, что тебя надо найти. И... в общем... вот я здесь. Имей в виду, это

было нетрудно: ты, как всегда, оставил за собой след шириной в милю.

— Я не собирался прятаться. Мне просто надо было подумать.

— А, ну да, конечно, дело ясное. — Минуту Несбит ухитряется просидеть тихо, потом говорит:

— В клетку тебя никто не посадит. Селия не даст. Она так сказала.

Я уже не знаю, чему верить, но не думаю, чтобы Селия стала мне лгать.

Несбит добавляет:

— И Ван тоже не позволит. Да и я, и, конечно, твой красавчик. А уж Греторекс такая перспектива и вовсе не по душе. Так что у тебя больше друзей, чем ты думаешь.

Я удивляюсь, неужели это правда? Если так, то почему я постоянно чувствую себя таким одиноким?

— Габриэль еще злится?

Несбит мешкает, потом отвечает:

— По шкале от одного до десяти я бы определил его градус как девять с половиной.

— Значит, могло быть хуже.

— Он остынет. — Несбит толкает меня в бок и говорит: — Лучшее в ссорах — это примирение. Так и вижу, как это будет: ты попросишь у него прощения, он тебя обнимет и...

— Несбит, заткнись.

Мы еще немного сидим молча, потом я спрашиваю:

— Так какой у нас план?

— План такой — я пускаю в ход все свое недюжинное обаяние, чтобы уговорить тебя успокоиться и вернуться в лагерь. Потом, когда Селия убедится, что ты не станешь убивать Анна-Лизу молнией или чем-нибудь еще, как только ее увидишь, мы отправимся в первый лагерь, где ты дашь свои показания на процессе века. Судить будут, разумеется, Анна-Лизу. Тебя трогать не станут, по крайней мере пока. Селия говорит, что если все будет хорошо, то до этого и вовсе не дойдет. Понятно, если что не так, то и ты от суда не отвертишься. С другой стороны, если Анна-Лизу признают виновной, то никто не будет возбуждать дело против тебя. Селия говорит, что обязательно объяснит всем, что ты пришел давать показания добровольно. И мне она велела особенно подчеркнуть, что ты не под арестом и что никаких обвинений против тебя нет.

— Пусть даже не пытается меня арестовывать. Под суд я не пойду. Никогда. И ни за что, и уж точно не по обвинению в убийстве отца. Я не обязан перед ними отчитываться. И я никогда больше не окажусь ни в клетке, ни в камере, ни вообще за закрытой дверью.

— О'кей. С этим все ясно. — Минуту спустя Несбит добавляет: — Честно говоря, парень, по моему, всем, кто захочет тебя арестовать, придется сильно помучиться, а если им это удастся, то ненадолго, ведь с твоими дарами можно в два счета выбраться откуда хочешь, так что на твоём месте я не стал бы так переживать. — И он опять пихает меня локтем. — Ну, а если у тебя не получится, то я испеку старый добрый пирог с напильником и передам его тебе в камеру. Или Габ прикинется толстым потным тюремщиком, украдет ключи и...

— Несбит, заткнись.

— Я просто хотел сказать...

— Когда мне было четырнадцать, на меня надели ошейник. Если бы я отошел слишком далеко от своей клетки, он лопнул бы и из него вытекла бы кислота. Они опять это сделают.

Несбит некоторое время молчит, потом произносит:

— То-то ты такой дерганный.

— Спасибо.

— Хотя, мне кажется, теперь тебя и это не останавливает. Ушел же ты от целого отряда не последних по дарованиям ведьм. Ну, в смысле, Селия ведь выпустила свой шум, а ты все равно смылся. Греторекс с девочками...

— Несбит, ты можешь помолчать? Хотя бы одну минуту?

Он утихает почти на целую минуту, потом вдруг спрашивает:

— У тебя еды нет? А то у меня после той мерзкой овсянки маковой росинки во рту не было.

Еды у меня нет, но мы разводим костер, садимся возле него и сидим до глубокой ночи, подбрасывая веточки в огонь, а Несбит болтает о всякой всячине. Когда он наконец засыпает, я обдумываю все еще раз. Анна-Лизе не должно сойти с рук то, что она сделала. Из-за нее умер Маркус. Я сказал, что убью ее, и, может быть, мне все же придется сдержать слово. С другой стороны, мне хочется увидеть ее под судом. Я хочу увидеть, как ее будут допрашивать. Хочу видеть ее в клетке, где она будет сидеть, не зная, выйдет ли когда-нибудь на свободу. Так что я пойду на ее процесс и дам против нее показания. Заодно посмотрим, способен ли Альянс на справедливый приговор. Если окажется, что нет, я сам решу, что делать.

Я достаю пакетики со снадобьем, которые дала мне Ван. Наверное, она знала, что мне будет не обойтись без них, когда я услышу об Анна-Лизе. Не исключено. Но у меня нет желания глотать все три разом. Я еще хочу увидеть Анна-Лизу. И чтобы она тоже меня увидела. Я хочу плюнуть ей в лицо. Тут я снова вспоминаю о Габриэле. Как я мог так поступить с ним?

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

Я открываю один пакетик и обнаруживаю внутри пятнышко тонкого желтого порошка. Осторожно касаюсь его кончиком пальца, слизываю прилипшие кристаллы, но не ощущаю ничего, кроме слабого привкуса мяты. Тогда я опрокидываю содержимое пакетика себе в горло: вкус мяты наполняет мне рот, тут же превращаясь в сухую горечь, но, не успеваю я пожалеть о том, что у меня нет воды, как обнаруживаю, что уплываю куда-то в темноту, и мне тепло и спокойно.

Темнота тихая и пустая. Ее ничто не нарушает. Она совершенна.

Я СПОКОЕН

— Успокоился? — спрашивает Селия.

— Не благодаря тебе.

Я грублю, но слова произношу тихо и медленно. Внутри у меня ясно и прозрачно. Не знаю, что такое было в том порошке, который дала мне Ван, но уж наверняка больше чем просто снотворное. Давно уже я не испытывал такого чувства уравновешенности и полного самообладания. Но большую часть дня я все равно провел подальше от лагеря, куда вернулся только под вечер. Несбит пришел со мной, на удивление тихий и молчаливый.

— Я использовала против тебя свой дар только потому, что боялась, как бы события не вышли из-под контроля, — говорит Селия. — Новенькие не знают тебя так, как знаю я. Они могли подумать, что ты собираешься на меня напасть. Но я тебе верю, Натан.

Я помню ее лицо, когда она застыла во времени — честное, как всегда. И внутренне сосредото-

точенное, как будто она что-то подсчитывала про себя.

Я киваю на новеньких, которые сидят у огня напротив, и говорю:

— Похоже, они все ждут, что я скоро начну вырывать у них сердца и есть их на завтрак.

— Нет, но вопрос о том, что ты будешь делать, когда увидишь Анна-Лизу, остается.

— Я ненавижу ее и хочу ей смерти. Я хочу отомстить ей за отца, но еще я хочу увидеть ее под судом. Хочу справедливости. Пусть ее признают виновной. И накажут. Жестоко накажут. Думаю, что пули в живот и долгой мучительной агонии в полном одиночестве будет достаточно, даже для нее.

— Но ты не будешь пытаться убить ее, как только увидишь?

— Не буду. Правда, если ее не признают виновной и отпустят... тогда не знаю, — я качаю головой. — Что ей сделают, если ее вина будет доказана?

— Думаю, посадят в тюрьму. Возможно, надолго.

— Она убила Маркуса. Она должна умереть. От пули.

— Сомневаюсь, что суд вынесет такой приговор. А если ты сам попытаешься привести его в исполнение и вообще возьмешь закон в свои ру-

ки, я вынуждена буду арестовать тебя. Так должен действовать Альянс. Справедливость для всех, Натан.

— Отлично, — я улыбаюсь ей. — Только сначала тебе придется меня поймать.

— Надеюсь, до этого не дойдет.

Уже темно, когда я заканчиваю разговор с Селией, а Габриэля нигде не видно. Я спрашиваю о нем у Несбита, тот говорит:

— Попробуй поискать его в палатке. — Вот как? Я даже не знал, что у Габриэля есть своя палатка. Несбит кивает на ту, что с краю, и я вижу, что в ней горит зеленый свет.

Я подхожу ближе и, барабанив по холсту пальцами, зову:

— Габриэль?

Он не отвечает, но я уверен, что он там, и потому засовываю голову внутрь. Палатка полна зеленоватого свечения от чашки ночного дыма, которая стоит на земле у самого лица Габриэля. Он лежит на боку, на коврик, брошенном прямо на землю, и читает книгу. На меня он не смотрит.

Я говорю:

— Привет.

Он молчит и головы не поднимает.

— Надеюсь, ты только притворяешься, что читаешь, — говорю я. — Иначе и быть не может, по-

тому что ты ведь не можешь сосредоточиться на книге, ты только и думаешь о том, как бы выбить из меня все мое живое дерьмо.

— Не знаю, какое именно дерьмо ты называешь живым, но ты недалеко от истины.

Теперь Габриэль смотрит на меня, и я вижу, что его лицо серьезно. Он и впрямь не прочь вздуть меня как следует. Я вхожу в палатку, пригнув голову: она совсем невысокая, и я чувствую себя в ней неловко, а потому опускаюсь на колени.

— Ты что-то от меня хочешь? — Голос Габриэля полон яда.

— Хм. Да... Я думаю, нам надо поговорить.

— Ха! Это почти забавно, услышать от тебя такое. Только знаешь, я сейчас не в настроении смеяться.

— Ты зря не рассказал мне, что ты подумал про Анна-Лизу.

— Ты зря не рассказал мне о своем нападении на Охотников.

— Я рассказал.

— Да, кое-что, потом, когда у тебя уже не было выбора; когда ты не мог больше скрывать.

— А ты продолжал скрывать от меня то, что знал об Анна-Лизе. Охотники тебя не напугали.

— Не напугали? Группа из восьми Охотниц так близко к нашему лагерю? Совсем рядом с Греторекс и новенькими?

— Но...

— Они могли тебя убить или ранить, а когда я пошел бы тебя искать, они убили бы и меня.

— Но я был...

— Я не закончил, — перебивает меня Габриэль. — Я признаю, что скрывал от тебя свои мысли. Я скрывал от тебя свои подозрения о том, что Анна-Лиза давно в плену у Альянса, но только для того, чтобы защитить тебя. Ты же знаешь, что я терпеть ее не могу. И с удовольствием увидел бы ее мертвой. С одной стороны, я был бы рад увидеть, как ты разрываешь ее на куски, но, с другой, я понимаю, что это было бы неправильно, не по отношению к ней или ко мне, а прежде всего по отношению к тебе. Ты сейчас сам не свой, Натан. Мне не хотелось, чтобы ты убил ее тогда и жалел об этом позже. Все, что я сделал, я делал ради тебя. А ты скрывал от меня свои мысли и чувства потому, что так хотелось тебе самому. Ты думал только о себе. Как обычно.

Я решаю, что проиграл спор с Габриэлем.

— Тебе лучше уйти, — говорит он.

Я не двигаюсь. Мне совсем не хочется уходить. Мне хочется поговорить с ним. К тому же я должен извиниться. Я весь день ломал голову над тем, что я ему скажу. Так что теперь мне просто необходимо сказать ему это.

Я набираю полную грудь воздуха и тихо и искренне говорю:

— Габриэль, прости, что я на тебя плюнул.

Он округляет глаза и фыркает.

— Вау. Надо же, извинения.

Ладно, пусть так. Хотя это не то, на что я надеялся. Я продолжаю:

— Я был зол. Но я все равно не должен был так поступать. И мне жаль, что я это сделал.

— Да, ты не должен был на меня плевать. Ты. Зря. Плюнул. Мне. В лицо. Я тоже умею злиться. Так что одними извинениями ты не отделаешься, хотя услышать их от тебя уже — дорогого стоит.

— А чего еще ты хочешь?

— Ничего. Просто уходи. — Он перестает смотреть на меня и снова утыкается в свою книгу.

Мы еще немного сидим молча. Я надеюсь, что он вот-вот оттаит, это должно произойти. Нельзя же так долго злиться. Но он закрывает книгу и смотрит на меня.

— Ты еще здесь? — спрашивает он. Его голос полон холодной злобы.

— Габриэль, я...

— Натан, я правда очень, очень зол на тебя. И хочу, чтобы ты ушел отсюда сейчас. — И я понимаю, что он говорит это абсолютно серьезно.

Я встаю, выбираюсь из палатки, выхожу из лагеря и продолжаю идти.

Потом перехожу на бег и все бегу, бегу. Я могу бежать часами, полностью отключившись от всего, передав контроль своему телу.

Я не прихожу в лагерь целый день, и еще один, и еще. Большую часть времени я остаюсь животным, но иногда все же превращаюсь в человека, чтобы подумать.

Мне страшно — а вдруг Габриэль уже начал меня бояться, как и говорил? И я вспоминаю все известные мне истории о Черных Колдунах, о том, как они редко ладят и как их отношения всегда кончаются насилием. Вспоминаю его взгляд, его злость на меня.

Я думаю об отце, я хочу походить на него, хочу быть сильным, как он. Во многих отношениях он был достойным и очень честным человеком. И еще я знаю, что он меня любил. Но он также мог быть страшным, беспощадным, жестоким. Я вспоминаю историю из дневника Меркури о том, как Маркус убил колдуна по имени Торо. Я так и не спросил отца о том случае. Я не хотел знать ответ, потому что, кажется, Меркури была права: он убил Торо просто потому, что Торо его раздражал, а он, Маркус, мог это сделать, а еще потому, что жизнь Торо была ему так же безразлична, как жизнь какой-нибудь мухи. А я люблю

Маркуса, но не хочу становиться таким, как он. Не хочу, чтобы люди меня боялись.

Габриэль уважал моего отца, но он уважает и мою Белую сторону, ту, что досталась мне от матери. Я совсем не помню мать, зато я хорошо помню бабушку Дебору, Аррана — все они есть и были добрые, заботливые, равнодушные люди. Я знаю, что очень далеко ушел от них, но я все же не хочу совсем потерять связь со своей Белой стороной.

Я хочу оставаться полукодом. Хочу соединять в себе Белое и Черное — лучшее из обоих миров.

А еще я очень хочу увидеть Габриэля, чтобы сказать ему, что я не совсем пропащий, я знаю, кто я такой. И я отправляюсь в лагерь. Не помню, сколько меня там не было, дня четыре или пять. До лагеря далеко, и пока я бегу, погода портится, начинает идти снег, дует ледяной ветер. Так что я добираюсь до места только через два дня. Когда я подхожу к лагерю, уже темно, сыплет снег, но ветра нет.

Я измучен, весь покрыт грязью и страшно хочу есть, но сначала мне надо увидеть Габриэля. На этот раз я знаю пароль, называю его, как следует, и спокойно вхожу в лагерь.

Первым делом я направляюсь к палатке Габриэля, с каждым шагом чувствуя, как меня все

сильнее тошнит от страха. А вдруг он опять откажется говорить со мной? Что, если он меня возненавидел?

Я вижу его палатку, но даже издалека могу сказать, что света в ней нет. Мой желудок буквально завязывается в узел, так что даже больно делается. Я заглядываю внутрь палатки. Там пусто: ни книги, ни спального мешка. А что, если он совсем ушел из Альянса, пока меня не было? Надо найти Несбита. Тот наверняка знает. Но уже поздно, валит снег, кругом ни души. И вот тут меня начинает тошнить по-настоящему. Неужели на этот раз я действительно все профукал? Я иду на середину лагеря, к костру, в надежде, что, может быть, там Несбит... И вижу человека, он спит на земле, один, его спальник припорошен снегом. Габриэль? Кажется, это он, и я спешу к нему, проверить, не ошибся ли я.

Это он. Спит.

Я опускаюсь на землю у его ног. Мне так радостно, хотя желудок еще сводит от напряжения. Снег теперь падает небольшими, мягкими хлопьями. Я подбрасываю в костер пару поленьев, но огонь уже почти прогорел. Меня все еще тошнит.

Габриэль просыпается и садится. А может, он и не спал. Он натягивает спальник себе на плечи, но ближе ко мне не подвигается. Между нами расстояние около метра.

Я смотрю в огонь и думаю, с чего начать: то ли снова извиниться, то ли сказать ему, как я рад, что он здесь.

Он говорит:

— Тебя долго не было. Где ты пропадал?

И мне хочется плакать, потому что его голос звучит все так же холодно.

Я отвечаю:

— Я пропал, но не навсегда... а может, и навсегда. Не знаю. — Я поворачиваюсь к нему: — Но я не хочу, чтобы и с тобой случилось то же. Не хочу, чтобы ты страдал, особенно из-за меня.

— Тогда не лги мне. Не скрывай от меня, что делаешь.

— Не буду.

— И никогда больше не плюй на меня.

— Не буду. — И я знаю, что говорю правду. Я бы не смог на него плюнуть. Ни сейчас, и никогда больше. Я не могу изменить прошлое, но могу измениться сам, стать лучше, и очень этого хочу.

Он говорит:

— Ты знаешь, что я люблю тебя. Сейчас. И всегда буду любить.

— Значит... я прощен?

— Я этого не говорил!

Мы сидим и смотрим в огонь, который разгорается все ярче. Габриэль продолжает:

— Ты причинил мне и другую боль, Натан.

Я вспоминаю, как тыкал в него ножом, как то и дело матерился и вообще вел себя гадко.

Он говорит:

— Когда мы только встретились, ты говорил со мной о себе. Сейчас ты почти ничего мне не рассказываешь. Я, конечно, не жду, что ты вдруг сделаешься болтуном, но ты считаешь меня своим другом. А с друзьями разговаривают.

И он прав, конечно: когда мы с ним только познакомились, я действительно все рассказал ему о себе, о своей жизни.

Я придвигаюсь к нему поближе и говорю:

— Ладно. Что тебе рассказать?

— Важное, то, что тебе по-настоящему важно.

— Например? — Я не знаю, о чем он: о моем отце или о видениях.

— Расскажи мне про Уэльс. Я бы хотел побывать там когда-нибудь с тобой.

И тогда я улыбаюсь, хотя сам чуть не плачу. И начинаю рассказывать ему об одном очень особенном месте в горах, где бывал как-то летом: там маленькое озеро, а рядом с ним утес, с которого так удобно прыгать в воду. И обещаю, что обязательно возьму его с собой туда, как только война кончится. И я еще некоторое время смотрю в костер, а потом только на Габриэля, и чувствую, что больше никогда, ни за что на свете не причиню ему боль.

ЗОЛОТОЙ СВЕТ

Я просыпаюсь до рассвета. Небо светлеет, Габриэль спит рядом со мной. В лагере еще тихо. Я развожу огонь. Хочу сварить овсянки, но тут холод пронимает меня до костей, и все вокруг заволакивается серой пеленой. Это видение.

Золотистое сияние заливает половину неба, и лес вокруг тоже как будто светится. Я медленно иду между деревьями. Я словно только что родился и впервые вижу мир. Воздух вокруг меня точно живой. Восхитительное чувство. Все кругом прекрасно. Все, до последней мелочи, изумительно. И этих мелочей становится все больше и больше. Цвета, формы, силуэты, звуки, температура, воздух. Я поворачиваюсь и вижу Габриэля. Он тоже прекрасен. Он машет мне рукой, зовет к себе. В опущенной руке у него пистолет. Темный силуэт за ним — это Несбит, он скрывается в лесу. Я оглядываюсь назад, на прекрасный луг, на деревья, на солнце, и снова поворачиваюсь к Га-

САЛЛИ ГРИН

бриэлю. И тут же взлетаю в воздух и лечу, а мир вокруг меня меняется — теперь он полон шума, боли и хаоса; я падаю, смотрю вверх и вижу небо, потом в нем появляется лицо Габриэля. А боль в животе все нарастает, она жжет меня и движется куда-то к сердцу. Она убивает меня, я это знаю.

И я умираю.

ПЕРВЫЙ ЛАГЕРЬ

Я, Габриэль, Несбит, Селия, Адель, Кирсти и Донна отправляемся в первый лагерь. Селия, похоже, назначила Адель своей помощницей. Донну, видимо, взяли с тем, чтобы в главном лагере Ван могла сварить для нее персональное зелье правды, которое поможет нам определить, на чьей она стороне. Руки у нее свободны, но Кирсти не отходит от нее ни на шаг, а так как она почти вдвое больше Донны, то я уверен, что у той, даже если она затеет что-нибудь, ничего не выйдет. Хотя, по-моему, ничего такого не случится.

Чтобы попасть в первый лагерь, нам предстоит нырнуть в два прохода, причем расстояние между ними надо преодолеть бегом, но все равно уже через несколько часов я снова увижу Анна-Лизу. Не знаю, что именно я чувствую: кажется, ничего, кроме нетерпения.

У первого прохода Габриэль берет мою левую руку своей правой, мы сплетаем пальцы, и Селия кладет его свободную руку на край. Я де-

лаю глубокий вдох, когда Габриэля уже начинает затягивать в проход, и лечу за ним, в темноте постепенно выпуская из легких воздух. Проход настолько короток, что мы почти сразу видим в его конце свет, и вот нас уже выплевывает на другой стороне, и мы оказываемся в лесу. За нами тут же показываются другие, и Селия ведет нас дальше. Мы держимся совсем близко к ней. Бежим мы немного медленно, на мой вкус, но зато ритмично. Деревья редеют, остаются позади, вокруг нас открытая местность, на земле лежит снег.

Я спрашиваю у Селии:

— Сколько до следующего прохода?

— Миля, за рекой.

Я уже собираюсь спросить, сколько до реки, как вдруг почва под нашими ногами уходит круто вниз, и мы летим в эту самую реку, прямо в холодную воду. Течение сильное. Но мы уже выбираемся на другой берег и по колено в мокром снегу бежим дальше, к группе деревьев.

У следующего прохода Селия проводит всех внутри одного за другим, но меня задерживает. Она говорит:

— Подожди, Натан, пойдешь со мной. — Когда все уходят, она говорит: — Натан, мне нужно, чтобы ты знал наверняка, как именно ты поступишь, когда увидишь Анна-Лизу.

— Не волнуйся — я знаю.

— Что ты знаешь?

— Я тебе говорил — я хочу увидеть, как ее будут судить.

Селия смотрит на меня внимательно.

— Ты говоришь мне всю правду?

— Я убью ее, только если суд откажет мне в справедливости. Если ее отпустят, то я... восстановлю справедливость сам.

— А если ее посадят в тюрьму?

— Хочешь знать всю правду, Селия? Я сам не знаю, как поступлю. Но если ее отпустят, я точно что-нибудь сделаю.

— Ее не отпустят. Если система срабатывает, она не будет свободна.

Селия хватается за куртку и сует свободную руку в проем.

На другой стороне моросит мелкий дождь. Селия говорит:

— Натан, держись ко мне поближе. До лагеря бегом пятнадцать минут. — Она отпускает мою куртку, только услышав мое «О'кей». И тут же припускает во всю прыть.

Скоро я увижу Анна-Лизу. Я хочу ее увидеть. Надеюсь, они посадили ее на цепь. И еще я хочу, чтобы она видела меня, когда я буду глядеть на нее.

Мы уже должны подбегать к первому лагерю, когда Селия вдруг замедляет шаг, а потом и вовсе

останавливается. Она озирается, и по ее виду и движениям я понимаю: что-то пошло не так.

— Что? — спрашиваю я ее.

— Здесь должны быть часовые.

Другие догоняют нас, Несбит спрашивает:

— В чем дело?

— Пока не знаю, — отвечает Селия. — До лагеря четыреста метров по прямой. Натан, используй свою невидимость и проверь его. Несбит, Габриэль — за вами периметр слева. Мы с Адель пойдем вправо. Кирсти, ты с Донной ждешь здесь. Встречаемся через пять минут на этом месте.

Я становлюсь невидимкой и осторожно скольжу вперед. Но не успеваю пройти и ста метров, как слышу приглушенный свист. Так фонят в моей голове мобильные телефоны. Ни у кого в Альянсе телефонов нет. Черт!

Я продолжаю двигаться вперед, еще медленнее. Шипение становится едва уловимым. Я делаю несколько шагов, и оно крепнет. До лагеря пара сотен метров. Значит, Охотники впереди. Я прохожу еще немного, но никого не вижу. Вокруг все тихо и мирно, не считая тревожного шелеста-скрежета у меня в голове.

Черт! Слишком все тихо, слишком мирно.

Я бегу назад, к Кирсти и Донне. Габриэль уже там, но больше никого нет. Я говорю ему:

— Я слышу свист. Это наверняка Охотники,

сколько их, пока не знаю. Наверное, они засели по ту сторону лагеря и готовятся напасть. Я должен пойти туда и предупредить. Скажешь Селии.

— Нет, погоди, Натан.

Но я уже снова стал невидимым и бегу. Бегу быстро, но не забываю прислушиваться и приглядываться на ходу. Я ищу Охотников, но их нигде нет. У края лагеря я притормаживаю. Первый лагерь стоит не на поляне, как наш, здесь палатки разбросаны прямо между деревьями. В лагере не слышно разговоров. Вокруг не поют птицы, нет вообще никаких звуков. Кроме странного электрического треска у меня в голове. Но и он очень слабый, слабее, чем прежде, как будто Охотники удаляются.

Медленно, то и дело оглядываясь, я подхожу к палаткам.

И тут я кое-кого замечаю. Ее глаза широко раскрыты, они смотрят на меня, но не видят, и, подойдя ближе, я понимаю, что в них нет искр. Еще раньше я понимаю, что она мертва: слишком она тиха, неподвижна и лежит в такой неловкой позе. Ей выстрелили в голову. Рану я вижу, только обойдя ее сзади: аккуратная круглая дырочка в затылочной части черепа. Вокруг сидят мухи. Я смотрю на ее лицо, стараясь вспомнить, видел ли я ее когда-нибудь раньше. Но она точно из Альянса, а не Охотница.

Я подхожу к палатке. Тихо, медленно. Я еще невидим, но рисковать все равно не хочу.

В палатке, видимо, хранили припасы: какие-то коробки, банки с консервами, одеяла разбросаны по ее перевернутому нутру. И тут я замечаю человека, которого узнаю немедленно, хотя его тело наполовину скрыто под краем палатки. Гас получил пулю в грудь. Муравьи уже проложили через него свою тропу.

В следующей палатке я нахожу еще тело.

И еще.

Они кругом.

Мое сердце колотится как бешеное. Все произошло недавно, но не только что. Скорее всего, утром.

Но если все случилось утром, а я слышу свист, и он слабеет, значит... Охотники уходят. Уходят, но не торопятся. Они не знают, что мы здесь. Может быть, мы еще сможем их догнать...

Я иду через лагерь, пытаюсь установить, откуда доносится шипение. И тут вижу деревянную постройку, вроде избушки. Тюрьма? Бесшумно проскальзываю ближе. Дверь выбита. Анна-Лиза?

Я заглядываю внутрь.

Пусто, только цепи. Замки на них открыты. Значит, ее держали здесь. А вдруг она снова стала невидимкой и сбежала? Нет, вряд ли, скорее ее увели.

Потом я слышу шорох, чьи-то шаги за спиной, оборачиваюсь и вижу Несбита: он бежит через лагерь, явно не заботясь о том, слышит его кто-нибудь или нет. Вид у него встревоженный. На некотором расстоянии за ним бежит Габриэль и остальные, рассыпавшись между деревьями.

Я становлюсь видимым и говорю Несбиту:

— Кажется, Охотники только что ушли.

— Ты Ван видел?

— Нет.

— Она...

Взрыв сотрясает воздух за спиной у Несбита. Он падает на землю, за ним я вижу взлетающую Кирсти, ее мощное тело описывает петлю и тоже падает.

Я пригибаюсь.

Отголоски внезапного грохота рассеиваются не сразу. Я озираюсь в поисках Охотников. Прислушиваюсь. Ничего.

Селия кричит:

— Взрывающиеся ловушки! Ничего не трогать!

Донна стоит в двух шагах от тела Кирсти и смотрит на меня. Ее лицо бледно. Габриэль подходит к ним и нагибается. Потом кричит Селии:

— Кирсти мертва!

Несбит уже бежит дальше. Земля в лагере голая, истоптанная: на ней видны только следы охотничьих сапог.

Я бегу за Несбитом через лагерь в лес. На бегу я спрашиваю:

— Сколько?

— Много. Человек двадцать, может, больше. — Голос у него непривычно дрожит, когда он продолжает: — Они волокут кого-то, кажется, двоих. Пленных. Или раненых.

Лагерь уже остался позади, мы бежим между деревьями, и Несбит только переходит на ровную рысь, как вдруг останавливается, и у него вырывается стон.

Я смотрю вперед и вижу на земле тело. Капельки росы переливаются в ее волосах. Глаза широко открыты, сапфировая синева еще ярка, но искры уже погасли. Кожа бледная. Вместо живота кровавое месиво.

— Ван!

Несбит, спотыкаясь, идет к ней, я хватаю его сзади, чтобы не дать ему подойти слишком близко.

В руке у нее портсигар, и я понимаю, что он хочет его взять, поэтому говорю:

— Не трогай его, Несбит. Там может оказаться ловушка.

Он опускается подле нее на землю.

Шипения больше не слышно. Охотники уходят, но вряд ли они отошли очень далеко.

— Несбит, по-моему, у них Анна-Лиза. Мы можем перехватить их, если не будем останавливаться.

Несбит испускает тихий стон, который нарастает с каждой секундой, так что, вставая на ноги, он уже кричит в голос. Но бежит он быстро, его подгоняет ярость. А еще я вижу, что, хотя ему трудно дышать, скорость он не сбрасывает. Пыхтя и постанывая, он достигает узкого ручейка, перескакивает через него и лезет по холму вверх, через редкие молодые деревья, а там, на открытой, кое-где поросшей кустарником местности, останавливается. Он тяжело дышит, у него текут слезы.

— Туда, — говорит он и показывает вперед.

Я бросаюсь туда, Несбит за мной. Вряд ли Охотники будут оставаться невидимками, только если соберутся напасть или почувют опасность, так что я наверняка скоро их увижу. Я дышу ровно, контролирую каждый вдох. Бежать надо снова в гору. Это трудно, но мы все равно нагоняем их, правда, Несбит здорово отстал.

И вдруг я снова слышу его: свист.

И вижу их — за следующим подъемом. Черные крошечные точки. Выстроились в линию у голых скал впереди. Проходят в проем.

Я становлюсь невидимкой и во всю прыть бегу к ним. Ни о чем не думаю, просто бегу. Мои

глаза не отрываются от линии черных точек, которая приближается, становясь в то же время все короче.

Теперь я уже ясно различаю отдельные фигуры: сначала их девять, потом становится семь. Все в черном, кроме одной. Анна-Лиза!

Я бегу изо всех сил. Задыхаюсь. Ноги горят.

Я смотрю прямо на Анна-Лизу, но тут еще одна Охотница исчезает в проеме, и она с ней.

Фигур в черном остается четыре... три... две...

Одна.

Я узнаю ее. Это Джессика. Я уже так близко, что могу достать ее молнией. Она поднимает голову и смотрит на меня, но не видит. Я же невидимка. Тут исчезает и она.

Я не отрываю глаз от расселины в скале, где она стояла. Мои ноги так и норовят подогнуться, но я заставляю их бежать все дальше и дальше, пока наконец не достигаю скалы. Там я скольжу руками по воздуху, пытаюсь нащупать проем.

Ничего.

И здесь тоже ничего.

И здесь.

И здесь.

Найти проем трудно, даже если точно знаешь, где он. А я понимаю, что опоздал. Они наверняка давно его закрыли. Но я не оставляю попыток. Упорно шарю руками по воздуху.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

Я был так близок к ним. Так близок к Анна-Лизе.

— Черт, черт, черт!

И продолжаю искать.

Несбит, тяжело дыша, падает рядом со мной на землю.

Не важно, что мы были от них всего в нескольких шагах. Проход закрыт.

Они ушли.

КАЖДАЯ СЕКУНДА БЕСЦЕННА

Под проливным дождем мы с Несбитом возвращаемся в лагерь. Там Селия и Адель, они осторожно ходят от палатки к палатке. Возле одной из них стоит Донна. Вид у нее мрачный. Все притихли, осваиваются со случившимся, а кругом смерть и уничтожение, и земля под ногами превращается в грязь. Я подхожу к Кирсти. Верхняя часть ее тела накрыта курткой Габриэля; одна нога в крови и жутко исковеркана.

Габриэль прячется от дождя под деревом. Я говорю ему:

— Ван умерла.

— Да. Но мы не можем перенести ее сюда. Не можем похоронить. Покрывалом накрыть, и то не можем: а вдруг ее тело — ловушка? — Он поднимает на меня глаза и добавляет: — Как только люди могут творить такое?

А я думаю про Охотниц, которых убивал спящими, и отвечаю:

— Не знаю.

На самом деле я хорошо знаю, как это делается, как человек становится скотиной, да и сам Габриэль проделывал подобное не раз. И тут я понимаю, что он имеет в виду: он как раз думает о том, что нам самим доводилось делать такое раньше, ему доводилось — убивать группу Охотников и оставлять за собой трупы десяти, а то и двадцати человек.

— Что Анна-Лиза? — спрашивает Габриэль.

— Жива. Я видел ее издали. Она у них в плену.

— А может, и просто у них, — говорит он.

Я понимаю, что он прав. Ее либо забьют в колодки и будут пытаться, либо осыплют похвалами и благодарностями: короче, превратят либо в пленницу, либо в героиню. Но, при всей моей ненависти к ней, я все же не верю, что она — шпионка Сола.

Габриэль говорит:

— Давай уйдем. Сбежим. Прямо сейчас. Нас ничего здесь не держит.

И может быть, он прав, уйти — действительно самый разумный выбор, но я не знаю, куда мне идти. К тому же, как мне ни хочется жить в тихом месте у реки, но исполнить свою мечту сейчас, значит, позволить Солу и дальше убивать и мучить, а это уже не по мне. И дело тут не только в Анна-Лизе; дело в самом Соле, в созданной им системе преследования и устрашения.

К нам подходит Селия и спрашивает меня, что я видел. Я говорю ей об Анна-Лизе и о том, что мы едва не догнали Охотников.

— Они тебя видели? — спрашивает она.

— Нет. Я был невидимкой. — Но тут же добавляю: — Видим был Несбит. Его могли заметить. И то вряд ли, хотя...

Селия трет ладонями лицо и говорит:

— Вряд ли они планировали вернуться сюда, иначе не стали бы закрывать проход. С другой стороны, если они видели Несбита или слышали взрыв... В общем, нам надо уходить. Здесь мы уже ничего не можем сделать.

Мы с Габриэлем идем искать Несбита. Он сидит на земле рядом с Ван. Я сажусь по другую сторону от ее тела и смотрю на него, ожидая увидеть слезы, но его глаза сухи. Из-за капель дождя на лице Ван кажется, что из них двоих плачет она.

Я вспоминаю, как впервые увидел ее в том доме, в Женеве, когда принял ее за мужчину. Она всегда была такой красивой: от нее просто захватывало дух, иногда в буквальном смысле. А еще она была проницательной, резкой и умной. Я вспоминаю пики и зелье, которое она готовила для того, чтобы помочь Габриэлю вырваться из тела фейна. Как хладнокровно и уверенно она все делала. И так же было потом с Пайлот, Меркури и

Анна-Лизой. Она всегда оставалась расчетливой и спокойной, но при этом никогда не теряла ни чувства юмора, ни головы. И вот ее больше нет. Ее тело будут клевать птицы, поглощать насекомые. Альянс потерял еще одного важного члена. Не стало еще одной Черной Ведьмы. Ведьмы способной, могущественной, чья сила потеряна теперь и для Альянса, и для всего мира. Все, что нам осталось, — труп, лежащий на грязной земле. И в этом тоже виноват Сол. Он виноват во всем: в гибели моего отца, в нашем разрыве с Анна-Лизой, в смертях многих и многих Черных и Белых Ведм. Сол — корень всего зла.

Подходит Адель и говорит:

— Селия сказала, что нам надо уходить. Немедленно. — И мы с Габриэлем идем за ней, в последний раз оставляя Несбита наедине с Ван. Селия ждет нас на краю лагеря, почти в том самом месте, где мы вошли в него. Вид у нее нетерпеливый.

Габриэль говорит:

— Несбит сейчас придет.

Но я знаю, что он не оставит Ван. И ни к чему вся эта спешка.

— Вы видели Донну? — спрашивает Селия.

— Нет, уже давно, — отвечает Габриэль.

Мы стоим и ждем. Никто не появляется. Селия бурчит что-то насчет дисциплины.

— Что ты хочешь делать? — спрашивает ее Габриэль.

— Я хочу, чтобы мы ушли еще пять минут назад. — Селия встряхивает головой. — Габриэль, иди найди Донну. Она наверняка где-то близко. Натан, скажи Несбиту, что мы уходим. Через десять минут, с ним или без него.

Я топаю назад, к телу Ван, и не удивляюсь, застав Несбита там, где мы его оставили.

Я говорю ему:

— Нам пора.

Он склоняется над Ван и что-то тихо ей шепчет. Я немного отхожу, чтобы не подслушивать. Тогда он выпрямляется, но все еще стоит ко мне спиной. Кажется, он опять плачет.

Я говорю ему:

— Донна исчезла. Надо ее найти.

Несбит отвечает:

— Я видел ее пару минут назад. Вон там. — И он идет к деревьям, осматривая по пути землю. Похоже, ищет следы.

— Как, по-твоему, она сбежала? — спрашиваю я у него.

— Я бы не стал ее винить. Альянс не встретил ее с распростертыми объятиями, а теперь она сама увидела, что за будущее ее ждет, если ей все-таки окажут высокую честь...

Мы доходим до той стороны опушки, где скрылись Охотники.

— Как, по-твоему, они еще не вернулись, а? — спрашивает Несбит, глядя на далекий холм.

— Они же закрыли проход. Так быстро им не вернуться.

А сам думаю: что, если у них есть запасной, или, может быть, этот проход был совсем короткий, мили две, не больше, и они уже идут сюда пешком?

Несбит вполголоса клянет Охотников.

— Нам надо найти Донну, — напоминаю я.

— Она была здесь. — Он смотрит на землю, где виден смазанный отпечаток кроссовки. — Но... — Он поднимает голову и оглядывается: — Теперь она может оказаться где угодно.

— Что ты думаешь? — спрашиваю я его.

— Сама придет, если захочет. Это ее дело, — говорит Несбит и поворачивает назад, к лагерю. А я смотрю на луг впереди и думаю, правда ли, что Донна забила на Альянс и сбежала. Последние несколько недель она провела как пленница, а сегодня едва не наступила в разрывную ловушку. Да, пожалуй, я тоже не удивлюсь, если окажется, что она смылась.

Я как раз собираюсь повернуться и пойти за Несбитом, когда слева от меня, из-за низкой гряды туч, вдруг выходит солнце. Над нами небо уже совсем чистое, и весь луг передо мной заливают лучи теплого света. После дождя особенно приятно почувствовать солнечное тепло на своей коже. Земля

кругом становится такой зеленой, так вкусно пахнет. И несмотря на мертвые тела, что лежат совсем близко от нас, — а точнее, как раз из-за этих мертвых тел — красота мира особенно изумляет. Мир так прекрасен и так жесток. Это как напоминание о том, что каждая секунда жизни бесценна.

Я оборачиваюсь и вижу Несбита, его спина мелькает между деревьями. Чуть дальше, справа от меня, Габриэль, он машет, зовет меня к себе. Я в последний раз оглядываюсь туда, где скрылись Охотники, и тут солнце опять заходит за облако, оно вспыхивает красным и оранжевым, а трава, деревья и все кругом, даже я сам, становится золотистым. Все в золоте. Это так прекрасно. И тут я вспоминаю, где видел такое раньше. Я поворачиваюсь к Габриэлю.

Пинок в живот застигает меня врасплох, хотя я знаю, что это неправильно, и тут же ощущаю, как меня подбрасывает в воздух, и я лечу спиной вперед. Грохот выстрела достигает моих ушей уже в полете, стреляют дважды, но я не успеваю понять, сколько раз в меня попали, когда земля за моей спиной приподнимается и ударяет меня так, что вышибает из меня дух.

Я пытаюсь вдохнуть, но мои легкие отказываются наполняться воздухом.

Мне нечем дышать. Я понимаю, что все произошло точно как в моем видении. И что я умираю.

МАГИЧЕСКАЯ ПУЛЯ

Не могу дышать. Не хватает воздуха.

Снова выстрел. Еще.

Не могу дышать.

Надо мной появляется Габриэль.

Не могу дышать. Не могу дышать... не могу...
не могу.

— Лечись, Натан. Не останавливайся.

Я концентрируюсь на своих легких. Лечу их...
наполняю воздухом.

Становится легче.

Габриэль разрывает на мне рубашку, а сам все
твердит:

— Все будет хорошо. С тобой все будет хо-
рошо.

Я опять не могу дышать. Так скоро!

Снова лечу легкие.

Лучше.

Дыши.

Дыши.

Но мой живот точно в огне.

Я хочу посмотреть, но не могу поднять голову. Черт! Вот черт! Я подношу к животу ладони. Он горячий и мокрый, и Габриэль отталкивает мои руки со словами:

— Лежи тихо, Натан.

— Горячо.

Внутри у меня все горит, и я уже знаю, что это охотничья пуля и яд и что он еще злее прежних.

— Жжет. Вытащи.

Габриэль хватает меня за запястья и начинает звать Селию.

Я снова лечусь. Говорю Габриэлю:

— Силы кончаются.

Жжение уже возвращается.

Я стискиваю кулаки и смотрю в небо, стараясь думать о чем-нибудь прохладном.

Потом, когда ощущение огня во внутренностях становится совсем нестерпимым, я снова лечусь.

Огонь угасает.

— Габриэль, если я... — Жжение начинается снова.

Я терплю, жду, когда оно сделается непереносимым. Тогда я, может быть, залечусь снова. Пусть жжет сильнее.

И тут же начинает жечь сильнее.

Черт!

И еще сильнее.

Габриэль смотрит на меня.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

Теперь можно залечиться. Вот так. До чего хорошо.

— Габриэль. По-моему, я больше не могу лечиться.

— Нет, можешь. Селия сейчас придет. Она вытащит пулю.

— Габриэль... Я не могу.

— Натан. Не сдавайся. Ты можешь, Натан. Пожалуйста. — И тут жжение возвращается.

И нарастает. Еще стремительнее и горячее, чем раньше.

Почему же никто не идет?

Жжется, ой, как жжется.

Главное, не кричать.

Не кричи. Не кричи.

Думай о дыхании.

Считай.

Один.

Два.

Черт.

Черт.

Лечись. Ну же.

Тихий голос Селии:

— Это будет быстро. Держите его. Ноги держите.

Лицо Селии.

— Натан, постарайся не дергаться. Пулю надо вырезать.

И меня хватают за руки и за ноги, а жар в животе разгорается в пламя.

Мне совсем не хочется кричать.

— Я сказала, держите!

Я чувствую, как в мой живот погружается нож.

Я не хочу кричать.

— Ее здесь нет.

— Как? Чего нет?

— Я не могу найти пулю!

— Она там. Ранение ведь не сквозное.

— Знаю, но найти не могу.

Теперь жжет и в груди.

Селия говорит:

— Кажется, она движется. Пуля внутри его движется.

Чертова магическая пуля.

И тут голос Габриэля говорит:

— Мы ее вытащим. Все будет в порядке. — Наши глаза встречаются, и я пытаюсь сказать ему, что очень хочу остаться с ним, но не могу больше лечиться, и мне так горячо.

Ощущение такое, словно у меня в груди и в животе всюду бушует пламя.

И каждый вдох прожигает мне легкие.

Я больше не хочу, чтобы было так больно.

И закрываю глаза, а Габриэль кричит мне, что бы я смотрел на него и лечился.

Я не хочу больше боли.

Селия говорит, что попробует поискать рядом с сердцем.

И тогда крики Габриэля стихают окончательно.

Надо мной возникает лицо Уолленда. Не знаю, как он сюда попал. Уолленд, который делал мне татуировки и проводил со мной опыты, наверное, сейчас опять возьмется за старое. Он склоняется надо мной, а я лежу на земле, связанный. В руках у него тавро, оно раскалено добела. Он поднимает его повыше, чтобы я видел, а потом прижимает к моему животу, и я горю, а сам ерзаю, чтобы освободиться от него, но железо проникает все глубже. Я знаю, что сейчас умру. Но не хочу, чтобы он тоже знал. Это моя тайна. Я знаю, что умру совсем скоро.

Ну, давай же, умирай!

Уолленд исчезает. Исчезает! А мне-то надо, чтобы он убил меня, и я снова кричу:

— Убей меня!

Или я уже умер?

Я в камере в подвале здания Совета: окон нет, пол цементный, стены кирпичные. Вокруг темно. Но не настолько, чтобы я не разглядел человека, стоящего на коленях напротив. Я подхожу ближе. Это Анна-Лиза. Ее руки связаны. Я вынимаю из ножен Фэйрборн. И тут она поднимает на меня глаза и говорит:

— Я люблю тебя. Ты мой принц. Мой спаситель. — А Фэйрборн уже у меня в руке, он просит крови. И я не знаю, что делать. Убить Анна-Лизу?

Темнота. Покой.

Жив я или умер?

Надеюсь, что умер.

Мне холодно. Я в камере, но не прикован. Я озираюсь, ищу Анна-Лизу, ее нигде нет. Теперь на коленях стоит совсем другой человек. Сол. А еще я вижу, что рядом с ним стоит на коленях Уолленд, за Уоллендом — Джессика, за ней еще Охотница, которую я не знаю, еще одна, еще. Охотников очень много. И камера такая большая, не помню, чтобы она была такой громадной. Я иду мимо пленников, которые стоят друг другу в затылок. Они все в черном. И все на коленях. Головы опущены. Я должен убить их всех. Но шеренга длинная, ей нет конца. Фэйрборн по-прежнему у меня в руке, но я не могу зарезать такую уйму народу; тут нужен пистолет. Где пистолет?

— Мне нужен пистолет.

— Тише, Натан. Тише.

— Дай мне пистолет.

— Тише. Отдыхай.

И все снова проваливается во тьму. Может быть, это значит, что я умер? Хорошо бы.

Покой.

Я снова в камере. Я не хочу там быть. Холодно. Мне это не нравится. Пленники все стоят на коленях, со связанными за спиной руками. Я иду вдоль живой цепи — Охотников сто, тысяча, цепи не видно конца. Но теперь у меня в руке пистолет. Я возвращаюсь к первой Охотнице и стреляю ей в затылок. Пока ее тело падает, я успеваю прижать дуло моего пистолета к следующему затылку. Нажимаю курок. И каждый раз, нажимая, произношу одно и то же слово:

— Умри.

— Умри.

— Умри.

— Тише, Натан. Это просто сон. Тише. Все в порядке. Ты в безопасности.

И мне хочется плакать. Я хочу, чтобы снова наступила темнота.

— Я не хочу туда больше.

— Тише. Все хорошо, Натан, тише.

Габриэль. Я что-то хотел ему сказать, только вот забыл что. Я пытаюсь пошевелить рукой, но она такая тяжелая.

— Лежи, Натан. Отдыхай.

Мне надо двигаться. Что-то делать. Куда-то идти.

— Натан. Отдыхай. Постарайся успокоиться.

Я не умер. Жаль, что я не умер. Я не хочу больше в камеру.

Темно. Я смотрю вверх и вижу полную луну.

— Габриэль?

— Я здесь.

— Габриэль.

— Все в порядке. Ты был болен. Теперь тебе лучше.

— Почему я не могу лечиться?

— Ты лежишься, Натан. Потихоньку. Яда было очень много. И пуля особенная. Постарайся лежать тихо. Пожалуйста.

— Я бы мог... — Но я сам не знаю, что бы я мог. Забыл. Небо светлеет.

— Габриэль?

— Да, я здесь. — Я чувствую, как движется его рука, пальцы сплетаются с моими.

— Не уходи.

Он обнимает меня и осторожно кладет голову мне на грудь, сбоку. Я чувствую его дыхание на своей шее, и это так хорошо. Он такой хороший.

— Я хотел сказать, не уходи от меня никогда.

— Я знаю, Натан. Я не уйду.

— Я так хотел умереть.

Он шепчет:

— А теперь отдыхай. Спи.

Он остается со мной, и мне так хорошо от того, что он дышит рядом. И тут я вспоминаю, что бы я мог сделать. Это же просто. Я мог бы убить их всех.

УСТАЛОСТЬ

Я просыпаюсь и вижу над собой небо. Оно бледно-голубое. В нем верхушки деревьев. Лицо Аррана. Это наяву. Не во сне. Я не в камере. Я не убивал Охотников. Это был просто яд, сильнее, чем тот, в Женеве, но все же всего лишь яд.

— Не пытайся пошевелиться, — говорит Арран.

— Габриэль?

— Я здесь. — И он касается моей руки. Только тогда я понимаю, что у меня нет сил повернуть голову.

— Выглядишь уже лучше, — говорит Арран. — А как себя чувствуешь?

Я задумываюсь и отвечаю:

— Лучше. Но не здорово. — Даже говорить трудно. — Я устал.

— Я должен проверить. — И Арран осторожно приподнимает повязки у меня на животе. — Заживает. Но медленно. Пулю из тебя вынули, а яд остался. Ты должен сам его изгнать. Сам себя вылечить. Сможешь?

Я сосредоточиваюсь на лечении. Ничего не получается.

— Не работает, — бормочу я еле слышно.

— Ничего, заработает. Ты не потерял способность лечиться, просто растратил всю свою энергию. Тебе нужен отдых, нужно время.

И Арран кладет на мои раны какую-то холодную дрянь, а поверх нее — свежие повязки. Габриэлю он говорит:

— На ночь я дам ему еще зелья, это поможет ему спать. Постарайся не давать ему двигаться. — Потом добавляет для меня: — Ты поправишься, Натан. Только не надо торопиться.

Я ненадолго закрываю глаза. Никогда раньше я не чувствовал ничего подобного. Даже когда меня подстрелили в Женеве и мне пришлось пешком возвращаться в коттедж Меркури, было не так плохо. А ведь та пуля тоже была магическая. Охотничья. Но эта магия сильнее.

— Хочешь, я что-нибудь тебе расскажу? — говорит Габриэль. — Или мне лучше помолчать?

— Говори.

— Ладно. Что бы мне такого рассказать? Может быть, о том, что случилось?

Я киваю.

— Ты кивнул или покачал головой?

— Кивнул.

— Ладно. В общем, в тебя стреляла Донна.

Все-таки она оказалась лазутчицей. Селия считает, что ее подослали к нам специально — вроде троянского коня. Расчет был на то, что ты найдешь тот лагерь с Охотницами. И если потом тебя не выследили и не поймали, то лишь потому, что знали — ты поведешь Донну прямо в Альянс. В ее задачу входило стать членом, завоевать наше доверие и подстеречь удобный момент, чтобы убить тебя, но такая возможность представилась ей не раньше, чем мы пришли в первый лагерь. Когда погибла Кирсти, Донна взяла у нее пистолет и нож. Вырезала специальную пулю, которая была зашита в пластиковом контейнере у нее в коже бедра.

Габриэль протягивает мне на ладони маленький красновато-коричневый шарик: это пуля.

— Новая магия. Очень вредная. Пуля как будто сама знает, куда ей идти, когда оказывается в теле. Эта двигалась прямо к твоему сердцу, распространяя по пути яд. Прогрызала тебе внутренности. Селия нашла и извлекла ее только с третьей попытки.

— Бр-р-р.

— Вот именно. Эта пуля всех очень интересует. Необычайно сильная магия. Селия считает, что в ней есть что-то от магии Фэйрборна. Пуля сама хочет убивать.

Я закрываю глаза.

— Ты в порядке? — спрашивает Габриэль.

— Устал, — хотя по звуку это больше похоже на «с-ста-а».

— Мне рассказывать дальше или ты лучше отдохнешь?

«Рассказывай», — одними губами отвечаю я.

Он улыбается:

— Мне нравится этот Натан, который ведет себя так тихо и внимательно меня слушает.

Мне хочется рассказать Габриэлю о том, как мне приятно слышать его голос и как хорошо от того, что он рядом. Но я не могу придумать, как это покороче выразить, и потому просто говорю одними губами: «Хорошо».

— Который не ругается на меня и никуда не уходит. Так что у данной ситуации есть и свои преимущества.

Я пробую улыбнуться, но только закрываю глаза — так я устал. И тут же чувствую, как мне на лоб мягко ложится ладонь Габриэля.

— Так. На чем я остановился? Да, пуля. Была защита у нее в бедре. Значит, Донна ее вынула, зарядила ею пистолет и стала дожидаться тебя. А потом выстрелила тебе в живот. Задела верхушку левого легкого. Метить в сердце ей не было необходимости. Она знала, что пуля сама сделает свое дело.

На несколько секунд Габриэль умолкает.

— А потом началось безумие. Она выхватила другой пистолет, с обычными охотничьими пулями. Ранила Несбита. Не сильно, в плечо. Но я уверен, он тебе еще напомнит, что принял за тебя пулю. Адель воспользовалась своим даром, превратила кожу в металл и так прикрыла Несбита и застрелила Донну. Донна умерла. Я этого не видел. В смысле, драки не видел. Я... ты так летел, когда она в тебя попала, так ударился об землю, так кричал. Ты очень громко кричал.

А я-то думал, что сдерживаю крики.

— Больно, — говорю я ему.

После небольшой паузы он спрашивает:

— И сейчас?

Я задумываюсь. Думаю о своем теле. Острая боль прошла. Осталась только ноющая, но это не страшно. Я заставляю себя говорить громче и отвечаю:

— Просто устал.

— Ясно. Давай я закончу. Значит, тебя ранили. Несбита тоже. Адель стала героиней дня. Селия трижды подступала к тебе с ножом, пока не извлекла пулю. Ты был весь искромсан. Весь в крови. Адель вырезала пулю из Несбита, но, похоже, она не большой специалист в оказании первой помощи, потому что, вынимая из него пу-

лю, отхватила еще изрядный кусок мяса. И нечего ухмыляться! Шрам у него остался здоровенный.

А я думаю о том, что после этой истории моя коллекция шрамов, похоже, изрядно пополнилась.

— Потом Селия за десять секунд соорудила из двух молоденьких деревьев и наших курток носилки, и мы потащили тебя к проходу. Это ты помнишь?

Я задумываюсь, пытаюсь вспомнить, мотаю головой.

— Значит, ты тогда уже отрубился. В общем, мы прошли через проход и стали лагерем прямо там, куда он нас вывел. Здесь с тех пор и стоим, ровно там же, где десять дней назад.

— Десять?

— Десять.

— О-о-о...

— Селия послала Адель за Арраном, и он стал сразу готовить противоядие. Магия пули состояла в том, что она сама находила дорогу к твоему сердцу. А яд был обыкновенный, правда, очень сильный. — Габриэль еще что-то рассказывает о яде, но я уже не слушаю. Он умолкает, потом говорит: — Тебе надо поспать.

Но я не хочу спать, не хочу возвращаться в камеру. Я говорю ему:

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

— Плохие сны.

Я закрываю глаза и чувствую, как он нежно убирает с моего лба волосы. Он говорит:

— Я останусь с тобой.

Я хочу сказать ему спасибо, открываю глаза и сразу встречаю его взгляд. В его глазах стоят слезы.

Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ЭТО БЫЛО ПРАВДОЙ

У меня три новых шрама, они прямые, как стрела, и очень аккуратные — Селия поработала, сразу видно. Раны почти зажили, но проходит еще четыре дня, прежде чем я начинаю вставать и тихонько ходить по лагерю. А мы уже в лагере. И вырос он, похоже, вокруг меня. В нем есть люди, которые мне знакомы, и те, чьих лиц я не помню.

Я сижу и смотрю, как тренируются новенькие. Мне холодно, я поглубже засовываю руки в карманы куртки. В каждом лежит по пуле. Первая охотничья пуля, которую Маркус вырезал из моей спины в Женеве, медная, с прозеленью, вторая, которую выковыряла из моей груди Селия, красновато-коричневая. Вес и размер у них одинаковые. Я ждал, что магическая пуля окажется вроде как живой, будет вибрировать у меня в руке наподобие Фэйрборна, но она похожа на всякую другую пулю: просто мертвый кусок металла. Может быть, она оживает только когда попадает кому-то внутрь, чувствует кровь. И я понимаю, что человек, который вы-

ковал Фэйрборн, не был добрым; Уолленд вот из-готовил магическую пулю, а его магия злая.

Ко мне подходит Несбит, садится рядом. Он тоже исцелился — по крайней мере, рука у него точно зажила. Но сам он стал другим: погас, потишал как-то.

Минуту спустя он говорит:

— Я ухожу.

— Уходишь?

— Отсюда ухожу и из Альянса тоже. Совсем ухожу.

Это меня не удивляет, я всегда считал, что он с нами только из-за Ван. Но мне будет его не хватать, да и всему Альянсу тоже: он хороший боец и лучший среди нас следопыт.

— Куда?

— Домой. В смысле, в Австралию. Давненько я там уже не был. — Он усмехается. — Черт, в последний раз, когда я там был, ты даже еще не родился.

Я, как обычно, не знаю, что сказать. Несбит добавляет:

— Я не буду по тебе скучать.

Я улыбаюсь и толкаю его плечом.

— Я тоже.

Мы еще минуту сидим молча, потом я спрашиваю:

— Когда едешь?

— Скоро. Не могу больше здесь. Пора переменить место. — Потом он тихо добавляет: — Я, конечно, хочу, чтобы Сол и все его злыдни-подручные сдохли, но... один я не могу, без Ван, в смысле. Я...

Он качает головой, трет ладонью глаза и так и не заканчивает, что хотел сказать.

Утром мне наконец становится лучше. Мои целительные способности восстанавливаются, и к полудню я полностью излечиваю себя, ощущая в процессе приятную щекотку. Это действительно здорово.

Я говорю Габриэлю:

— Я снова могу лечиться. Так же, как раньше.

— Хорошо.

— Я тут подумал. Насчет амулета и всего прочего. Я пойду за ним.

Габриэль хмурится.

— Я и не думал, что ты обрадуешься, но все же, согласишься, это разумно. Если амулет сработает, я буду защищен. Я не хочу умирать. Я думал, что ты тоже этого не хочешь.

— Есть и другие способы избежать смерти.

— Ты все еще думаешь об уходе. Как Несбит? Тоже поедешь в Австралию?

— По-моему, тебе тоже стоит подумать над моим предложением. Подумать по-настоящему. По-

ехать можно куда угодно. Неважно, куда именно, главное, подальше от этой войны.

— У меня такое чувство, что война найдет меня где угодно.

— Ты всегда так говоришь, но ведь ты еще не пробовал. Ты уверен, что они будут искать тебя. И найдут. Но, может быть, и нет?

— Мой отец менял место каждые три месяца.

— То твой отец, а то ты.

— Со мной будет все то же самое, я знаю. — Я вспоминаю Маркуса, его логово, и то, какой покой там царил, и как мне нравилось быть там с ним. При этом он никогда не мог расслабиться по-настоящему. Перестать бежать. Но даже так он продолжал бы скрываться от них еще много лет. Это я затащил его в Альянс. Это из-за меня Маркус умер. Анна-Лиза его застрелила, а я привел его в Альянс. Я просил его о помощи. И он тоже кое о чем меня попросил.

Я говорю Габриэлю:

— Мой отец сказал, что я должен убить их всех.

— Тебе одному решать, что делать со своей жизнью. Он не должен был этого говорить.

— Часть меня — это он, Габриэль. Отчасти мы с ним одинаковые, и я чувствую, что эта часть меня хочет убить их всех, хочет мести, по полной. Без всяких полумер. Но другая моя часть, Бе-

лая, логическая, говорит... что убийства приведут только к новым убийствам и что это никогда не кончится.

— И отцовская сторона тебя выигрывает этот спор, но и материнская никогда не сдается.

Я качаю головой.

— Я не знаю, как бы она посмотрела на все это. Белые Ведьмы всю жизнь ей отравили, не хуже, чем мне.

— И значит?..

— Значит, я собираюсь отравить жизнь им.

— А если бы Анна-Лизы не было с ними, что бы ты решил тогда? Это все опять из-за нее?

Я трясую головой.

— Ее я ненавижу и хочу, чтобы ее судили за убийство моего отца. Но дело тут совсем не в ней. Я все равно поступил бы так, даже если бы ее не было. Даже если бы она уже умерла. Я хочу, чтобы войне пришел конец, чтобы пришел конец Сола и всем, кто за одно с ним.

— Но ты можешь не суметь убить их всех, Натан. Ты же не всемогущ. И ты только один. А у Сола целая армия.

— Неважно, какой величины у него армия, если я буду неуязвим.

— Война приносит страдания, Натан. И не только физические. Она портит тебя. Она всех портит.

— Даже тебя?

— Конечно, даже меня. Ведь я убивал. Я видел, как умирали наши друзья. Ты чуть не умер у меня на руках, и мне от этого так больно... и я вижу, что больно и тебе.

— А ты бы ушел со мной, если бы я принял такое решение? — Не знаю, зачем я его об этом спрашиваю, ведь я и так уверен, что он скажет «да», но он задумывается и отвечает не сразу:

— Сомневаюсь. По-моему, это бессмысленный вопрос, в таком виде. Скорее, следовало бы спросить так: что бы я стал делать, окажись я на твоём месте? И я могу сказать лишь одно: я знаю, что тебе многое пришлось испытать, многое выстрадать, и все по вине этих людей, так что, возможно, будь я на твоём месте, я поступал бы так же. Я не против твоего решения, Натан. Я только хочу, чтобы ты сам был в нём уверен, потому что, приняв его, ты уже никогда не будешь таким, как прежде.

— Я уверен, Габриэль. Но мне нужно, чтобы ты остался со мной. Помог мне.

— Конечно. Ты же знаешь, я всегда с тобой.

Я иду к Селии изложить ей мой план, хотя это, в общем-то, и не план даже, а так, неопределённое намерение, а заодно обсудить с ней ещё кое-что.

Я говорю ей:

— Ван считала, что я нужен Солу живым. Она думала, что он хочет использовать меня как оружие.

— Да. Мы говорили с ней об этом, и я согласна. Я не слишком хорошо знаю Сола, но видела его достаточно, чтобы понимать: если он что решил, то не отступит. И еще я думаю, что он намерен присвоить тебя. Распоряжаться тобой по своему усмотрению.

— И все же он послал Донну, чтобы меня убить.

Селия коротко встряхивает головой:

— Нет. Донна работала на Охотников. Ее послала Джессика. Думаю, это она нашла ее и натаскала. Я бы не удивилась даже, узнав, что Сол обо всем этом ни сном ни духом.

— А я думал, что пулю изготовил Уолленд.

— Может быть. Не знаю. Зато я уверена, что Сол предпочел бы видеть тебя живым, а Джессика — мертвым. Охотники и Совет действуют вместе, но при этом Охотники всегда считают себя выше, и Совету надо прилагать все усилия, чтобы контролировать их и не давать им слишком много власти.

— Интересно, а может, Джессика задумала поднять под себя Совет?

— Она умна и амбициозна, это самая молодая в истории предводительница Охотников. Нашлись люди, которые возражали против ее назначения на эту должность после того, как с нее убрали Клея, но она разобралась с ними по-своему. Клей покровительствовал ей с самого начала, это благодаря ему она сделала свою головокружительную карьеру, и все же она пальцем о палец не ударила, чтобы ему помочь, когда его начали обвинять во всех смертных грехах после кражи Фэйрборна. Джессика беспощадна. Она Охотница до мозга костей. И она свято верит в их превосходство.

— Ха! Она свято верит в свое собственное превосходство, как верила всегда.

— Тем больше у нее причин полагать, что она может контролировать Охотников и Совет одновременно. Я бы не удивилась, узнав, что это и есть ее главная цель. А вот если бы во власти Сола оказался ты, это сильно спутало бы ей карты.

— Тем больше у нее причин хотеть моей смерти.

— И еще одна причина для Сола прибрать тебя к рукам: с тобой он был бы неуязвим и для Охотников, и для Альянса.

— Да, только в мои намерения не входит позволить кому-либо из них заполнить то, что они задумали.

САЛЛИ ГРИН

И я говорю Селии, что собираюсь отправиться на поиски Леджер и амулета. Мы коротко обсуждаем мой план и сходимся на том, что со мной пойдет Габриэль, а Несбит покажет нам путь, прежде чем возвращаться в Австралию.

Я добавляю:

— Пока нас не будет, тебе предстоит разработать второй этап плана: как добраться до Сола, когда амулет будет у меня.

— Разумеется. Но он пока не у тебя.

Часть вторая

Найденная половина

СНОВА В БУНКЕРЕ

Мы опять в бункере Меркури: я, Габриэль и Несбит. Мы вошли через проход в Германии, тот самый, которым мы пользовались, чтобы попасть в Базель. Кажется, будто это было страшно давно, но, когда я пытаюсь прикинуть, сколько с тех пор прошло времени, оказывается, что всего месяцев шесть или семь, не больше. Несбит привел нас сюда, чтобы показать дорогу к Леджер, но говорит, что сам с нами не пойдет. Так что здесь мы с ним и расстанемся.

Я уже не раз приступал к Несбиту с вопросами о том, где найти Леджер, но он каждый раз отвечал мне одно и то же: «Терпение, малыш». И вот теперь, когда мы в бункере, я спрашиваю снова:

— Значит, вы ходили к Леджер отсюда? Через проход?

Он отвечает:

— Ходила Ван. Я оставался здесь.

— Раньше ты мне этого не говорил!

— Это не казалось мне важным.

— Что?!

Он пожимает плечами.

— Но Ван хотя бы говорила тебе, где она была?

— Да. Вроде того.

— Вроде того!

— Слушай, Ван хотела быть одна. Говорила, что Леджер нечего бояться и что она одна справится. А у меня и свои дела были. Точнее, дела Альянса: вынюхивать лагеря, разведывать, куда подались Охотники и прочее. Ван и без меня неплохо справлялась. И вообще, работа в паре — это умение сочетать дистанцию и близость. Вот как мы с тобой, когда нам выпадает идти вместе. Я дружелюбен и стараюсь сократить дистанцию, а ты...

Я посылаю его и говорю, что от него нет толку.

Несбит хмурится:

— Обижаешь, малыш. Ты же знаешь, как я люблю тебя. — И, судя по его тону, это правда, он не кривляется и не шутит. — Я хотел сказать, что при всем моем дружелюбии и общительности я понимаю, что ты — не тот человек, которому можно наступать на пятки. — И он ухмыляется так, что я уже не понимаю, серьезно он или опять смеется.

— Так что тебе все-таки известно, Несбит?

— Достаточно, чтобы направить вас куда надо, так что не хлопай крыльями понапрасну.

— Отлично. — И я уйду от него со словами: — Пойду проверю бункер. Надо убедиться, что здесь все чисто.

Вряд ли Охотники успели побывать здесь и поставить ловушки с тех пор, как Ван и Несбит покинули это место, но в нашем положении легкомыслие — непозволительная роскошь, и мы прочесываем весь бункер, помещение за помещением: от кухни на верхнем уровне, через спальни среднего и до самых глубоких кладовых внизу. Все везде так, как было несколько месяцев назад. В большом холле хаос после битвы с Меркури, когда я убил ее. В комнате с пробирками, где хранятся образцы крови разных ведьм, полный порядок.

Где-то среди этих пузырьков есть тот, на котором значится имя моей матери. Всего несколько капель, похищенных Меркури из огромных запасов Совета. Сол воспользовался бы этой кровью для церемонии моего Дарения. Я уверен, что Селлия права: Сол хочет власти надо мной — и всегда хотел.

Несбит говорит:

— Здесь бесценные сокровища. — И он прав. Альянс мог бы помочь полукровкам и тем молодым Ведьмам, неважно, Белым или Черным, чьих

родителей по каким-то причинам не оказалось рядом для проведения церемонии Дарения.

— Селия про них знает? — спрашиваю я.

— Ван ей говорила. Наверное, ей пока просто некогда.

— Уверен, у нее и на них есть планы. А до тех пор пусть лучше остаются здесь.

Обшарив бункер целиком и убедившись, что в каждом шкафу не сидит по Охотнику, мы, успокоенные, возвращаемся в библиотеку.

Несбит говорит:

— Прежде чем Ван отправилась к Леджер, мы с ней пришли сюда и пролистали все карты и дневники Меркури. Я покажу вам, что она читала перед визитом. Вам надо сначала составить представление о том, чего ждать от Леджер. — Он открывает потайную полку в задней стене библиотеки и достает оттуда ворох больших пергаментов.

Габриэль и я садимся на пол, а Несбит кладет их прямо перед нами. Первый пергамент я уже видел: это план бункера Меркури с указаниями начал всех одиннадцати проходов, ведущих в разные концы света.

Несбит тычет пальцем в один из них, в самой нижней комнате, и говорит:

— Вот через этот проход она попадала в Нью-Йорк.

Затем он расстилает перед нами остальные пергаменты со словами:

— На этих картах размечены границы территорий Черных Ведьм и Белых Ведьм. Они все датированы, самой старой из них две сотни лет.

Я люблю карты. Книжки терпеть не могу: почти все предложения в них мне непонятны, да и с отдельными словами морока, но вот карты я читаю легко. С одного взгляда на эту мне становится ясно, что территория Белых Ведьм в Европе сильно выросла. Британия, например, стала местом только для Белых, такие же изменения, хотя и не столь масштабные, произошли в других местах, и все это за последние сорок лет. Много десятилетий до этого — точнее, больше века — границы оставались неизменными, а на иных, еще более старых картах территории даже накладывались одна на другую. То же было не только в Европе, но и в Австралии, Африке, на Дальнем Востоке и в США. Зато в остальной Америке — от Мексики до мыса Горн на юге, а также в Канаде и еще в России — увеличилась территория Черных Ведьм. Но главная перемена в том, что двести лет тому назад перекрестных территорий было куда больше, и на некоторых из них даже стояла помета «смешанное население», то есть, как я понимаю, Черные и Белые Ведьмы жили там вместе, и удивительно, но Британия была как раз одним

из таких мест. Однако на самой новой, прошлогодней карте их осталось всего пять. Хорошо бы съездить туда, посмотреть, как такое бывает, но, похоже, путешествие для этого придется предпринять нешуточное: в Китай, Индию, Танзанию, Мексику или Замбию.

Несбит пролистывает стопку карт сверху и говорит:

— Искать надо среди последних, географическая комната где-то на них.

— Какая комната? — Я вспоминаю комнаты в бункере Меркури и не могу понять, при чем тут география.

Но прежде чем я успеваю спросить, Несбит вытягивает из стопки карту 1973 года и говорит:

— Чтобы попасть к Леджер, надо сначала найти географическую комнату. Она в где-то Филадельфии. Здесь. — И он тычет пальцем в бурую точку, еле различимую у восточного побережья Соединенных Штатов. — В ключе сказано, что это «географическая комната».

Я перевожу взгляд на Габриэля и спрашиваю:

— Ты что-нибудь понимаешь?

Он пожимает плечами и улыбается.

— Будь это так просто, все бы там уже побывали.

— Точниссимо, — соглашается с ним Несбит. — Не знаю, где живет эта Леджер, знаю только, что

Ван попадала туда через географическую комнату. — Он снова подходит к потайной полке, возвращается оттуда с кипой дневников Меркури и продолжает: — А вот что особенно обрадовало Ван. — Он откашливается и начинает читать, потом останавливается и снова смотрит на нас с Габриэлем: — Сейчас это вам ни о чем не скажет, однако потом, думаю, будет полезно. Но если вы думаете иначе, то я могу не...

— Несбит, читай уже, — говорю я ему.

И он начинает:

«1 января 2005. Начало нового года для одних, конец эпохи для других. Еще одна территория Черных в Миссисипи пала после смерти старейшей из них — Дестры. Прекрасная была ведьма. Дар Дестры состоял в том, что она замечательно лечила — а ведь это необычно для Черной. Мы несколько раз встречались. Она всегда была уверена в себе, спокойна и могущественна — впечатляющая ведьма. Я слышала, что в прошлом году с ней свел знакомство Маркус. Некоторые полагают, будто Дестра была матерью Леджер, но я в это не верю. Мне знакомы другие версии происхождения Леджер, а Дестра во время наших встреч сама дала мне понять, что детей у нее нет. Любопытно, почему Маркуса заинтересовала Дестра: потому ли, что она была действительно интересной женщиной, или потому, что он пытался вызнать у нее

что-то о Леджер? Если так, то он зря потратил время. Дестра ему не поможет. Я встречалась с Леджер несколько лет тому назад — жуткая баба (или мужик? или тварь?) — но с тех пор мало что слышала о ней и, надеюсь, никогда больше не услышу».

Несбит захлопывает дневник и кладет его на пол. Переводит взгляд с меня на Габриэля и спрашивает:

— Здорово, да?

Мы оба тупо смотрим на него.

— Знал, что вам, ребята, понравится. Когда мы это нашли, то стали просматривать все дневники подряд за прошлые годы, ища, когда Меркури встречалась с Леджер. И в семьдесят третьем нашли такую запись. — Он снова начинает читать, прерывается и спрашивает: — Следите за мыслью? Карта... — тут он тычет пальцем в пергамент — тоже семьдесят третьего.

Мне хочется его прибить.

Несбит разглаживает страницы дневника у себя на коленях и продолжает:

«Наконец нашла географическую комнату в подвале дома в Ф., дальше все было просто. Любит она такие штуки: сначала придумает невозможно сложный вход через карту, а запрос допуска — простенький. И географическая комната тоже в ее стиле: так она кажется себе особенно умной.

К тому же это еще и способ отсева посетителей: только тот, кто найдет комнату, поймет, как в нее попасть и как воспользоваться картой, достоин лицезреть и саму Леджер. Не знаю, что бывает с теми, кто выбирает не ту карту. Подозреваю, что они попадают куда-то, откуда не могут выбраться, по крайней мере не сразу. Карты действительно впечатляют. Надо признать, что заложенная в них магия очень сложна и говорит о могуществе Леджер. В самом деле, сил у нее больше, чем я считала возможным для одной ведьмы. Но какой смысл обладать силой, если никогда ею не пользуешься?

Мы с Леджер немного поговорили, хотя большей частью она несет полную чушь. Я спрашивала ее, что она думает о потере Черными исконных территорий. Она сказала: «Меня это не тревожит. В свое время баланс восстановится». Я возразила: «Как, скажи на милость, это случится, если Черных просто истребляют?» А она ответила: «Но ведь иначе нельзя. Сама природа нашего дара говорит о том, что так будет. Сначала мир расшатается, а потом... мы должны верить, что равновесие вернется».

Тут мне стало скучно, и я сказала: «Никакого равновесия я не замечаю. Все, что я вижу в настоящий момент, это как Белые истребляют Черных. Но до меня они не доберутся, это точно». И тог-

да она поглядела на меня таким долгим взглядом и говорит: «Ты права, Меркури. Вряд ли тебя убьет Белый».

В другой раз она спросила: «Кто твоя мать, Меркури? Ветер или дождь?»

Я ответила ей, что моей матерью была Шафран, почтенная Черная Ведьма.

На что Леджер возразила: «Но разве наш дар не заменяет нам со временем и отца, и мать? Разве он не учит, не наставляет нас, не приходит на помощь в минуту нужды, и разве даже для тебя при всем твоим могуществе он не бывает иногда единственным утешением?»

Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не заморозить ей пасть тут же, не сходя с места.

Но я только спросила у нее, каков ее дар и заменил ли он ей родителей. Не могу сказать, что очень ждала ответа, ведь она наверняка выдала бы очередную загадочную бессмыслицу, а я их и так уже наслушалась. И я не ошиблась. Она сказала вот что: «Я все еще ищу свой дар, Меркури, а он от меня все ускользает». Разумеется, это она «скромничала». Она изучила многие дары, и я стараюсь брать с нее пример в этом, признаюсь честно. Она обожает прятаться и менять личности. (Не буду даже писать о том, какую именно личину она выбрала в мою честь, скажу только,

что терпеть ее было очень утомительно.) Одним словом, второй такой могучей ведьмы я не знаю. При этом, хотя она и научилась пользоваться многими дарами, внутри она осталась настоящей занудой, вот в чем штука. То и дело изрекает перлы вроде «Сущность — вот наш истинный дом», а про себя говорит, что просто «влезла в его окно, чтобы украсть несколько брильянтов». На все мои вопросы она твердит одно: «Сущность — источник всех наших даров». А раз она сказала: «Тому, кто постигнет Сущность, все будет подвластно. Могуществу его не будет предела». Потом встала на четвереньки, уперлась обеими ладонями в землю (я чуть не расхохоталась) и говорит: «Она где-то здесь». Но тут же подняла голову и спросила: «Но ты, раз твой дар — управление погодой, наверное, думаешь, что она в воздухе?» Только тут я впервые почувствовала, что она искренне интересуется мной, вернее, моим даром. В этом ее главная слабость: она всегда стремится узнавать новое.

Тогда я ответила: «Конечно, для меня все главное в воздухе».

Однако теперь, вернувшись в свой дом, я прижимаю ладони к его каменным стенам и думаю, что, может быть, она права, и земля хранит все ответы».

Несбит закрывает дневник и что-то говорит, но я его не слышу, я думаю о том, что земля хра-

нит тайну ведовской магии. Нутром я чувствую, что это правда: в земле все ответы. Ведь именно через землю я помог Габриэлю вернуть его дар. Когда мы оба были в трансе, а наши ладони соединяла пика, мы перенеслись в Уэльс, по крайней мере мысленно. Не знаю точно, что случилось потом, но когда пика вошла сразу и в землю, и мне в грудь, прямо в сердце, возник какой-то контакт между нами и чем-то еще. Я касаюсь своей груди, того углубления, которое осталось в ней от пики, и смотрю на Габриэля, а он отвечает:

— По-моему, все ответы действительно в земле.

Меркури явно завидовала Леджер, но и восхищалась ею. Судя по ее описаниям, та совсем не похожа ни на одну из Черных или Белых Ведьм, каких мне доводилось встречать.

Я спрашиваю у Несбита:

— А Ван не говорила, какая она, Леджер?

— Рад, что вы спросили, потому что я и сам задал Ван тот же вопрос, как только она вернулась, и Ван ответила: «Удивительно спокойная, приятная в общении и рассудительная».

Наконец наше будущее предприятие начинает приобретать какие-то очертания. «Спокойная, приятная и рассудительная» — все это говорит о том, что мне по крайней мере не придется с ней драться.

Я говорю:

— Значит, к Леджер попадают через географическую комнату, а она находится вот здесь, — и тычу в карту.

Несбит ухмыляется.

— Ага. В подвале дома в Ф. — Филадельфии. Адрес тут, в дневнике.

— Все просто, — говорю я. — Уверен, что не хочешь с нами?

Габриэль, видя, что Несбит колеблется, добавляет:

— Вряд ли там окажутся Охотники. Зато, наверное, будет интересно.

Несбит с улыбкой отвечает:

— Это уж наверняка. — Но тут же качает головой и продолжает: — Если не возражаете, парни, я предоставлю это развлечение вам. — Он встает и уходит, но у самого порога поворачивается и говорит: — Чуть не забыл. Подумайте, что вы возьмете с собой. В подарок. Чтобы показать, что пришли с миром.

— А что брала Ван? — спрашиваю я.

— Одну блестящую побрякушку из коллекции Меркури — бриллиантовое ожерелье, убивает всякого, кто его наденет.

— Мило.

— Но принесла его обратно.

— Зато она отдала Леджер половинку амулета Вардии. А он, наверное, поценнее бриллиантов, они ведь чаще встречаются, — напоминает нам Габриэль.

— Верно. Ну, ладно, вы пока сами тут помозгуйте. А я пойду готовить ужин. Последнюю вечерю, да, парни? — И он уходит со словами: — Помнится, где-то тут у Меркури было вполне приличное вино.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Когда Несбит уходит на кухню, я оставляю Габриэля в библиотеке, а сам иду бродить по бункеру. Хотя нет, не бродить: я точно знаю, куда направляюсь.

В спальне, где жили мы с Анна-Лизой, все в точности так, как было. Простыни скомканы и смяты; даже в подушке не разгладилось углубление от моей головы. Помню, как я лежал там, а Анна-Лиза — рядом, головой на моей груди. На шкафчике у кровати крохотный пузырек: в нем было зелье, с помощью которого я ее разбудил. И чаша с ночным дымом тоже на месте. Помню, мы стояли возле нее и целовались, ласкали друг друга, и я ее любил. Как же сильно я ее любил! Она была тогда нежной, и ласковой, и податливой. Прекрасное время мы с ней пережили здесь вдвоем — недолгое, всего несколько дней, но неповторимое. И я не могу понять, что же случилось потом, кто из нас изменился: она, я или мы оба? По-моему, я такой же, каким был, хотя, может,

и нет. Мы были с ней знакомы с одиннадцати лет, но, наверное, не так уж хорошо знали друг друга. И, может быть, видели друг в друге только то, что хотели видеть.

Я снова смотрю на кровать. До чего же странно думать, что я лежал здесь когда-то с Анна-Лизой, говорил с ней, целовал ее, а теперь не испытываю к ней ничего, кроме ненависти. Мой гнев, моя ярость перешли в простое отвращение.

На полу под кроватью белеет какая-то тряпка, я нагибаюсь и вытаскиваю ее оттуда. Это оказывается шелковая ночная сорочка, которую Анна-Лиза нашла в шкафу у Меркури. Она потрясающе в ней выглядела. Помню, как я прижимал ее к себе, и шелк скользил по ее и по моей коже. Я поцеловал ее тогда, и все, что мы делали потом, было так здорово.

А теперь мне противно даже думать о ней, хотя и интересно, что она думает сейчас обо мне. Помню, она считала, что я становлюсь все больше и больше похож на своего отца. Маркус всегда был проблемой. Мы никогда не говорили о нем, но она знала, что я его люблю, и не могла этого понять. Думаю, что она ненавидела своего отца, и ждала от меня тех же чувств к моему.

Помню один наш разговор о Маркусе, когда мы оба были в Альянсе. Она спросила меня, где он ночует. Я сказал ей: «Подальше от всех. Там,

где его никто не потревожит. Где ему ничего не угрожает».

— В палатке? — спросила она тогда, наверное, именно потому, что считала это невозможным.

— Нет. В... — и я чуть не рассказал ей про логово, которое он вырастил вокруг себя. Логово из зарослей ежевики, вроде того, в котором я жил с ним однажды. Но вместо этого я сказал: — Я покажу тебе как-нибудь.

— Я никогда с ним даже не говорила.

— Ему плохо в лагере.

А на следующий день я пошел к отцу, и мы вместе сидели в его логове. Мне было так хорошо там. Я сказал ему, что Анна-Лиза хочет с ним встретиться, а он ответил:

— Что ж, приводи ее сюда, если ты серьезно.

Но этого так и не случилось. Через несколько дней между мной и Анна-Лизой все пошло наперекосяк, и втягивать в это дело еще и Маркуса казалось мне тогда неважной затеей. По правде говоря, я совсем не был уверен в том, что она сможет понять моего отца, а значит, и отцовскую часть меня. А еще в глубине души я всегда знал, что она никогда не будет в логове дома.

Я подношу сорочку к лицу, провожу ею по щеке, ощущаю нежную мягкость и снова роняю ее на пол.

Несбит приготовил ужин — громадный, как всегда, человек на восемь — и очень вкусный.

Сначала суп со свежим хлебом, потом тушеное мясо и много овощей, а еще вино для самого Несбита. Я вообще не пью, а Габриэль один неполный бокал растягивает на вечер. Мы говорим о еде, о бункере, а потом о Ван и о Меркури. Несбит рассказывает нам истории о том, что они с Ван делали вместе, где бывали. О том, как она помогла ему, когда он был еще совсем молод, как сама научила его всему и как любила его суфле, но терпеть не могла пирога из баноффы. Под конец он уже чуть не плачет. Я рад за него, что он уходит из Альянса, и от души надеюсь, что ему удастся найти в жизни то, во что он будет верить. Он говорит, что хочет «осесть», повстречать хорошую женщину, завести ребятшек, и я с запоздалым удивлением понимаю, что из него выйдет отличный отец. Еще мы говорим о людях, которых мы знали, но которых с нами больше нет — в основном они погибли при ББ. Это Самин и Клаудия и еще кое-кто из тех, с кем мы тренировались, Эллен, моя знакомая полукровка из Лондона — она была разведчицей Альянса и погибла вскоре после ББ — и еще много других, кого нам не довелось ни похоронить, ни оплакать. И я думаю о том, сколько нас еще погибнет на этой войне.

Наконец язык у Несбита начинает заплетаться, и он засыпает прямо за столом. Габриэль говорит, что надо положить его в постель, хотя я

лично не понимаю, чем для него плох кухонный пол. Но Габриэль вбил себе в голову, что, раз это наша последняя ночь вместе, то мы должны позаботиться о Несбите, и мы кладем его руки себе на плечи, Габриэль подхватывает чашу с дымом, и вместе мы волочем его вниз, в одну из спален, где сбрасываем на кровать. Габриэль кидает мне какие-то одеяла, и я устраиваюсь на полу. То же делает он сам.

И я засыпаю.

Сплю крепким легким сном, который длится, наверное, целых полчаса, а потом просыпаюсь от храпа. Эту могучую канонаду прерывистого звука исторгает, несомненно, австралийская носоглотка.

Вот ведь ублюдок!

Я встаю. На храп невозможно не обращать внимания, особенно когда знаешь, что его можно легко прекратить, просто придушив идиота, который его производит.

Ночной дым наполняет комнату зеленоватым светом и делает Несбита похожим на призрака. Он лежит на спине с широко разинутым ртом. Я перекаत्याю его на бок. Он ворчит, но не просыпается. Я стою рядом с ним и жду. Храп стих. Дыхание выровнялось.

Я возвращаюсь к своему одеялу и уже собираюсь лечь, как вдруг храп возобновляется с новой силой.

Ну что за кошмар такой!

Мне не было видения, в котором я убивал бы Несбита, но, думаю, такое легко может случиться, если я не уйду из этой комнаты немедленно. Я смотрю на Габриэля, но он, похоже, спит, так что я отливаю себе дыма в маленькую чашку и отправляюсь искать местечко потише. Следующая комната в том же коридоре оказывается спальней с большой уютной кроватью, но мной вдруг овладевает желание побывать там, куда я еще не заглядывал с тех пор, как мы снова оказались в бункере.

Это ванная. В ней сейчас очень холодно. Сама ванна грязная, вся в засохшей крови. Это кровь Меркури. Сюда я пришел, когда убил ее. Здесь я отмылся и здесь поцеловал Габриэля.

Я делаю шаг к раковине и заглядываю в зеркало над ней. Зелень ночного дыма придает мне совсем взрослый и какой-то ненастоящий вид. Я касаюсь своего лица, на ощупь нахожу маленький шрам на щеке — это от фоторамки, которой Джессика ударила меня в детстве. Мне было тогда три или четыре года, значит, ей было десять или одиннадцать. Она старшая из четверых маминых детей, или, как она всегда говорила, из троих с одной Черной половиной. Не помню случая, когда бы она была добра ко мне. Она ненавидит меня с рождения. В чем-то ее можно понять: в конце

концов, ведь это мой отец убил ее отца. И все же Дебора и Арран никогда не винули меня в том, что сделал Маркус. Хотя наверняка и они часто думали обо мне, точнее, о моей Черной половине.

Я поднимаю волосы, чтобы видеть свои глаза. Они такие же, как были: черные, с пустыми треугольниками темноты, которые неспешно и уверенно вращаются внутри зрачков. И татуировка на шее та же: Ч 0.5.

Я провожу ладонью по щеке и чувствую щетину. Но часто бриться мне пока рано: мне ведь всего семнадцать. Глядя на мой подбородок с пробивающейся редкой щетиной, никто не даст мне больше семнадцати лет, а вот если заглянуть мне в глаза и в душу, то можно дать и все сто семнадцать. Это потому, что на мою долю выпало куда больше, чем достается обычно семнадцатилетним.

А еще я вижу в зеркале отца: я — вылитый он, только моложе. Не знаю, может, в этом и есть часть моей проблемы. В том, что всякий, кто на меня смотрит, сразу вспоминает его имя, его славу, тех, кого он убил и чьи сердца съел. Может быть, то же случилось и с Анна-Лизой. Она стала видеть во мне не меня, а только Маркуса и связанные с ним истории.

Отчасти я горжусь тем, что Маркус — мой отец. Горжусь тем, что так похож на него. И не только внешне. Во-первых, мы с ним оба хорошо

деремся, во-вторых, рисуем, наш дар — превращаться в животных, а еще мы ценим одиночество. И все же я не точная копия Маркуса. Моя мать была Белой Ведьмой, и бабушка тоже. У меня...

— Привет.

В зеркале появляется Габриэль, он останавливается в проеме двери.

— Несбит и тебя разбудил?

Это вообще-то даже не вопрос, и Габриэль не отвечает, он продолжает стоять у двери, а я — опираться на край раковины.

— Ты в порядке? — спрашивает он. Вот это уже вопрос.

Я отвечаю своему отражению.

— Да, все отлично.

Он молчит.

Тогда я поднимаю глаза и спрашиваю у его отражения:

— Сколько тебе лет, Габриэль?

— Гм-м-м... девятнадцать.

Я поворачиваюсь к зеркалу спиной.

— Ты выглядишь старше — на вид тебе лет двадцать или двадцать один.

Он качает головой.

— Нет, мне всего пару месяцев назад исполнилось девятнадцать. Ты пропустил классную вечеринку.

И мне вдруг становится обидно оттого, что была какая-то вечеринка с Греторекс и всеми новенькими, а меня не позвали, но я понимаю, что он шутит. С другой стороны, два месяца назад я был еще занят Анна-Лизой, а где бывал и чем занимался в это время Габриэль, я понятия не имею.

— Жалко, что я не знал. Я бы это как-нибудь отметил. Твой день рождения, в смысле.

— Вряд ли. — Он прислоняется к косяку, явно не собираясь возвращаться в спальню, и говорит: — Да и вообще какая разница? Я не очень-то люблю праздновать свой день рождения.

Тут я начинаю злиться. Может, он и не любит свой день рождения, зато он любит меня, и ему наверняка обидно, что я до сих пор даже не спросил его об этом ни разу.

А еще я, наверное, мог бы сделать ему подарок. Он ведь купил мне нож, только потому, что хотел подарить мне что-нибудь. И его подарок оказался такой же, как сам Габриэль, — красивый и необходимый. Правда, совсем не похоже было на Габриэля то, как он волновался, пока я разворачивал подаренный им сверток. Я тоже так хочу: подарить ему что-нибудь, и чтобы было видно, какой особенный этот подарок и как он для меня важен.

Я говорю:

— Но ведь я и теперь могу сделать тебе подарок.

— Да? — недоверчиво переспрашивает он.

— Нож или... не знаю... книгу какую-нибудь или... что-нибудь.

— Это было бы очень мило, — говорит он и добавляет: — Только быть милым — не твоя сильная сторона.

— Да... прости.

— Что, ты просишь прощения? — он трясет головой, как будто не верит своим ушам. — А ведь это уже во второй раз.

Я знаю, что задолжал ему не одно «прости». Однажды он сказал мне, что ценит мою честность, и с тех пор, как я в прошлый раз попросил у него прощения, я очень стараюсь, но у меня все равно не получается делиться с ним и сотой долей того, что происходит у меня в голове. А еще мне хочется, чтобы он вошел в ванную, но он продолжает стоять на пороге. И не войдет, я знаю, а все из-за того, что произошло здесь в прошлый раз, когда мы были вдвоем и я поцеловал его.

Я много думаю о нем, о том поцелуе, вспоминая, как это было приятно. И еще я думаю о том, что снова все испортил.

Я не жалею, что поцеловал его тогда. Мне этого хотелось, и поцелуй был приятным, просто каждый раз, когда я вспоминаю тот случай, я жа-

лею, что не поцеловал его лучше и что бросил так скоро, а больше всего мне жаль, что я тогда ушел и оставил его одного. Но ведь тогда у меня была Анна-Лиза, и я только что убил Меркури, и вообще бесился, и... да, главное, тогда у меня была Анна-Лиза.

И все равно мне хотелось поцеловать его тогда, и я поцеловал, и мне было приятно, и хочется сделать это снова.

Но он по-прежнему стоит на пороге, не подходит, и все из-за того, что я тогда напортачил. Но поцелуй-то был настоящий, с ним я не напортачил. Не знаю, позволит ли он мне попробовать еще раз, но я все же попытаюсь. Попытаюсь ничего не испортить.

Но, черт возьми, до чего же далеко от раковины до двери. И так страшно оплошать снова.

И так хочется коснуться его, прижаться губами к его губам.

Я поворачиваюсь к зеркалу и смотрю на себя. Вид у меня жуткий, но в голове только одна мысль — как я хочу его поцеловать. Поэтому я поворачиваюсь к зеркалу спиной и делаю к Габриэлю шаг, еще один, еще, и с каждым шагом неловкость покидает меня, я становлюсь увереннее и вот наконец останавливаюсь прямо перед ним.

Я поднимаю левую руку и кончиками пальцев провожу по шраму, который пересекает его бровь.

— Мне всегда хотелось попросить у тебя прощения за это. За твой глаз. За то, что я избил тебя тогда.

Он не двигается. Кажется, даже не дышит.

— Я ведь мог выбить тебе глаз, — говорю я и глажу его шрам. Он светлый и широкий, хотя в длину всего сантиметра два.

А потом — о, черт, как же это трудно, по-моему, я даже начинаю дрожать, — я скольжу пальцами левой руки вниз, по его виску, скуле, щеке, спускаюсь к шее, трогаю волосы, которые лежат на его плече. Я придвигаю свой рот к самому его рту и, касаясь его губами, шепчу:

— Прости меня. — И продолжаю гладить его губы своими. Я чувствую, как он дышит мне в рот, как смешивается наше дыхание через его и мои приоткрытые губы. И я шепчу: — Прости меня за шрам. — Его губы так приятно касаются моих, что я просто не могу не поцеловать их, но нежно, очень нежно. Он не отвечает, и тогда я открываю глаза и вижу, что его веки опущены. Я шепчу: — Прости меня за то, что побил тебя. — И пока я шепчу это, мои губы снова касаются его губ, так что мне опять приходится его поцеловать. Потом я целую его опущенные веки, а он все не смотрит на меня и не отвечает. Он не отшатнулся от меня, но и ближе тоже не придвинулся.

Моя рука все еще лежит на его волосах и шее, но я больше не смею его целовать.

Все, что я могу, это снова шептать ему:

— Прости. Прости меня за то, что я причинил тебе боль. — Я говорю, все так же щекоча его губы своими, я делаю это специально, потому что мне нравится, а еще мне хочется спровоцировать его хоть на что-нибудь.

Но он не двигается.

— Габриэль, прости меня. Видишь, я так стараюсь быть милым.

И опять ничего.

— Я буду ждать вечно, если ты этого хочешь. И буду говорить тебе «прости» снова и снова.

И тут я чувствую на своей спине его ладони: сначала одна робко, едва касаясь, пробирается вдоль моей поясницы, потом вторая. Он привлекает меня к себе так, что соприкасаются наши бедра, и говорит:

— Тебе идет быть милым, делай это почаще, — говорит медленно, касаясь моих губ своими, потом добавляет еще что-то по-французски, его губы снова гладят мои и наконец сливаются с ними в поцелуе.

Мы долго целуемся. Потом Габриэль ведет меня в какую-то спальню, где мы целуемся еще дольше, и раздеваем друг друга, и делаем разные вещи, приятные вещи, они имеют отношение к любви. И это хорошо. Это так хорошо. Хотя мы

очень потные. Потом мы засыпаем. Потные, голые, мы засыпаем вместе. Ночью мы просыпаемся и продолжаем целовать и любить друг друга. Потом он целует мои шрамы, каждый в отдельности, и я засыпаю.

Еще позже я просыпаюсь, а он спит, и тогда я подбираюсь к нему и часто целую его грудь, слушая, как бьется его сердце, и мне хочется лежать так всегда и слушать его сердце. Странное чувство. Не помню, чтобы со мной раньше бывало такое. Кажется, я счастлив. Я закрываю глаза, но знаю, что на меня надвигается не сон, а холодная тьма. Видение.

Передо мной река, деревья, пологие холмы, кругом поют птицы, теплое солнце ласкает кожу. Вокруг очень красиво. Как раз в таком месте я всегда хотел жить. И там, рядом со мной, Габриэль, и я с ним.

КАРТЫ

Несбит стоит в кухне, к нам спиной. Его слегка покачивает. По-моему, он еще пьян. С тех пор как мы выволокли его из постели, он уже залил в себя два больших стакана воды и теперь все время стонет, но больше от него ничего не добиться.

Наконец он выпрямляется и говорит:

— Да послужит это уроком вам, парни. Алкоголь — зло.

Я говорю:

— По-моему, если кому-то здесь и нужен урок, то не нам.

— Признаюсь, чувствую я себя слегка паршиво.

— И выглядишь дерьмово. — Потом я добавляю: — Да и пахнешь не как роза.

— Спасибо, приятель. — Несбит поворачивается к нам. Вид у него и правда еще тот: лицо покрыто серой бледностью, в глазах красные прожилки, на щеках щетина. Постарел лет на десять.

Он говорит:

— Ничего не помню.

— Ты приготовил еду, мы ели, ты пил, потом ты говорил, потом снова пил, и так пока не прикончил три бутылки вина и еще вот это. — Габриэль с улыбкой показывает ему пустую бутылку из-под виски.

Несбит снова вздрагивает и говорит:

— Я возвращаюсь в постель.

— Когда мы уйдем, — говорю я.

— Ну, тогда сваливайте, да поживее. — Он опускает руку в карман штанов и, пошарив там, вынимает пачку американских долларов. — Вот, нашел вчера у Меркури. Вы уже решили, какой подарок возьмете для Леджер?

Габриэль хлопает меня по рюкзаку со словами:

— Я уложил сюда пару дневников Меркури, те, в которых говорится о Леджер и о том, как найти географическую комнату. Думаю, она будет рада, если информация о ее местонахождении не разойдется по свету.

Мы с Габриэлем долго говорили на эту тему и решили, что подарок не должен быть дорогим — в смысле денег, — а что бы ей подошло из магии, мы не знаем, вот и выбрали дневники.

Несбит подводит нас к проходу, который ведет в Нью-Йорк. Там мы и прощаемся, и я не знаю, увидимся мы еще когда-нибудь с Несбитом или нет. Мне кажется, что нет, но, может быть, это просто настроение у нас такое мрачное. Несбит говорит:

— Если я все-таки женюсь, придется вам приехать ко мне на свадьбу. Большой будет праздник. А я знаю, как вы любите хорошие вечеринки, ребята.

— В жизни не бывал ни на одной.

Несбит трясет головой.

— Нет? Странно, почему это меня даже не удивляет? — Тут он обнимает меня и говорит: — Я буду скучать по тебе.

Потом он выпускает меня и обнимает Габриэля.

— И по тебе тоже, Габ. Береги себя и его тоже. — Потом он отступает на шаг и говорит: — А теперь, с вашего позволения, пойду-ка я блевану.

Габриэль берет своей левой рукой мою правую, переплетает свои пальцы с моими и протягивает свободную руку к проходу. Я оглядываюсь на Несбита — бледный и одинокий, он стоит в глубине комнаты, — и мое тело тут же засасывается в темноту.

Внутри совсем нет света, но по тому, как кружится у меня голова, я понимаю, что лечу. Я знаю, как прекратить головокружение — надо выдохнуть, и я выпускаю из своих легких воздух и сосредоточиваюсь на ощущениях: мне холодно, холод окружает меня со всех сторон, сковывая все тело, кроме той руки, которой я держусь за Габриэля. Я смотрю вперед — то есть туда, где, по моим представлениям, должен быть «перед» — но

там ничего нет, только темнота. Не дышать становится очень трудно. С тех пор, как я выдохнул, прошло, наверное, не меньше минуты.

И тут мы врезаемся в твердый пол. Снова можно дышать. Мы лежим в темном углу какого-то переулка, позади огромного мусорного бака на колесиках. Вокруг нас грязь, но не такая, как в лесу. В лесу грязь хорошая, здоровая, здесь она похожа на слизь.

Мы выходим на большую улицу, чтобы понять, где мы оказались, и Габриэль говорит, что нам надо к вокзалу. Я вообще мало бывал в городах, а этот совсем не похож ни на Лондон, ни тем более на Базель или Барселону. Но воздух также полон электричества, и я непрерывно чувствую его у себя в голове. Мне не больно, оно не мешает сосредоточиться, но я невольно думаю, что приближения Охотников я здесь точно не услышу.

Мы идем пешком — уже ночь, а ночью мы не можем находиться ни в метро, ни даже в такси — и озираемся в поисках ведьм (мы на территории Белых, напоминает мне Габриэль), но никого не видим. Вдруг мимо нас, завывая сиреной, проносится полицейская машина, и Габриэль тут же вталкивает меня в какой-то переулок, где прижимает к стене и наваливается на меня всем телом. Я не возражаю. Я знаю, что никакая опасность нам не грозит, ведь это же просто фейны, но Га-

бриэль есть Габриэль. К тому же мне приятно чувствовать его тепло, когда вокруг холодно, а у меня за спиной — ледяная стена. Он целует меня, продолжая прижиматься ко мне всем телом. Он хочет идти дальше, но тут я притягиваю его к себе и целую, прижимая к стене. Я целую его в рот, в щеку, в шею, в ухо.

— Ты всех своих друзей так целуешь? — спрашивает он. Этот вопрос он задавал, когда я поцеловал его впервые, несколько месяцев назад, и я вместо ответа наклоняюсь, целую его в грудь, потом медленно возвращаюсь к его рту и, прижавшись к его губам губами, шепчу:

— Только тебя. — Мне не хочется быть сейчас слишком серьезным, но он смотрит на меня так внимательно. И я добавляю: — Я всегда буду твоим другом.

— Я знаю.

Я нежно целую его, и мы идем дальше быстрым шагом. Людей и машин на улицах заметно прибавляется. С первыми лучами солнца мы у вокзала. Входим внутрь, узнаем, когда наш поезд, и идем в кафе, ждать.

Там мы берем кофе, горячий шоколад, круасаны и фрукты. Под конец я начинаю баловаться с сахаром: открываю несколько бумажных упаковок подряд, высыпаю в свою кружку все их содержимое, мелко рву пакетики и отправляю туда же.

Габриэль протягивает руку и кончиками пальцев касается тыльной стороны моей ладони; я перестаю свинячить, и мы застываем: я с пакетиком сахара в руке, он — лаская мою ладонь. Он говорит со мной, рассказывает мне о своей семье, о том, как они переехали жить в Америку, во Флориду, и как он застрелил там девчонку, которая предала его сестру, Мишель, а я смотрю на свои руки и думаю о том, скольких людей они уже убили, и о том, сколько еще жизней им предстоит отнять.

Мы садимся в поезд, устраиваемся у окна, поближе друг к другу, и смотрим, как проносится мимо нас мир, как небо из светло-серого становится голубым. Дома постепенно уступают место заснеженным полям, которые со временем снова обступают дома, а потом Габриэль говорит:

— Сейчас выходим.

Мы находим таксиста, который говорит, что знает нужный нам адрес, и десять минут спустя уже катим через пригород, мимо сугробов, застывших вдоль дорог. Скоро мы снова выезжаем за город, где дорога покрыта льдом. Водитель жалуется, что, хотя снега не было уже несколько дней, дороги так до сих пор и не привели в порядок. Потом останавливает машину и говорит:

— Приехали.

Дом стоит чуть в стороне от дороги — судя по девственно-чистому снегу вокруг, в нем никто не

живет. Габриэль рассчитывается с шофером, и мы еще несколько минут ждем, пока тот развернется и уедет.

Мы идем к дому, снег скрипит под нашими ногами. На улице здорово холодно, из-за яркого, низкого солнца приходится щурить глаза.

Парадная дверь заперта, черный ход тоже. Но у Габриэля с собой булавка Меркури, она без проблем открывает заднюю дверь. Он хочет войти, но я предостерегающе беру его за руку и спрашиваю:

— А что, если на дом наложены защитные чары?

Он пожимает плечами:

— Несбит ничего такого не говорил.

— Несбит тут не был.

— Зато Ван была. Будь здесь чары, она бы попалась. — И прежде чем я успеваю его остановить, он делает шаг внутрь. Я жду, озираюсь. Но кругом все тихо, и я вхожу за Габриэлем.

Дом старый, заброшенный, внутри пахнет сыростью. Кое-где в комнатах лежат ковры, на окнах висят задернутые занавески, но нет никакой мебели, кроме единственного поломанного стула в одной из спален. Мы проверяем оба этажа, чтобы убедиться, что дом действительно пуст, и только потом спускаемся по деревянной лестнице вниз, в погреб. Электричества в доме тоже нет, так что приходится пользоваться фонарями.

Погреб оказывается такой: одна небольшая комната с низким потолком и цементным полом. И все.

Я говорю Габриэлю:

— Я, конечно, не знаю, что такое географическая комната, но я ожидал, что тут будут карты или что-то вроде.

— Ага.

Фонарь Габриэля шарит по стенам.

Я спрашиваю:

— Думаешь, их кто-нибудь забрал?

— Не знаю. Но если Леджер такая могущественная, то без магии здесь вряд ли обошлось.

— Может, здесь есть еще проход, он-то и ведет в географическую комнату.

— Нет, она должна быть здесь. Как на карте Меркури. По этому адресу. В этом погребе.

Я обхожу комнату кругом, но в ней буквально не на что смотреть. Я обшариваю глазами потолок, пол и стены, но и там не нахожу ничего. Комната пуста.

Габриэль говорит:

— Они должны быть здесь. Просто мы их не видим.

— Может, надо сказать волшебное слово, и они появятся, — предлагаю я.

— В дневнике Меркури ничего такого не написано. — Габриэль принимается ощупывать стены со словами: — Может, тут потайная дверь.

— Об этом тоже не написано.

Я прислоняюсь к стене и наблюдаю за Габриэлем, который продолжает бродить по комнате и то надавливает на стену тут, то простукивает ее там, но ничего не находит.

— Тут что-то не то, — говорит он наконец. — Мы что-то пропустили.

— Точно.

— Может, они были здесь, а потом, после посещения Ван, Леджер решила их убрать.

У меня дурное предчувствие, что он прав и мы зря потратили время. Рыкнув от разочарования, я прижимаюсь к стене лбом. И тут кое-что привлекает мое внимание. Мое лицо вплотную прижато к штукатурке — или к цементу, не знаю точно, что это, — а она подсвечена снизу лучом моего фонарика. Под таким углом я вижу, что стены совсем не ровные, они покрыты многочисленными гладкими выступами и вмятинами, похожими на холмы и долины.

— Габриэль, неси сюда свой фонарь и посвети мне сбоку.

Я стою вплотную к стене, не отрывая щеки от цемента.

— Как, по-твоему, это похоже на... пейзаж?

И чем дольше я смотрю, тем больше деталей различаю: сначала на поверхности штукатурки появляются горы, потом проступают темные про-

жилки — они похожи на реки, за ними большие темные пятна — леса или, может быть, города. Я отнимаю лицо от стены, и карта исчезает, но, стоит мне коснуться ее кончиками пальцев, как она возвращается снова.

Я делаю вдоль стены несколько шагов, чтобы увидеть больше.

— Вот смотри, похоже на гору, по которой стекает река.

Я вглядываюсь еще пристальнее, и мне кажется, будто подо мной настоящая земля, которую я вижу сверху, с большой высоты, как бывает, когда я превращаюсь в орла. Подробности поразительны. Чем внимательнее я смотрю, тем больше различаю: равнины, деревья, озера. Мне даже начинает казаться, будто я вижу птиц, кружащих подо мной в воздухе.

Так вот она, карта, и вот какова ее магия.

Я смотрю на Габриэля — он уже у другой стены, и я подхожу ближе, чтобы взглянуть, что там. Это тоже карта, но другая: дикая местность — пески, валуны, редкая растительность — вроде пустыни. Он говорит:

— Как красиво.

Я помню этот пейзаж по старым ковбойским фильмам, которые смотрел когда-то с Арраном. И говорю:

— Да, красиво. Это бесплодная земля.

БЕСПЛОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Я протягиваю руку, чтобы коснуться стены, но ее перехватывает Габриэль.

— Это же просто стена, — говорю я ему. — Я ее уже добрых десять минут трогаю, и ничего.

— Это карта. И она магическая. А мы пока не знаем, ни как она работает, ни что там, за ней. Кроме того, что прочитали в дневнике Меркури: попадешь не в ту карту — застрянешь.

Я отхожу от стены на пару шагов.

— Ну и? Как, по-твоему, она работает? — спрашиваю я. — Может, надо какой-нибудь выключатель нажать или сказать волшебное слово?

Габриэль достает из моего рюкзака дневник Меркури и читает: «Наконец нашла географическую комнату в подвале дома в Ф., дальше все было просто. Любит она такие штуки: сначала придумает невозможно сложный вход через карту, а запрос допуска — простенький».

— Значит, нам нужна простая просьба о доступе.

— Похоже на то.

— И что нам делать? В смысле, просто спросить: «Можно войти?» — или как?

— Знаешь, у меня такое чувство, что именно так. — Габриэль смотрит на стену и говорит: — По-моему, надо просто ткнуть пальцем в то место на карте, куда ты хочешь попасть, и попросить разрешения войти, а дальше... дальше она засосет тебя, как проход или что-нибудь в этом роде.

— Ладно, но какая из них? — и я еще раз обхожу комнату кругом, осматривая все четыре стены, четыре карты, но не знаю, какую из них выбрать. На одной бесплодные земли, на другой — заснеженные горы, на третьей — пустыня, на четвертой — большой город на берегу озера.

Габриэль тоже оглядывает их одну за другой и снова открывает дневник Меркури. Говорит:

— Тут ничего больше не сказано. Только про «просьбу о доступе».

— Понятно. Значит, просто попросим у карты: «Если ты знаешь путь к Леджер, приведи меня к ней» или что-то вроде. — Я смотрю на Габриэля — что он на это скажет?

Он кивает.

— С какой начнем?

— С бесплодных земель, — отвечает он.

— Почему?

Он улыбается.

— Просто мне нравится название.

— Ладно. — Я подхожу к стене и сгибаю палец: — А куда жать?

Мы опять осматриваем всю карту: никаких подсказок.

— Думаю, надо выбрать точку посередине и стукнуть туда.

Габриэлю, похоже, не очень нравится мое решение, но он отвечает:

— Хорошо. Только пойдем вместе.

— Нет.

— Да. Если ты уйдешь один, я все равно тут же последую за тобой, так что лучше уж сразу вместе. — Я знаю, что он так и сделает, а потому просто беру его за руку, подношу другую руку к карте и легко нажимаю точку примерно в середине.

Габриэль отдергивает мою руку от карты со словами:

— Надо назвать имя Леджер. И попросить, чтоб нас к ней пропустили. По-моему, если просто попросить пропустить нас внутрь, то мы внутри и окажемся, только, может быть, не на той карте.

— Ладно, — улыбаюсь я. — Английский язык подойдет? Или, может, попробовать по-французски?

— Если Леджер действительно так сильна, то, думаю, ее магия работает на любом языке.

— Ты готов?

Габриэль кивает, а я говорю:

— Карта, пожалуйста, пропусти нас к Леджер. — Разумеется, ничего не получается, и тогда я говорю: — Карта, если Леджер... — но тут как раз что-то начинает происходить. Я чувствую тепло. Жар охватывает мою руку, которая как будто растворяется в карте, сливается с ней в единое целое.

Желтизна и жара окружают меня, я плаваю в них, как в горячей ванне. Переход внутрь карты не похож на путешествие через тоннель в пространстве — здесь чувство такое, будто вязнешь в теплой грязи.

Но вот желтое сияние рассеивается, как туман, и мир снова становится четким. Под моими ногами — бежевый камень, над головой — голубое небо. Солнце стоит в зените, легкие заполняет раскаленный воздух. Я в узкой долине с крутыми склонами, среди бесплодных земель. За моей спиной вверх уходит особенно крутой склон, впереди тот же самый склон становится пологим и веером спускается в долину. Но я здесь один. Габриэля рядом нет.

Черт!

Не знаю, что я сказал не так. Не помню, чтобы я выпускал его руку. А теперь я просто не имею понятия, что делать дальше. Я не знаю ни пути назад, в Филадельфию, ни еще куда-нибудь, если на то пошло. Остается только надеяться, что

Габриэль сейчас в погребке, злой, но целый и невредимый. Помочь я ему ничем не могу, значит, надо попытаться помочь самому себе.

Вариантов у меня два: залезть наверх или спуститься вниз, в долину. Я пробую оба, но ни один не работает. Пытаясь сойти вниз, я выясняю, что просто топчусь на месте. Тогда я выбираю точку на дальнем коричнево-красном склоне и бегу к ней изо всех сил. Но не сдвигаюсь с места даже на метр. То же происходит, когда я начинаю карабкаться наверх по склону за моей спиной, неотрывно глядя на его каменный козырек. Я решаю выбрать точку поближе, шагах в десяти от меня, но и до нее добраться мне не удастся. Я хочу швырнуть подальше свой рюкзак — просто посмотреть, что будет, — но передумываю и решаю швырнуть что-нибудь другое, не такое нужное.

Я обшариваю карманы, но нахожу только две охотничьи пули да белый камешек для Анна-Лизы. Вытаскиваю пули — надо же когда-нибудь ими воспользоваться. Первую я бросаю вверх, целясь в точку под карнизом. Сначала мне кажется, что пуля улетела куда-то далеко, но, приглядевшись, я обнаруживаю ее рядом, в метре от своей ноги. Я подбираю ее и повторяю попытку: с тем же результатом. Тогда я пробую скатить ее вниз по склону, отпускаю, и она катится примерно метр, а потом останавливается. Я подталкиваю ее

ногой, она прокатывается еще несколько сантиметров, и медленно возвращается вверх, туда, где была.

Похоже, мы застряли тут надолго: я и мои пули.

Тогда я сажусь на сухую неровную землю и начинаю ждать. Земля жесткая, солнце палит, вокруг ни ветерка. У меня с собой небольшая фляжка с водой — хватит на несколько дней, если расхोждать понемногу.

Много времени спустя я все еще сижу рядом со своим рюкзаком, и, хотя прошло уже несколько часов, солнце так и не сдвинулось с места. Наверное, я застрял в карте, но, когда мы смотрели на нее сверху там, в географической комнате, реки на ней текли, птицы летали и звери двигались. Здесь же такое впечатление, как будто время замерло. Такая тишина и покой наступают, когда останавливается время. Значит, Леджер действительно могущественная ведьма, раз она могла создать такую карту, удержать меня в ней взаперти и остановить время. На память невольно приходят слова Меркури: Леджер и впрямь сильнее всех, но что толку? И я думаю, что с таким же успехом можно спросить: что толку жить? бегать? превращаться в зверя? становиться невидимым? менять внешность? Умение — вот что главное. Вот Леджер и демонстрирует мне свои умения, причем

без малейшего вреда для меня. Надеюсь, что так будет и дальше, когда время снова пойдет.

Если оно, конечно, вообще когда-нибудь пойдет.

И я жду. Пытаюсь придумать, что скажу Леджер, когда она появится, но, так ничего и не придумав, начинаю думать о Габриэле, жалею, что его нет со мной.

И тут что-то происходит.

Вдалеке я замечаю какое-то движение.

Человек: медленно идет с дальнего конца долины мне навстречу. Кто бы это ни был — а я надеюсь, что это Леджер, — он не торопится. Вот он машет рукой — зовет меня вниз. Я встаю, делаю шаг, обнаруживаю, что могу двигаться вниз по склону, и иду на зов. Дует легкий ветерок. Значит, время пошло.

Подходя к незнакомцу ближе, я вижу, что это не женщина, а парень, который поворачивается ко мне спиной и начинает уходить прочь. Он тонкий и гибкий. Я спешу за ним, чтобы не потерять его из виду, но он исчезает.

Черт!

Я смотрю туда, где он был только что. И понимаю, что его засосало в проход. Я продолжаю идти, выставив вперед руку и нашаривая его край. Мне кажется, что я стою уже прямо на нем, но ничего не происходит, и мое сердце начинает

яростно биться. Но я не оставляю попыток найти проход и наконец чувствую, как затягивает сначала мою руку, потом все тело, а потом я падаю на колени в теплую мягкую траву.

Поют птицы. Я стою на широком зеленом лугу, слева от меня синеют вдали деревья и горы. Дует теплый ветерок, солнце висит совсем низко в небе. Между мной и горами широкая река, впереди — большая хижина, сложенная из камня, и я вижу, что дверь в нее открыта, а паренек скрывается внутри. Я встаю и, то и дело оглядываясь, подхожу ближе — вокруг никого. Я хочу сделать себя невидимым, чтобы разведать все кругом как следует, но раздумываю: это может показаться невежливым хозяйке и вызвать больше проблем, чем я в состоянии сейчас решить. И в конце концов, если уж могущественная Леджер решила меня убить, то так и сделает, и ничто ее не остановит.

ХИЖИНА

Одним толчком я широко распахиваю дверь хижины. За ней открывается комната, позади которой — кухня. Парень там, в кухне. Его русые волосы сзади коротко пострижены, зато спереди падают на лицо. Я почти не вижу его глаз. Ему лет восемнадцать или девятнадцать. Симпатичный, но так, ничего особенного.

Я делаю глубокий вдох и вхожу.

— Я ищу Леджер, — говорю я, не уверенный — не она ли это сама в таком обличье.

— Ты Натан, — отвечает парень. Застенчиво улыбается, и я вижу, что один передний зуб у него кривоват. Он моргает мне через волосы, потом протягивает руку и говорит: — Я Леджер. Я ждал тебя. Входи. — Сам не знаю, чего я ждал от Леджер, но уж точно не того, что она превратится в мальчишку почти одних лет со мной. Но я все же жму ему руку, а он смотрит мне в глаза. Его глаза очень похожи на мои, только серые, как сталь, а не черные, но с такими же вращающимися треу-

гольниками внутри; чем дольше я смотрю на них, тем сильнее они притягивают меня — их пустота завораживает. Потом он отнимает у меня руку, поворачивается спиной и говорит:

— Я варю кофе. Хочешь?

— Гм-м-м. Нет.

— Предпочитаешь чай? Или что-нибудь покрепче?

— Нет. — Хотя пить, вообще-то, хочется. Зря, что ли, я столько часов просидел в пустыне под палящим солнцем. — Воды у тебя не найдется?

Леджер открывает кран, набирает полный стакан воды и протягивает его мне.

Я говорю:

— У меня есть друг, Габриэль. Мы были вместе, но разделились.

— Да.

— Он все еще в комнате с картами?

— Он в безопасности..

— В безопасности где?

— Карта пропускает только одного человека за раз. Когда ты прошел, он последовал за тобой, но положил палец на карту в паре сантиметров дальше к западу.

— И где он теперь?

— Я же говорю, в безопасности. — Леджер снова смотрит мне прямо в глаза и добавляет: — У меня нет причин лгать. Он скоро будет с на-

ми. — И я понимаю, что мне остается только верить ему на слово.

Кофе у Леджер готов, он снимает его с плиты, а сам уходит за молоком и сахаром. Потом садится за стол напротив меня.

Я вспоминаю про подарки и вытаскиваю их из рюкзака.

— Хм-м... Я тут тебе кое-что принес. В знак дружбы. Эта карта принадлежала Меркури, на ней показано, где находится твоя географическая комната, и вот еще пара дневников, в которых она описала встречу с тобой и ваш разговор. Они помогли Ван найти сюда дорогу, и мне тоже. Мы, в смысле Габриэль и я, решили, что они могут... в общем, это тебе. — С этими словами я кладу их на стол.

Леджер говорит:

— Спасибо, — но не берет ни дневники, ни карту. Вместо этого он наливает себе кофе, добавляет в него молока, кладет сахар.

Я говорю:

— Мне рассказала про тебя Ван. Не много, просто сказала, что мне надо тебя повидать. — Я мешкаю, потом продолжаю: — Пару недель назад ее убили. Охотники. Их послал Сол, глава Белого Совета Британии. Вместе с ней уничтожили целый лагерь Альянса.

Я смотрю на Леджер, ожидая реакции на эту весть, но ничего не вижу. Он только смотрит на

меня так, словно взвешивает каждый мой жест и каждое слово.

Я продолжаю:

— Ван говорила, что вторая половина амулета Вардии у тебя и что она отдала тебе свою. Она считала, что амулет сможет защитить меня, когда я буду сражаться с Охотниками и Солом. А еще она сказала, что ты отдашь его только правильно-му человеку.

Леджер и тут ничего не отвечает, только, не сводя с меня глаз, отхлебывает кофе. И замечает:

— Похоже, в светское начало разговора ты не веришь.

Я снова мешкаю.

— А ты?

— А я считаю, что для начала узнать друг друга поближе не помешает. — И он снова делает глоток. — Но, раз уж ты заговорил об этом, продолжим. Ты хочешь убить Сола... Положить конец его ужасному правлению. — И он смотрит на меня, заглядывает прямо мне в глаза, да так, словно читает мои мысли. — Ты думаешь, что убивать людей — правильно?

— Убить Сола — правильно.

— Я понимаю, что у тебя есть причины так считать и верить в это. Но, как сказал однажды мудрец, истины нет, есть лишь перспектива.

Я пытаюсь переварить это и начинаю:

— Я не...

— Это значит, что у меня может быть своя точка зрения на вещи и она ничуть не менее правильная, чем твоя.

— И какая же у тебя точка зрения?

— С моей точки зрения, Сол — человек неуравновешенный. Однако, с моей точки зрения, убивать его за это, как и кого бы то ни было другого, — дело нехорошее. Я вообще не верю в убийство, и, если бы я взялся помогать тебе сейчас, то стал бы пособником в убийстве. И не только Сола, а, скорее всего, еще многих людей.

— Ты помог бы мне выжить. А значит, помог бы тем, кого Сол еще не успел убить.

— То есть ради спасения каких-то неизвестных мне людей я должен принять участие в убийстве других людей, столь же неизвестных?

— Сам ты никого убивать не будешь. Их все равно убью я, так или иначе.

— Всех?

Я спотыкаюсь, вспоминая свой сон с бесконечной чередой Охотников, стоящих на коленях.

Леджер пристально смотрит на меня, и я чувствую себя так, словно он заглядывает мне прямо в мозг, видит мои мысли. Он говорит:

— И тебе не жалко их, Натан? Всех этих людей, которых надо убить?

— Они — зло.

— Так говоришь ты. Но разве жизнь не священна?

— Жизнь — это просто жизнь, а смерть — это просто смерть. Не преувеличивай. Мы все умрем. Но есть люди, цель существования которых — причинять боль другим.

— Возможно, что ты как раз из них. — Он все еще смотрит на меня.

Яжимаю плечами и отвожу взгляд, но тут же смотрю на него снова и продолжаю:

— Я не герой, но я могу положить конец этой войне. А Альянс, если он победит, может дать людям стабильность, может даже помочь Белым и Черным Ведьмам жить в мире друг с другом.

— Ты считаешь, что Белые и Черные Ведьмы способны жить в мире и гармонии?

— Не знаю. Но попробовать стоит. Что угодно должно быть лучше того, как мы живем сейчас.

— Согласен, вот только во взглядах на пути достижения этой гармонии мы с тобой расходимся.

Леджер откидывается на спинку стула и продолжает:

— Знаешь, за долгие-долгие годы... — тут он делает паузу, дожидаясь, пока я сделаю удивленные глаза — доказательство того, что он очень молодо выглядит, потом продолжает, — я понял одно: все случается само собой, рано или поздно.

И ничто, ни плохое, ни, к сожалению, хорошее, не длится вечно. Все эфемерно. Включая и нас.

— Значит, твой ответ — ничего не делай? Жди, когда все произойдет естественным путем?

— Как вариант. Ты бы мог предоставить Сола и Альянсу самим разбираться между собой, а сам нашел бы себе тихое местечко и стал бы там жить. Так и вижу тебя у реки, рядом деревья, горы... прямо как здесь, у меня в Монтане. — Он подается вперед и заглядывает мне в глаза. — Да, деревья точно есть. И река, но вот насчет хижины я не уверен. — Леджер протягивает вперед руку, чтобы коснуться меня. — Можно? — спрашивает он и тут же кладет свою ладонь поверх моей. — Ты интересный мальчик, Натан. Ты так молод, а магия из тебя так и брызжет. Твой дар могуч, и в то же время мал: он словно бы погребен под другими желаниями и эмоциями.

— Мне было о чем подумать в последнее время. Я учусь пользоваться другими дарами. Они нужны мне, чтобы найти Сола. Но и амулет мне тоже нужен.

— Вот мы и опять вернулись к тому, с чего начали.

Не зная, как на это отвечать, я говорю:

— Жизнь — смерть. Это я к тому, что система все равно протухла.

— Утратила равновесие, как сказали бы мы, старики, — отвечает он, а сам снова улыбается.

Я спрашиваю его:

— Почему ты так выглядишь? В смысле, зачем тебе притворяться молодым парнем? Я же знаю, ты не молода, да и не мужчина.

— Какая разница, кем казаться? Я думал, тебе будет легче говорить с кем-то, кто похож на тебя. К тому же быть молодым, здоровым и полным сил куда приятнее, чем наоборот.

— Когда к тебе приходила Ван, ты явилась ей в виде умудренной опытом женщины?

— Да, вообще-то именно так и было.

— А когда к тебе приходила Меркури?

— О, это было забавно. Как сейчас помню нашу встречу. Я принял облик Тетис, что совсем не понравилось Меркури. Слишком сильная конкуренция.

— Что это еще за Тетис такая?

— Посмотри как-нибудь в Интернете.

Я молчу, и он продолжает:

— Ты не любишь телефонов, компьютеров и всякого... электричества?

Я молчу, потом отвечаю:

— У меня от них шум в голове... вроде шипения.

— О, немногие из нас, Черных Ведьм, отличаются такой чувствительностью. Мне тоже пришлось с этим помучиться. Потом я научился не

обращать внимания: так и жил, не обращая внимания, много лет, и был очень доволен тем, что живу и не обращаю внимания. Я размышлял об этом, медитировал над этим, медитировал вместе с этим. И наконец настал момент, когда, как говорится, лампочка вспыхнула.

— Понять не могу, о чем это ты.

Я перевожу взгляд с Леджер на вид за окном и спрашиваю:

— Где мы? Это ведь не настоящая Монтана, правда?

Он тоже смотрит в окно, но так, словно проверяет, затем, подумав, отвечает:

— А на вид совсем как настоящая.

Я уже не знаю, ни где мы, ни кто мы. Все вокруг в любой момент может рассыпаться иллюзией или растаять сном. Но Леджер, кажется, все-таки есть. Я отпиваю глоток воды из стакана. Она холодная и тоже вроде бы настоящая.

— Я рад, что ты пришел, Натан. У меня так редко бывают гости. — Он задумчиво улыбается, словно недоумевая, почему бы это. — Мы пропустили этап знакомства, но, как я уже говорил, я против убийства, против насилия. А в твоём прошлом, Натан, немало насилия, как и во всей твоей природе.

Леджер облокачивается на стол и берет меня за руку. Его рука холодная и сухая, но крепкая.

— И все же я верю в равновесие, в то, что наши дары лишь в гармонии способны достигнуть истинной силы. Натан, у тебя столько сил от матери, от отца и от самого себя, наверное, тоже. Но я не ощущаю в тебе никакой гармонии. — Он трет мою ладонь и заглядывает в нее. — У тебя длинная линия жизни, даже любопытно, до чего длинная... — Затем он смотрит на меня, и в его взгляде я вижу что-то вроде смущения. — И я чувствую, что твое будущее в конечном итоге исполнено покоя.

— В конечном итоге?

— Как я уже сказал, я вижу тебя у реки...

Странно сидеть вот так и чувствовать, как мою руку держит Леджер, но нельзя отвлекаться, надо сосредоточиться на том, что я должен сказать. Я продолжаю:

— Этого я и хочу. Я верю в добро, в мир. Но мира у нас нет. А есть война, преследования и пытки. Все сейчас пошло прахом — равновесие развалилось. Тебе хорошо говорить, что ты не веришь в убийство, а Сол тем временем убивает. Его надо остановить, и, если ты не стремишься к этому, значит, помогаешь ему. Он — зло.

Леджер смотрит мне в глаза и говорит:

— Единственное, что необходимо для торжества зла, это чтобы хорошие люди ничего не делали.

— Не знаю, о чем ты, но я чувствую, что должен что-нибудь сделать. И что я могу кое-что сделать. Ван говорила, что ты можешь починить амулет и отдать его правильному человеку. Я — тот человек?

Леджер выпускает мою руку и говорит:

— Посмотрим.

— Ты можешь сделать так, чтобы амулет заработал?

— Я много думал над этим. Но, как это всегда бывает с магией, мыслить — дело хорошее, а чувствовать и прислушиваться к голосу интуиции — важнее. Моя интуиция подсказывает мне, что амулет заработает сам, когда будет достигнуто определенное равновесие и нужные вещи встанут на нужные места.

— И что, они встали? На нужные места?

— Возможно. Пока не знаю. Твой приход сюда может кое-что значить. Мне давно, очень давно хотелось получить вторую половинку амулета. Просто из любопытства, понимаешь, чтобы увидеть его целым. Это ведь предмет исторический, а не только магический. Видеть его весь, держать в руках обе половинки сразу — чудо. Но я никогда не видел смысла в том, чтобы гоняться за ним по всему свету. Я знал, что рано или поздно он сам придет ко мне.

— Ха, ну, в этом-то как раз нет никакой мистики. Понятно, что всякий, у кого могла оказаться одна половинка, захотел бы овладеть второй.

— Правда? Вторая половинка амулета прошла через руки многих людей, прежде чем попасть к Ван, но никто из них меня не разыскивал. Только Ван сделала это; но амулет нужен был ей не для себя, а для тебя. Она мне о тебе рассказывала. — Леджер отпивает еще кофе и продолжает: — Амулет — изумительный предмет, в нем заключена великая магия. Сначала я думал, что он не будет работать, так как его разделили на две половины, но, прикасаясь к нему, я чувствовал в нем магию. Если верить истории, то Черная Ведьма Вардия разорвала амулет надвое, но так, чтобы он продолжал защищать Линуса, Белого Колдуна, если бы он и она снова соединились. Таково его происхождение, и я чувствую, что магия будет работать, но только для правильного человека, для того, в ком соединены Черное и Белое начала.

— Для меня?

По лицу Леджер проскальзывает улыбка.

— Вряд ли тебе стоит так радоваться. Амулет, если он сработает, защитит тебя от многих угроз, но он же потребует от тебя огромной ответственности за то, как ты используешь свою силу. Уверяю тебя, что тихая жизнь на берегу реки, где

ты будешь год за годом изучать свои силы, знакомиться со своими дарами и развивать их, даст тебе в конечном итоге куда большее могущество и счастье.

— А люди пока будут умирать.

— Люди всегда умирают. Такая у них скверная привычка, и ты тут ничего не изменишь, как ни старайся.

— Кое для кого, может, и изменю.

— Возможно. Но ты еще так молод, тебе всего семнадцать, ты едва стал колдуном. Тебе еще многому предстоит учиться.

— Я знаю достаточно, чтобы драться с Солом.

— Ты так думаешь? А по-моему, ты даже не догадываешься о том, сколько на свете есть такого, чего ты не знаешь.

И дом в Монтане исчезает, а мы — все за тем же столом и на тех же стульях — оказываемся на борту огромного корабля, океанского лайнера, на верхней палубе, где сильный ветер треплет наши волосы и одежду, а рядом с кораблем вода то и дело морщится, когда из нее выпрыгивают дельфины; потом нас окружают лед и снег, и становится так холодно, что влага в моем носу замерзает и превращается в лед; тут же мы оказываемся в ресторане, среди других столиков и других людей, справа от себя я вижу огромное окно, в которое видна гавань, а за ней громадные небоскребы.

— Очень впечатляет. Как я понимаю, на самом деле мы не сдвинулись с места. Ты просто сделал так, что я все это вижу и чувствую.

И мы снова оказываемся в доме в Монтане.

— Я не пытаюсь произвести на тебя впечатление, Натан, просто показываю, сколько ты еще не знаешь. Пользуясь своим даром, я предлагаю твоему мозгу некие картинки, и он их принимает, вот почему ты их видишь. Это редкий дар, и его тяжело контролировать, но я научился. И ты тоже многому можешь научиться, Натан. У тебя большие способности.

— Ты научился пользоваться другими дарами? Значит, ты их у кого-то отнял?

— Нет, Натан. Я ни у кого ничего не отнимаю. Я ищу доступ... к первоисточнику. И, по-моему, ты тоже так сможешь. А в открытии нового, в учебе — столько радости!

— Это не про меня. Я плохо учился в школе.

— Уверен, что школа тебе просто не подходила, но вот своим дарам ты научился быстро. Ты учишься интуитивно. А еще ты на удивление честен и доверчив, учитывая твою историю. О да, Ван все мне про тебя рассказала. Все, что знала сама, а это совсем немало. О твоих родителях, о твоём брате и сестрах, о времени, которое ты провел в клетке, о том, как ты бежал; и о том, что было с тех пор тоже — в том числе о твоём отце,

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

о том, что с ним случилось. Ты одолел столько препятствий, Натан, но этим твой потенциал еще далеко не исчерпан, я знаю! Возможно, все дело как раз в твоей дикости. — Он снова берет меня за руки и смотрит мне в глаза, а я тем временем думаю о том, можно ли заставить амулет помочь мне, Половинному Коду, победить Сола и Охотников.

Леджер откидывается назад на стуле со словами:

— Твои мысли все время возвращаются к этой войне и к амулету. Но, Натан, амулет — всего лишь безделка. Да, непростая, конечно, но все же это всего лишь вещь, причем даже не особенно красивая; в то время как интересоваться следует не вещами, а скрытой в них магией. Создательница этого амулета заключила в нем магию, и это та самая магия, которая живет в тебе и во мне. Есть лишь одна сила, которая все оживляет, все приводит в движение. Сущность — так я ее называю. Сущность всех вещей. Наша Сущность.

Я ПРОИЗВОЖУ ВПЕЧАТЛЕНИЕ НА ЛЕДЖЕР

— Значит, ты ее нашел, Сущность? — спрашиваю я у Леджер, когда мы идем по берегу реки.

— Я нашел много разных вещей и приобрел много способностей, но мне нравится думать, что все это время я лишь щиплю краешек громадного покрывала Сущности.

— А какой у тебя дар? В смысле, первый?

— Контроль над разумом. Я был умным и уверенным в себе ребенком и всегда знал — просто знал, и все тут, — что у меня будет необычайно сильный дар. Хотя, с другой стороны, в отношениях с другими у меня никогда не было ни особой уверенности, ни счастья. У меня было много сил, но между ними отсутствовало равновесие. Я был тогда маленькой девочкой, не слишком привлекательной и похожей на мальчишку. Меня не интересовали моды и красивые женские тряпочки. Одежду для мальчиков я находил более удобной. Так вот, один парень, Джек, все время дразнил меня мальчишкой. Говорил, что я совсем не девочка.

Я не обращал внимания на его комментарии, мой разум подсказывал мне, что он всего лишь фейн, к тому же недалекий, так какая разница, что он болтает? И все же внутри мне было больно. При чем я даже не осознавал, до какой степени, пока не нашел свой дар — это случилось через несколько недель после моего семнадцатого дня рождения. Инцидент был совсем незначительный. Я сидел в школьном автобусе, почти у самой передней площадки, Джек подошел и обозвал меня уродом, как обычно: «Как дела, урод?» И, помню, как я, не поднимая глаз от книги, подумал: «Пошел ты, засранец!» Он тут же повернулся, вышел из автобуса и зашагал прочь.

Так я узнал свой дар. Через пару недель я понял, что могу заставить Джека не только выйти из автобуса, но и сделать еще много чего. Это было давно. В те дни люди иначе относились к... некоторым вещам. Я заставил его рассказать друзьям, что он предпочитает мальчиков; думаю, я всегда знал, что именно так обстоит дело, что, дразня меня, он только прикрывает настоящее положение вещей. Ему было семнадцать, как мне. Я думал, что я поступил очень умно. Это была первоклассная месть. — Леджер взглянул на меня. — Не знаю точно, что произошло потом. Помню, что он тоже сидел на передней площадке школьного автобуса, но не со мной. Вообще ни с кем. Потом он начал

пропускать школу, а когда я видел его, лицо у него было в синяках. Я чувствовал себя виноватым, но не знал, как поправить сделанное. А еще несколько недель спустя он покончил с собой.

Есть ли моя вина в том, что он умер? Думаю, что да. Заслуживал ли он смерти? Нет. Был ли он воплощением зла? С моей тогдашней точки зрения — да, ведь он отравлял мне жизнь своими выходками. И все же я чувствовал себя виноватым тогда, да и сейчас тоже чувствую. Из-за меня умер человек. И тогда я поклялся, что никогда больше не использую свой дар во вред — ни ведьме, ни фейну, ни полукровке, ни кому бы то ни было.

— Это не твоя вина. Ты же не бил его и не превращал его жизнь в ад. Это сделали другие.

Леджер улыбается мне.

— Я знал, что ты так скажешь. И все равно, я использовал данную мне силу во зло.

— Общество должно было измениться. А не ты и не он. — Мы проходим еще немного, и я спрашиваю: — А эта история, она была на самом деле?

Леджер смеется, но на вопрос не отвечает. Вместо этого он говорит:

— На самом деле, обретя свой дар, я покинул дом и пустился по свету — встречался с разными людьми, думал, читал, учился. Нам говорят, что у одной ведьмы может быть лишь один дар, другие она может лишь похитить, но я начал сомневаться

в этом. Целительство — тоже дар, а ведь он есть у каждой ведьмы. Если у нас может быть по два дара, то почему не по три? Не больше?

Я понял, что сами по себе дары не важны, важна лишь сила, заключенная в них. И тогда я начал верить, что раз сила есть внутри каждого из нас, значит, нам доступны все дары, и нужно лишь терпение и время для того, чтобы развить их.

— Не знаю, — говорю я. — Дары, которые я получил от моего отца, мне точно не пришлось искать. Они перешли ко мне, когда я... съел его сердце.

— Но я о том и говорю, что ты мог найти их по-другому. Это заняло бы много времени, но это возможно.

— Значит, теперь у тебя есть доступ к любому дару?

— Я многое могу и многого не могу. Но мне хотелось бы поработать с тобой, Натан. Мне хотелось бы, чтобы ты остался здесь, где я могу поделиться с тобой своим знанием и, может быть, чему-то поучиться у тебя. — Леджер делает паузу, затем спрашивает: — Разве ты никогда не чувствовал в себе силы совершить большее, чем то, что дает тебе твой дар? Чем любой из тех даров, которыми ты владеешь?

Он смотрит на меня с напряжением.

— Наверняка чувствовал. Что это было?

— Мой друг, Габриэль, у него дар превращения, но он застрял в теле фейна и не мог превратиться обратно. Ван помогла нам, она дала нам какое-то снадобье, и мы вошли вроде как в транс, а когда вышли, он вернулся.

— Как?

— В трансе мы были с ним в Уэльсе. Габриэль говорит, что это было не в трансе, а на самом деле, но я в это не верю. Короче, нас с Габриэлем соединяла небольшая пика. Я на нее упал, и она воткнулась одним концом в меня, прямо мне в сердце, а другим в землю. — Яжимаю плечами. Не люблю об этом говорить; словами не описать, как это было. — Короче, Габриэль нашел обратный путь.

— А ты почувствовал что-то особенное?

— Да... только не знаю, что это было. Я только чувствовал, что вне меня, вне моего дара была какая-то сила, и то, что пика связала меня с землей, имело к ней какое-то отношение.

Леджер улыбается.

— Думаю, что именно в земле скрыт источник всех наших сил. И это напрямую касается тебя, Натан. Твоя связь с природой очень сильна.

— Может быть.

— И разве мысль о том, что об этом можно узнать еще, не привлекает тебя больше, чем охота на Охотников и каких-то глупых ведьм, заблудших настолько, что они даже не знают, что теряют?

Я не знаю. Ничего привлекательного я тут не вижу.

— Слушай, я благодарен тебе за то, что ты предлагаешь мне что-то особенное, и, наверное, ты в чем-то прав... но это просто не мое. Я не могу игнорировать людей, которые уничтожают стольких ведьм.

— А тебе когда-нибудь приходило в голову, что ты можешь проиграть?

— Конечно! Думаешь, я дурак? Я знаю, что меня могут убить. Всякий, кто идет в битву, миллион раз представляет себе такое. Вот почему мне и нужен амулет. А пока я работаю над своими дарами, совершенствую их.

— Правда? Тогда покажи мне что-нибудь из твоей магии, Натан. — И он складывает на груди руки. — Теперь твоя очередь производить впечатление.

На секунду я чувствую себя так, словно я опять с Селией, Клеем и Уоллендом и должен показать им, на что я способен. Но я говорю себе, что теперь все по-другому, Леджер другая, и просто прохожу через все трюки по очереди: на пару секунд становлюсь невидимым, посылаю из руки молнию, потом снова становлюсь видимым и выдыхаю столб огня.

Складываю на груди руки и жду. Леджер не реагирует.

— Вид у тебя совсем не пораженный, — говорю я.

— Наверное, потому, что я не поражен. А ты можешь сейчас превратиться в животное?

— Нет. — Мне приходится напрячь всю силу воли, чтобы не обругать его последними словами.

Он смотрит мне в глаза — наверняка снова читает мои мысли, и тогда я все же посылаю его куда подальше — про себя.

— Зато ты, кажется, в настроении продемонстрировать мне свои боевые навыки. — Он отходит от меня на шаг и говорит: — Ну, что ж, защищайся. — И прежде чем я успеваю что-либо сообразить, он разбегается и бьет меня ногой прямо в грудь. Я вовремя отхожу в сторону и посылаю молнию, но Леджер уворачивается и тут же посылает из обеих рук огромный огненный шар, который катится ко мне так быстро, что его жар касается моего лица прежде, чем я сам успеваю откатиться в сторону, но я все же посылаю в него две молнии из обеих ладоней. Леджер отбегает на безопасное состояние. Я посылаю длинную молнию туда, где, по моим предположениям, он должен оказаться через несколько секунд, но он поворачивает назад и бежит ко мне, а потом перепрыгивает через меня, делая в воздухе сальто, и, когда он пролетает у меня над головой, я вижу его улыбку. Я плюю в него огнем. Леджер

приземляется, раскинув руки, делает шаг мне навстречу, и пламя охватывает его с головы до ног. Только он, кажется, не горит — лицо у него спокойное и безмятежное. По крайней мере, он точно не паникует и не визжит. А я так зол, что могу продолжать дышать огнем, пока... пока он не кончится.

Когда пламя иссякает, Леджер продолжает улыбаться мне, но мгновенно серьезнеет, заметив струйку дыма из кармана своего пиджака, и хмурится, пока не ликвидирует угрозу пожара.

— Хорошо, что амулет у меня в другом кармане, — говорит он мне и подмигивает.

— Зачем тебе защитный амулет? У тебя и без него достаточно сил.

— Я могу защититься от такого, как ты, даже от двоих таких, как ты, а то и от троих... но вот четверо будет, пожалуй, многовато. И хотя теперь это кажется невероятным, но бомбы будут становиться все мощнее, ружья и пистолеты — дальноточнее, а яды — ядовитее. И амулет — единственная вещь, которая может защитить от всего этого.

Я бью Леджер ногой в грудь. Когда я хочу ударить быстро, то делаю это по-настоящему быстро. Никому из Охотников ни разу еще не удалось увернуться от меня. Но сейчас моя нога встречает лишь воздух. Леджер успел уйти. Я пробую другой удар. Снова воздух. Мой следующий удар

в точности повторяет первый, только теперь я целюсь туда, где он должен оказаться в следующую секунду. И все равно не попадаю. Делаю еще две попытки. Наконец он отвечает ударом на удар, и я отступаю — я ждал этого маневра, и он успевает зацепить меня лишь краем ботинка.

— Ты очень проворен. — Он улыбается.

Я снова посылаю в него молнию, он уворачивается, но на рукаве у него остается подпалина. Я не останавливаюсь. Он уворачивается снова и снова, но, по-моему, все же устает, и тогда я посылаю последнюю молнию, самую большую. Он исчезает. Вдруг позади меня раздается голос:

— Натан. — И мне кажется, будто на меня рухнула кирпичная стена.

Небо синее и безоблачное, солнце стоит низко. Я лежу на земле и смотрю в небо, подо мной мягкая трава, и мне очень хочется встать и набить Леджер морду, но какая-то часть меня говорит, что благоразумнее не двигаться с места. Может быть, это и есть равновесие.

У меня все болит, но я не спешу лечиться — хочу напомнить себе, как это плохо, когда больно. Это действительно плохо. Каждая мышца моего тела ноет так, словно ее сначала оторвали от костей, а потом приставили снова.

— А, очнулся. — Леджер стоит рядом.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

— Ну как впечатления? — спрашиваю я.

Вид у него серьезный.

— Ты хорошо дерешься, у тебя отличная скорость, но есть и слабые стороны.

— Чем ты меня треснул?

Он смотрит на ствол огромного дерева у своих ног.

— Seriously? — Ствол слишком велик, чтобы его можно было поднять.

И, словно читая мои мысли — а я подозреваю, что так оно и есть, — он отвечает:

— Я двигаю его магически, силой мысли.

— Думаешь, среди моих врагов окажутся те, у кого есть подобный дар?

— Без сомнения.

— Мне нужен амулет, — говорю я и встаю.

— Почему бы тебе не задержаться у меня немного? Поживешь здесь, подумаешь.

— Ты сам говорил, надо уважать свою интуицию, вот я это и делаю. Мое будущее не здесь, не с тобой. Я... — Я сомневаюсь, говорить ему или нет, но все же продолжаю: — Мне было видение — и ты прав: это у реки, в красивом месте, но не здесь и не с тобой.

— Видения бывают обманчивы.

— Я знаю, — говорю я, — но я верю в то, что в их основе правда. А еще в них есть неизбежность. Выберу я тот путь или этот, буду продолжать

драться или останусь с тобой, я все равно окажусь на берегу той реки, так или иначе.

Леджер кивает.

— Что ж, надеюсь, ты еще вернешься сюда после победы. Если ты прав, то несколько лет, проведенные со мной, не изменят твою судьбу.

— Так я смогу победить Сола?

— По-моему, ты решительно настроен это сделать.

— И ты мне поможешь? Дашь амулет?

Он едва заметно кивает и говорит:

— Я ничего не хочу предпринимать, но зло торжествует, не только когда хорошие люди делают плохой выбор, но и когда они совсем отказываются выбирать. Я же хочу сделать правильный выбор, и, по-моему, ты как раз тот, кому отдать амулет будет правильно.

— Спасибо. Но я не обещаю тебе, что вернусь, хотя не исключено.

— Жизнь полна вероятностей. Давай пойдем в хижину и посмотрим на амулет. Габриэль уже, наверное, заждался.

— Так он там?

— Я привел Габриэля в хижину еще до того, как встретился с тобой. Мы выпили кофе, и, признаюсь, я добавил в его чашку пару снотворных капель. Он мирно спал, когда я оставил его и пошел за тобой.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

Я прибавляю шаг — точнее, пускаюсь почти бегом — и вдруг вижу Габриэля, он стоит на пороге хижины и смотрит на нас. Приближаясь к нему, я замедляю шаг и спрашиваю с ухмылкой:

— Ты в порядке?

Он кивает.

— А ты?

— Ага... все хорошо. Меня только что побили, а еще за последнюю пару часов я сказал больше слов, чем за предыдущие полгода.

ИЗ ОБОИХ СТВОЛОВ?

Две половины амулета лежат на столе рядом. Пергамент пожелтел, и оба куска выглядят так, словно их не раз сминали по отдельности. Они явно дополняют друг друга — складываются без зазоров. Леджер говорит, что вся магия этого пергамента — в письменах. Собственно, это и есть весь амулет: письмена на куске пергамента. Письмена странные: это не буквы, по крайней мере, я их не узнаю, а скорее знаки, и они написаны так, что, когда пергамент складывается вместе, мы видим три круга знаков, один внутри другого и внутри третьего.

Мы снова в хижине, за столом. Леджер сидит напротив меня, Габриэль — рядом. Кроме амулета, на столе есть еще чайник с травяным чаем, пустая бутылка с круглым донышком, пробка, кусочек воска, бечевка, свечка и горстка спичек.

Я говорю Леджер:

— По-моему, тут нужен целлофан.

Леджер улыбается.

— Если бы все было так просто. Амулет нельзя починить, иначе изменится вся его магия. Но это не значит, что две его половинки не могут работать вместе. Он ведь для этого создан. Вся его суть в балансе; а баланс в нашем случае представляешь ты сам.

— То есть мои две половинины?

— И они, и еще многое другое. Покажи мне татуировки у тебя на пальце.

Я протягиваю вперед правую руку. На моем мизинце видны три крохотные татуированные надписи Ч 0.5. Леджер говорит:

— Ван рассказала мне, что эти татуировки сделал человек по имени Уолленд и что каждая из них связана с одной из трех татуировок в других частях твоего тела. Он хотел отрезать у тебя мизинец и заключить его в колдовскую бутылку, чтобы контролировать тебя, подчинить своей воле. Похоже, что твоя судьба прошла полный цикл. В мире есть баланс жизни и смерти, добра и зла. Понимаешь?

— Инь — ян. Зуб за зуб. Живи сам, давай жить другим. В этом смысле?

— Ну, я бы объяснил это иными словами, но суть схвачена верно. Уолленд думал использовать свое изобретение для того, чтобы получить контроль над тобой, но и ты, в свою очередь, можешь использовать его для того же самого. — Леджер

делает глоток чая. — Амулет нельзя ни склеить, ни починить, но можно сделать так, чтобы он защищал твой мизинец, а через него и все тело, для чего надо только положить их вместе в бутылку.

— Значит... мне надо отрезать себе палец?

— Не вижу, как еще он попадет в бутылку.

— А вдруг не сработает?

— Ничего, получишь оригинальное украшение для каминной полки.

— А какое-нибудь заклинание или что-то в этом роде понадобится?

— Зачем? У нас есть амулет, есть кровь Белых и Черных Ведьм, смешанная в тебе одном, твой татуированный палец и твоя история. По-моему, этого уже достаточно.

— Ладно. Значит, стоит их положить туда вместе, и я буду защищен, где бы я ни был?

— Да. Пока бутылка не разобьется.

— Значит, бутылку можно уничтожить?

— Конечно. Это же просто бутылка. Если ее разбить, а амулет вытащить, ты снова будешь уязвим. Но пока бутылка цела и амулет в ней, ты под надежной защитой. Бутылку можно использовать и против тебя. Если ее нагреть, ты сгоришь, если заморозить — замерзнешь. Но у меня она будет в сохранности. Придется тебе довериться мне, Натан. Такова цена за мою помощь. Я буду хранить

эту бутылку до тех пор, пока в ней не отпадет необходимость. Когда ты убьешь Сола, я разобью ее, и ты снова будешь уязвим. Амулет останется у меня, а свой палец ты сможешь получить обратно в любое время. — Помолчав, он спрашивает: — Договорились?

Мне нужен амулет, но мысль о колдовской бутылке меня отталкивает. Особенно меня беспокоит то, что я должен добровольно согласиться на план Уолленда и отдать часть самого себя. Но, судя по всему, выбора у меня нет. Я киваю.

— Хорошо, — говорит Леджер и переводит взгляд с меня на Габриэля. — Итак, у кого есть нож?

Я не хочу использовать Фэйрборн — мне почему-то кажется, что его магия будет тут помехой или вообще все испортит, — и я вытаскиваю нож, который подарил мне Габриэль. Я всегда ношу его с собой на поясе, хотя редко им пользуюсь.

Кладу правую ладонь на стол, раздвигаю пальцы. Мизинец надо отсечь по самый корешок, и я приставляю нож к центру сустава, но резать самому неудобно, а я хочу, чтобы все было сделано чисто и быстро.

— Может, предоставишь эту честь мне? — говорит Леджер и тянется к ножу.

Но Габриэль говорит:

— Нет. — И кладет свою руку на мою так, что наши пальцы сплетаются поверх рукоятки. Спрашивает меня: — Уверен?

Я киваю, и он толкает нож вниз.

Кровь заливает стол, отрезанный палец кажется до смешного маленьким. Я жду, когда нахлынет боль. И она приливает. Я заживляю руку, кровь останавливается, рана покрывается корочкой, которая сразу отваливается, оставляя маленький, едва различимый белый шрам, а на моей руке нет даже крошечного обрубка, так близко к ладони срезан палец.

Леджер берет мой мизинец, аккуратно кладет его поверх одной половинки амулета, заворачивает, потом оборачивает сверху второй половинкой. Кровь пропитывает бумагу, но Леджер нисколько не беспокоится, и я думаю, что так, наверное, и нужно.

— А теперь завязывай. — Он держит, а я беру бечевку и аккуратно обматываю ею палец все кругом и кругом, потом затягиваю как можно туго и закрепляю узлом. Проделываю то же самое второй раз, только в другом направлении, чтобы палец не выскользнул. Леджер опускает сверток в бутылку и закрывает ее пробкой. Потом зажигает свечу. Берет кусочек воска и держит его над пламенем до тех пор, пока тот не начинает течь, а тогда подносит его к бутылке и заливает пробку.

Леджер смотрит на меня, потом снова на бутылку, словно восхищаясь нами.

— И это все? — спрашиваю я.

— Ну, теперь имеет смысл проверить. — И он поворачивается к Габриэлю со словами: — Не хочешь начать?

Габриэль с ухмылкой тянется за ножом.

— Эй вы, тише! Это вам не игрушки, — говорю я им. — Мне не улыбается за пару секунд до смерти обнаружить, что амулет не сработал.

— Я не собираюсь бить тебя прямо в сердце, так, кожу попробую надрезать, и только, — отвечает Габриэль. У Леджер он спрашивает: — Амулет ведь защищает от любых повреждений, верно?

— В этом его суть.

И, не успеваю я охнуть, как Габриэль уже вытягивает меня ножом по руке. Раньше у меня остался бы глубокий порез, но сейчас никакой раны нет, а ножа я просто не почувствовал, как будто он меня и не коснулся.

— Попробуй воткнуть его мне в ладонь. Только понежнее.

— Воткнуть понежнее? Попытаюсь.

И Габриэль колет лезвием мою правую ладонь. Лезвие скользит по ней, и снова я ничего не чувствую, а на коже не остается никаких отметин.

— Попробуй еще, сильнее, — говорю я. — Вот этим. — И подаю ему Фэйрборн.

Габриэль встает со стула и резко опускает Фэйрборн прямо на мою ладонь, но снова не попадает. Фэйрборн проскальзывает мимо и втыкается в доски стола.

— О'кей. Значит, ножи для тебя, похоже, больше не проблема, даже Фэйрборн. Но Охотники обычно пользуются огнестрельным оружием. — И Габриэль вытягивает из-за пояса пистолет и с наслаждением крутит его на одном пальце, улыбаясь.

— Не понимаю, что тут такого веселого.

Габриэль отвечает:

— Ну, если хочешь, могу попробовать тебя задушить. Мне не раз хотелось это сделать.

— Очень смешно. Давай, стреляй уже.

Он прицеливается сначала мне в плечо, потом в живот и наконец в ногу.

— Начну, пожалуй, с ноги. С какой, с правой или левой?

— Да какая разница, скорее только давай, — я правда нервничаю, мне не терпится, чтобы все кончилось скорее.

Он стреляет. От грохота мне едва не закладывает уши.

Я смотрю вниз.

— Ты хорошо прицелился? — спрашиваю я. Я не ранен и совсем ничего не почувствовал.

Габриэль отвечает раздраженно:

— Я никогда не промахиваюсь.

— Где же пуля?

Несколько минут мы ищем ее и наконец находим: пуля застряла в двери.

Леджер говорит:

— Наверное, отскочила от тебя рикошетом. Эксперимент становится опасным. Пойду-ка я от вас. Габриэль, на стене ружье, в ящике патроны, но будь осторожен и вставай от него подальше.

Габриэль протягивает руку и снимает со стены древнее ружье. Заряжает его и снова улыбается мне.

— Из обоих стволов? — спрашивает он.

— Давай лучше выйдем на улицу.

Снаружи Габриэль отходит от меня на приличное расстояние и целится мне в пояс. Стреляет. Больнее всего ушам — от грохота. Ружейная дробь фонтаном разлетается вокруг меня, так что я даже приседаю и зажмуриваюсь. Когда я снова открываю глаза, то вижу, что Габриэль лежит на спине и хохочет.

— Зверь, а не ружье. Отдача такая, я думал, плечо мне вывихнет. В тебя не попало?

— Нет. Я кое-что почувствовал, но, по-моему, это было просто движение воздуха. Хочешь мне врезать? — предлагаю я. — Кулаком?

Габриэль садится.

— Нет. Я заранее знаю, кому из нас будет больно. — Но он все же встает, берет ружье за ствол и

размахивается прикладом, как дубинкой. — А хочешь, я тебя вот этим огрею? — ухмыляется он.

— Да уж постарайся.

Он набрасывается на меня и, замахнувшись как следует, обрушивает ружье мне на плечо, но оно проскальзывает мимо, а Габриэля по инерции заносит в сторону, я изо всех сил сдерживаю смех, он злится, кидается ко мне и наносит мне два быстрых удара в лицо и в живот — раз-два. И, к моему удивлению, не промахивается — я чувствую прикосновение его кулака к моей челюсти и к животу, но оно нежное, как ласка. Зато он трет свою руку так, точно отбил ее не на шутку.

— Думаю, что попытка меня придушить тоже может оказаться не лишенной интереса, — говорю я.

— С удовольствием, — отвечает он и стискивает мне горло обеими руками.

Я чувствую его ладони, они теплые и нежные, но через секунду я уже вижу, что он давит изо всех сил, а прикосновение ничуть не меняется.

Я говорю ему:

— Немного щекотно.

Габриэль со смехом опускает руки.

— Хм-м-м, а как насчет... О, знаю, пошли в дом. — Там он подходит к раковине, затыкает ее пробкой и открывает кран.

— Решил меня утопить? — спрашиваю я.

— Суй голову под воду, а я буду тебя держать, — говорит он.

— А что, если я не смогу дышать?

— Значит, мы узнаем слабое место амулета.

Я подхожу к раковине, нагибаюсь и опускаю голову в воду. Габриэль кладет обе руки мне на шею и не дает подняться. Я делаю выдох, постепенно выпуская из легких воздух. Но вдыхать снова мне что-то не хочется. Ощущение странное, голова немного кружится, но я все не дышу. Жду. Не может же так продолжаться вечно? Я жду и жду. Знаю, что под водой я уже давно, много минут.

И тут мне наконец хочется вдохнуть, желание делается все нестерпимее. Я дергаюсь, извиваюсь, но Габриэль продолжает держать меня головой вниз. У меня кончается кислород. Голова кружится, в глазах темнеет. Я пинаю Габриэля, и он дает мне поднять голову.

— Ты в порядке? — спрашивает он. Но тут же начинает хохотать, глядя, как я кашляю и фыркаю.

— Под конец у меня кончился воздух, — говорю я. — Значит, я могу утонуть.

— Но не сразу. Ты продержался под водой целых десять минут.

— Есть еще идеи? — спрашиваю я.

— Жалко, тут нет Меркури, она бы тебя заморозила.

— Мне почему-то кажется, что я бы и это пережил.

Габриэль подходит к моему рюкзаку, открывает его, но тут же останавливается и говорит:

— Закрой глаза. Я кое-что придумал.

Я делаю, как он просит.

Несколько секунд спустя он говорит:

— Убери руки за спину. Я тебя кое-чем ударю, но ты не будешь знать, чем именно и с какой стороны.

— Вряд ли это что-то изменит, — говорю я, но все же убираю руки за спину, как он просит.

И тут же вокруг моих запястий щелкают наручники.

— Выбирайся, — командует Габриэль.

Я тяну руки в стороны, но наручники не пускают, и я поворачиваюсь к нему:

— Забавно. Ты, кажется, хотел меня чем-то ударить?

— Нет. Зато я нашел слабое место. Тебя можно обмануть и поймать. — Вид у него серьезный. — А это как раз по части старины Сола.

ДРАГОЦЕННОСТЬ

Мы гостим у Леджер еще несколько дней. Реальный мир с его войной и драками кажется отсюда ненастоящим, но это не значит, что я раздумал возвращаться туда. Леджер больше не убеждает меня остаться, говорит только, что мне надо еще потренировать свои дары. Я уже останавливаю время почти на целую минуту, если сосредоточусь. Но не уверен, что смогу сделать это в бою. Даже Маркус воспользовался этим даром во время боя всего однажды — когда умирал. Для этого нужно много сил, и, думаю, остановка времени забрала у него тогда последние.

Леджер оставляет меня тренироваться в одиночестве, что меня удивляет — я думал, он будет давать мне советы. Но он лишь говорит:

— Слушай каждый звук, особенно внимательно смотри на землю — и сам узнаешь все, что тебе нужно. — Правда, он все же показывает мне пару волшебных приемов, просто чтобы я понял, с чем могу столкнуться. Он швыряет в меня всем

по очереди: молниями, огнем, водой, звуками, светом, цветом и предметами. И самого меня тоже швыряет: в воду, на дерево, на землю. Мне не больно, но все это мешает сосредоточиться, и я понимаю, что меня можно отвлечь.

Леджер испытывает на мне и свой основной дар — контроль сознания. По его приказу я перестаю нападать. И, что всего страшнее, я даже бросаюсь на Габриэля. Правда, Леджер тут же отзывает эту команду, так что я не успеваю навредить ему, но мне все ясно. Меня можно контролировать.

Габриэль тоже оттачивает свой дар, хотя, по моему, он и так уже владеет им в совершенстве, вот только я терпеть не могу, когда он превращается в меня. Мне кажется, что в его изображении я выгляжу лучше, красивее, счастливее, чем есть на самом деле. Хотя я действительно счастлив здесь. Не из-за Леджер, учебы и всего прочего, а потому, что у нас с Габриэлем все совсем как раньше, даже лучше.

В свободные минуты я думаю о том, какой подарок мне сделать Габриэлю. Я знаю, он считает, что я или забыл о своем обещании, или вообще просто так сболтнул — тем больше мне хочется придумать для него что-нибудь исключительное. Вот только выбирать мне почти не из чего: нож, книга, часы, браслет, ожерелье. Все это хорошо,

и он обрадовался бы любому из этих подарков, но они такие обыкновенные. А мне нужно что-то особенное.

Каждое утро я превращаюсь в орла, несколько часов летаю, а потом обычно думаю об отце, о том времени, когда мы были вместе, вспоминаю разные подробности. И вот как-то раз, снова становясь человеком, я вдруг понимаю: нашел! Я знаю, какой подарок я сделаю Габриэлю. И ругаю себя за то, что не додумался сразу: ведь это же так просто и так очевидно.

Мы спим снаружи, хотя Леджер и сделал так, чтобы мы могли оставаться в хижине. Первую ночь мы проводим у костра, а на вторую я делаю логово из ежевики, как отец. Я нашел тот дар, который позволяет растить растения или убивать их, когда нужно. Наше логово — простой купол из колючих стеблей, с тоннелем для входа. Он невысокий — в нем нельзя стоять, зато уютный. Мы разводим костер; дым выходит наружу через отверстия между ветвями, сквозь них же внутрь проникает свет. Мы ложимся и смотрим на звезды.

На пятую ночь я говорю:

— Завтра нам надо возвращаться.

— Если хочешь.

— Тебе здесь нравится?

— Мне здесь нравишься ты.

Мы целуемся и любим друг друга, после чего Габриэль засыпает. Я еще какое-то время слушаю, как он дышит.

Я уже знаю, что подарю, теперь надо решить, как это лучше сделать. Я не хочу заворачивать подарок в бумажку, а потом с замиранием сердца ждать реакции Габриэля, и все же мне хочется, чтобы это было как-то по-особенному.

Я поднимаю правую руку: при свете огня уродливые потеки на моем запястье как будто разглаживаются. Ладонь без мизинца выглядит как-то непривычно. На моем указательном пальце кольцо — отцовский подарок. Помню, как я удивился, когда он отдал мне такую особенную вещь. И как гордился потом и самим кольцом, и отцом, и тем, что он мне его отдал. Я снимаю кольцо, подношу к губам, целую. Вспоминаю, как мы встретились с Габриэлем в аэропорту Женевы, и как Роза сказала, что он в меня влюбился, и как он сам впервые сказал мне об этом. И понимаю, что люблю Габриэля так, как никого не любил никогда в жизни, так, как вообще не думал, что умею любить. Рядом с ним я становлюсь лучше. И я надеваю кольцо ему на палец. Оно здорово смотрится на его руке. Я ложусь с ним рядом и думаю о нашей будущей жизни в красивом месте на берегу спокойной реки...

Наутро я просыпаюсь от того, что Габриэль тихо зовет меня по имени. Я лежу на спине, не открывая глаз, и чувствую его тепло.

— Натан?

Я поднимаю веки. Он лежит на боку, опираясь на локоть, и смотрит на меня серьезно и с тревогой. Он произносит:

— Мне надо с тобой поговорить. — И отводит глаза — значит, правда, нервничает. Потом поднимает руку — золотое кольцо блестит у него на пальце — и добавляет: — Об этом.

— Я же обещал сделать тебе подарок. Это и есть мой подарок тебе.

Сначала он молча смотрит на меня все тем же серьезным взглядом, потом опускает глаза и начинает вертеть кольцо на пальце, как будто думает о нем, а потом открывает рот, но я опережаю его и говорю то, что планировал сказать.

— Злишься, да? Я так и думал.

Вид у него растерянный.

— Нет, не злюсь. — Он говорит это искренне и при этом слегка покачивает головой. — Определенно не злюсь.

— А я так понимаю, что злишься, потому что думаешь, что знаешь толк в подарках, и как их делать, и всякое такое, а я вот тебя перещеголял, и мой подарок оказался лучше твоего.

Он улыбается — понимает наконец, что я его просто подкалываю, — и снова встряхивает головой.

— Да, ты правда меня перещеголял. Мне и в голову не приходило, что ты когда-нибудь подаришь мне такое... Честно говоря, я вообще не ждал от тебя никаких подарков. Но это кольцо твоего отца, и...

— Да, это кольцо принадлежало моему отцу, до него — деду, а может, еще и прадеду. И вообще, это старинная семейная драгоценность Эджей. — Я снова его дразню, хотя и говорю чистую правду.

— Натан, это слишком дорогая вещь.

— Да, дорогая и очень важная для меня: это все, что осталось мне от отца в наследство. Ну, не считая Фэйрборна и охотничьей пули, конечно. Короче, это кольцо — единственное, что он подарил мне, и поэтому я хочу подарить его тебе.

— Натан...

— Я долго об этом думал, и я уверен. Я хочу, чтобы оно было у тебя, и мой отец не возражал бы, я знаю.

Глаза Габриэля наполняются слезами.

— Оно твое. Навсегда.

Его слезы наконец проливаются, и мы целуемся снова и снова.

Часть третья

Потерянная половина

ПРОБЛЕМА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Мы снова у Селии, в новом лагере номер один. С Леджер мы провели неделю: отдыхали, учились, работали над дарами и проверяли защитную силу амулета всеми способами, какие могли придумать. Потом Леджер направил нас обратно в географическую комнату, откуда мы попали сначала в Нью-Йорк, а еще через день — сюда.

Я почти ничего не рассказываю Селии о Леджер — он любит секретность, зато говорю ей об амулете и своей неуязвимости.

Мне любопытно узнать, что будет, когда Селия испробует на мне свой дар. Я ненавижу этот ее звук. Если я и боюсь чего-нибудь на свете, то именно его. И дело тут не в боли, а в памяти, в стыде, в том, сколько раз я валялся на полу в слезах и соплях, — и все из-за этого звука. Но теперь мне даже хочется, чтобы она пустила его в дело. И ей, похоже, тоже не терпится.

Я широко улыбаюсь ей и предлагаю:

— Ударь меня сначала кулаком в лицо.

Она разминает пальцы, складывает их в кулак, который тут же выбрасывает вперед: солидный правый хук.

И я кое-что чувствую: не боль, а восторг при виде Селии, которая складывается буквально пополам, прижимая разбитую руку к телу. Она выпрямляется и, напрягая все силы, залечивается.

— Как по железу бьешь, — говорит она.

Но этого ей, разумеется, мало, и она пробует сначала заколоть меня, потом застрелить, а когда ей приходит в голову меня повесить, я говорю «хватит». И предлагаю использовать шум.

Она спрашивает:

— Прямо сейчас? Может, тебе надо подготовиться или что-то в этом роде?

— Нет, защита действует постоянно, вроде как неснимаемая броня. — И в меня тут же ударяет волна шума. Только теперь это ни капельки не больно, да и слово «ударяет» тут не совсем подходит. Просто я слышу высокий, неприятный звук, похожий на скрежет, который доносится откуда-то издалека и раздражает меня не больше, чем чье-нибудь безголосое пение.

Я складываю на груди руки и спрашиваю:

— Ты хорошо постаралась? — Она, не обращая на мое ехидство никакого внимания, поворачивается к Габриэлю и спрашивает:

— А ты нашел уязвимые места в его защите?

— Он может утонуть, но на это уйдет порядочно времени. Его можно связать или запереть. Он незащищен перед контролем разума. Если кто-нибудь, наделенный таким даром, прикажет ему перестать драться, Натан перестанет. Но в бою, в честном бою, ему ничем повредить нельзя.

— А бомбы? — спрашивает Селия.

Я выкатываю на нее глаза.

— Ну, знаешь, их у нас под рукой не оказалось.

— Тебя может завалить обломками?

— Завалить может, убить — нет, если тебя это успокоит.

— Думаешь, у них будут бомбы? — спрашивает Габриэль.

— Взрывчатка, скорее всего, — отвечает Селия. — Ловушки вроде той, что убила Кирсти.

— Мне они не повредят.

— Может, попробуем? — спрашивает Селия, вынимает из кармана гранату и протягивает ее мне.

Тут я, надо сказать, малость трушу. Правда, пули ведь не проникают через защиту амулета, так что и осколки, по идее, тоже не должны.

Я беру гранату и выдергиваю чеку. Селия с Габриэлем быстро отбегают в сторону. Мое сердце колотится как бешеное, я смотрю сначала только на гранату, лежащую у меня в ладони, потом перевожу взгляд на запястье и выше и думаю о том, оторвет мне всю руку целиком или только кисть.

Взрыв ослепителен и грохочет так страшно, что я отшатываюсь, крепко зажмурив глаза. Сердце тарахтит, как взбесившийся мотор, руку и ладонь щекочет, но я рад видеть, что обе они еще при мне. Я сгибаю пальцы — работают. И все равно, повторять этот опыт я больше не хочу.

Вечером того же дня мы с Габриэлем, Селией и Греторекс сидим у огня, и я хохочу во весь голос. Селия только что изложила нам свой план атаки на Сола: она трудилась над ним, пока мы были у Леджер.

Отсмеявшись, я говорю:

— И ты целую неделю над этим думала? Войти в здание Совета и перебить там всех. Вот так план!

Селия отвечает:

— Я надеялась, что ты оценишь его простоту.

Подавляя желание послать ее куда-нибудь подальше, я меряю ее взглядом.

— Скоро состоится ежегодное собрание Совета. Выяснить дату его проведения было нетрудно. Это важное мероприятие, на нем переизбирают Совет и его лидера. Сол, Уолленд и Джессика наверняка будут присутствовать. Отличная возможность избавиться от всех троих одним разом. Ты идешь первым. Берешь на себя ключевые фигуры, а мы входим за тобой и занимаемся Охотниками и другими членами Совета.

Габриэль хмурится.

— А что, если их там не окажется? Вдруг тебя обманули с датой?

— Если так, то Натану придется самому принимать решение по обстоятельствам. С чем он прекрасно справится, я уверена.

Я уже знаю, какое решение я приму в таком случае: подожгу здание Совета. Гори оно синим пламенем вместе со всей своей начинкой!

Селия продолжает.

— Главная проблема, с которой нам предстоит столкнуться, это Охотники-невидимки. С этим даром они всегда будут иметь преимущество над нами. Что бы ни случилось с Солом, Охотники будут сражаться, а против целой невидимой армии мы не выстоим: нельзя обездвигить или убить то, чего не видишь.

— Мы напоили зельем правды двух пленных Охотниц, но нам это не очень-то помогло. Похоже, они не в курсе, как именно действует эта магия, знают только, что Уолленд контролирует ее при помощи колдовских бутылок. Те Охотники, чей дар — невидимость, контролируют его сами, остальным его дает Уолленд.

Как ни чешутся у меня руки поскорее добратся до Сола, но с Селией приходится согласиться. Я говорю:

— Значит, первым делом надо отнять у Охотников невидимость, а уж потом заниматься Солом.

— Да.

— Какой у него дар?

— Зелья. Как у Уолленда. Только у Сола дар слабый, вот потому он и держит при себе Уолленда. У того дар исключительной силы.

— И Уолленд работает из здания Совета, так?

— Да, вся информация, которую мы о нем собрали, указывает на то, что большую часть времени он проводит там. Не вижу причин, с чего бы ему вдруг поменять свои привычки.

Я тоже. Он всегда казался мне чокнутым трудоголиком, для которого жизнь без работы не имеет смысла. При том, что Совет пока действует против нас успешно, ему нет нужды перевозить свою лабораторию куда-то еще.

Селия продолжает:

— Зная властолюбие Сола и его недоверие к Охотникам, я уверена, что магию, которая делает их невидимками, он наверняка предпочитает держать к себе поближе. Так что все должно быть где-то там, в здании. Если тебе удастся хотя бы пробраться внутрь и нейтрализовать бутылки, которые дают Охотникам защиту, я буду считать твою миссию выполненной.

— Ты, может быть, и да; я — нет.

— Что ж, согласна: стремиться всегда следует к большему. Нам необходимо обезвредить Сола, Уолленда и Джессику, а еще сделать так, чтобы никто из тех, кто будет внутри, не смог скрыться: захватить их всех до одного.

— Разве ты не планировала убить их? — У меня в памяти снова всплывают слова отца: «Убей их всех». К тому же я уже прикончил столько мелких сошек, что для них будет прямым оскорблением, если в живых останутся главные игроки: Сол, Джессика и Уолленд.

— Убить или взять в плен, — уточняет Селия.

— Отлично.

Селия продолжает:

— Но, разумеется, тут возникает целый ряд проблем.

— Разумеется.

— Первая проблема заключается в том, как попасть в здание Совета. Есть три входа. Главный — тот, что с улицы, — самый очевидный, но и самый заметный. Последнее, что нам нужно, это чтобы фейны что-нибудь заподозрили.

Я знаю этот вход. Он всегда открыт, а значит, там наверняка стоит охрана, и он защищен. Даже невидимый, я бы не пошел этим путем.

— О'кей, согласен, — говорю я.

— Черным ходом больше не пользуются, насколько нам известно, он даже опечатан. Думаю, его сочли слабым звеном в защите здания: его всегда было трудно охранять, обзор там плохой, дома фейнов все кругом загораживают. В общем, для нас это тоже не вариант.

Черным ходом пользовались мы с бабушкой, когда ходили в Совет на освидетельствования, и я

хорошо знаю этот путь, но, похоже, теперь это уже не имеет значения.

— Вход с Кобальтового переулка по-прежнему открыт, но для нас он слишком опасен.

— Они все опасны, — говорю я, — зато я знаю, как действует магия переулка. Она затягивает в здание, так? Почему мы не можем использовать это в своих целях?

Селия качает головой.

— Вход из переулка ведет прямо во внутренний двор с галереей вдоль всего второго этажа, а, значит, там нас ничего не стоит окружить и перебить сверху всех по одиночке. Если бы я отвечала за безопасность этого здания, то нарочно облегчила бы именно этот вход, а все ближайшие к нему внутренние двери закрыла бы наглухо. Уверена, что Сол поступил так же.

— Так как же мы пойдем? Через крышу? Или полезем в окна? — Это шутка. Здание наверняка надежно защищено от вторжений любого рода.

— Мы пойдем через проход из другого здания, также принадлежащего Совету. Из Башни.

— Из какой башни?

— Римской Башни, так ее называют. Это тюрьма для Белых, ею управляет Совет. Я хорошо знаю это место. И Греторекс тоже, и вообще все Охотники. Каждый год из них выбирается группа, которая несет там службу, охраняет тюрьму. Из Башни в здание Совета ведет проход.

— И ты можешь провести нас туда?

— Наши люди следят за Башней уже несколько недель. Мы знаем, в какие часы и сколько раз в сутки меняется охрана, и сколько человек в каждой смене. В тюрьме действует система пропусков и паролей, но ты, Натан, невидимкой войдешь в здание вместе с охранниками. Внутри ты подавишь их сопротивление ипустишь нас.

— Сколько их там?

— Шестеро охранников и четверо Охотников есть всегда. Работают сменами по восемь часов. Эту тюрьму несложно охранять и патрулировать. Ведь заключенных никогда не выпускают из камер.

— Мило.

— Она создана не для того, чтобы быть милой.

— Ясно. Короче, я вхожу, разбираюсь с охраной, выпускаю остальных. Что потом? Я иду через проход в здание Совета и нахожу там Уолленда, Сола и Джессику?

— Совершенно верно. И это подводит нас вплотную к проблеме номер два: Джессика.

Селия трет ладонями лицо и продолжает:

— Даже если Сол, Уолленд и весь остальной Совет сложат оружие, Охотники будут продолжать сражаться. Они выполняют задания Совета, но Сол над ними не главный — присягу они дают только своему вожаку, а это теперь Джессика. Пока она жива, Охотники будут драться. А она

не сдастся, что бы ни случилось с Солом и Уоллендом.

— И?

— В Женеве ты оставил ей жизнь, — говорит Селия.

Я смеюсь.

— А-а... Значит, проблема в том, что я, потвоему, не захочу ее убивать?

— Это еще актуально?

— Нет. — По крайней мере, я сам так думаю. Джессика мне сестра, она дочь моей матери, но я ее ненавижу. И считаю воплощением зла. А еще я знаю, что, будь у нее такой шанс, она убила бы меня без промедления. В Женеве я ее отпустил, это правда. Но тогда не было войны. Теперь все изменилось и я тоже.

Я говорю Селии:

— Не беспокойся. Я ее убью или возьму в плен.

Селия кивает и тут же переходит к другой теме.

— Третья проблема также связана с Охотниками. Ходят слухи, что они никогда не отступают и не сдаются. Но ты-то знаешь, что это не совсем так. Многие, конечно, скорее умрут, чем сложат оружие, однако правда в том, что Охотники тоже люди. А потому некоторые из них могут предпочесть жизнь. Я даже думаю, что, когда они убедятся, что сила не на их стороне, то могут сделать

выбор в пользу тактического отхода, а то и сдачи. Если они это сделают, мы их не тронем. Хотя, конечно, саму организацию придется распустить. Надо положить конец кровавой истории Охотников. — Я вспоминаю свой сон с длинной чередой Охотников, стоящих на коленях.

— Казнить их всех до одного — вот и конец их организации.

— Нет, это не лучший путь. Охотники ведь есть едва ли не в каждой Белой семье. Так что придется нам проявить не только справедливость, но и терпимость. Они — солдаты. Корень зла не в них.

Я отрицательно качаю головой, глядя на Селию.

— Мы не убиваем пленных, Натан. И тех, кто сдается, тоже.

— Так в чем же тогда третья проблема?

— Натан, я должна быть уверена в том, что ты не станешь убивать тех, кто сдастся, и что ты позволишь сдаться тем, кто сам этого захочет. Я должна верить в то, что ты понимаешь — пленных убивать нельзя.

— Хочешь сказать, тебе надо верить в то, что я не как мой отец. Что я не жажду отомстить за моих предков, которых они замучили. А как насчет других Черных Ведьм, которых тоже убили Охотники? Разве мне нельзя отостить заодно и за них, хоть чуть-чуть?

— Мне нужна победа, а не месть.

— Убивай их всех — мой девиз.

— Даже когда они сдаются? Значит, ты ничем не лучше Сола.

— Да... Нет. — Не знаю, что именно я чувствую, знаю только, что я очень зол. И я говорю ей: — Можешь сначала судить их за военные преступления, а потом казнить. Надеюсь, это успокоит твою совесть.

Селия говорит:

— Я планирую сделать так, чтобы в Альянсе вместе работали и Белые, и Черные, и полукровки. Нам придется честно и непредвзято рассмотреть все преступления, совершенные Советом и его членами. Их пример должен стать нам уроком — мы должны действовать строго в рамках закона. Иначе сами окажемся на скамье подсудимых.

— Мы будем работать сообща, судить всех по справедливости и позаботимся о том, чтобы все это видели. Справедливость для всех. В том числе и для тебя, Натан. Я предупреждаю тебя, так будет. Мы должны построить такое общество, в котором все будут подчиняться единому закону. Так что война — это только начало, самое трудное последует потом.

— Спасибо, — говорю я. — Рад, что все понимают, какая дерьмовая работенка мне досталась.

Селия продолжает:

— Итак, к делу. Третья проблема актуальна?
Я отвечаю ей:

— Моя цель в том, чтобы выиграть этот бой и убрать, так или иначе, Уолленда, Сола и Джессику. И я буду убивать всякого, кто станет мешать мне в этом или пытаться убить меня или любого из солдат Альянса. А когда мы победим, забирай всех живых Охотников и членов Совета себе и разбирайся с ними как знаешь. Будешь сидеть с ними день и ночь в здании Совета и играть в правосудие, ублажая свою совесть, а я в это время буду тихо и мирно жить у реки.

— А Анна-Лиза?

— Я не забуду свой долг и найду ее, когда все кончится. А пока моя главная цель — Сол, Джессика и Уолленд.

— Если Анна-Лиза жива, она должна будет предстать перед судом, как и планировал Альянс изначально.

— Ну, тогда будем надеяться, что ее уже пытали до смерти. — Селия не отвечает, и я сам спрашиваю: — Ну, какие у нас еще проблемы? — Но она уже встает со словами:

— Поздно уже, завтра договорим. Прямо с утра. Да, и вот еще что. Я собираюсь рассказать новичкам о твоей неуязвимости. Это их подбодрит.

Я задумываюсь, но не вижу, почему бы и не рассказать — мне-то какая разница?

— Ладно, — говорю я.

Она поворачивается, чтобы уйти, но тут же возвращается ко мне снова.

— И помни, что главная проблема все равно пятьдесят первая, так что не успокаивайся со своим новым даром. — Тут она уходит окончательно.

Я трясусь головой. Никакого спокойствия я и так не чувствую.

— О чем это она? — спрашивает Габриэль. — Что это еще за пятьдесят первая проблема?

Я отвечаю:

— Так, одно из ее любимых присловий. Раньше она постоянно мне твердила, что в настоящем бою всегда возникает уйма проблем и она может навскидку назвать пятьдесят причин, почему что-то может пойти не так, как предполагалось. А пятьдесят первая причина совсем другая: она существует еще до того, как начинается бой, но никто, даже Селия, ее не видит.

ПРОБЛЕМАМ НЕТ КОНЦА

Ежегодное собрание Совета — это большое событие, на него наверняка съедутся все главные британские ведьмы, а возможно, и многие из Европы. Однако именно важность встречи превращает ее в явную мишень для Альянса, а значит, и охранять ее будут на совесть. Остается только надеяться, что Альянс сочтут расколотым и обессиленным, неспособным напасть.

Проблема номер четыре — дата. Обычно собрание проходит в последний день апреля, но с Сола станется поменять и эту традицию.

Другая проблема — планировка, здание Совета — это настоящий лабиринт коридоров. С восьми до четырнадцати лет я регулярно бывал там раз в году, и, хотя я видел лишь маленький кусочек всей постройки, это не помешало мне понять, насколько она велика и запутанна. Селия, Греторекс и еще кое-кто из наших тоже неплохо знают его отдельные части, и, когда они рисуют их по памяти, получается план всего дома от подвала до

чердака включительно. Только наверху остаются пробелы, о которых никому в Альянсе ничего не известно; поэтому мы решаем, что именно там находится лаборатория Уолленда.

Новички из всех семи лагерей Альянса теперь с нами. Их больше, чем я надеялся, но меньше, чем нам нужно: двадцать семь. Лица в основном незнакомые. Мы вместе изучаем последовательность комнат и коридоров. По плану первым вхожу я, а остальные за мной, но не раньше, чем мне удастся нейтрализовать невидимость Охотников и убить или захватить Сола. Греторекс без конца твердит новеньким:

— Вы должны уметь ориентироваться в здании, даже если там будет темно или полно дыма. А для этого надо знать его план лучше, чем свои пять пальцев. — Это касается и меня.

Чтобы помочь нам научиться ориентироваться, коридоры здания Совета размечают на земле колышками, а самые важные участки дублируют стенами из дерева и мешковины. Это подвал, первый и последний этажи. Через подвал я войду внутрь. Именно туда ведет проход из Башни, чтобы легче было незаметно перемещать заключенных между ней и зданием Совета. На первом этаже находятся все главные кабинеты и залы, включая кабинет Сола.

Макет строили без меня, так что, когда я прохожу по нему впервые, кое-что в нем кажется мне неточным. Лестницы в подвал, к примеру, должны быть уже. Помню, что охранники просто пропихивали меня перед собой, когда вели вниз, до того там было тесно.

Я захожу в копию той камеры, где меня держали. Стены из мешковины, потолка нет. Сейчас утро, и надо мной голубое небо. Я меряю модель шагами и вспоминаю. Здесь я был прикован, столько мог пройти вдоль одной стены, столько — вдоль другой. Я покидаю камеру и иду в комнату 2С. Она больше похожа на настоящую, наверное, светлые стены напоминает мне белизну той лаборатории. Я ложусь на землю и вспоминаю, как склонялся надо мной Уолленд, как делал татуировки. Интересно, сколько еще ведьм прошли с тех пор через его руки?

Я прохожу через весь этаж. Запоминаю, как расположены двери, а заодно прикидываю, сколько народу может оказаться у них в камерах. В каждой одиночке по одному или человек по двадцать, стиснутых так, что негде лечь? Я вспоминаю истории о ГУЛАГе, о наказаниях и пытках, которые читала мне Селия, и думаю, что Совет вряд ли упустит возможность дополнительно помучить заключенных.

Я снова возвращаюсь в «свою» камеру и сажусь в том самом углу, где был прикован и где впервые с тех пор, как стали нарастать мои магические силы, вынужден был провести под крышей всю ночь. Помню, как меня тошнило, как было страшно. Мне было тогда шестнадцать лет — кажется, так мало, — а ведь мне сейчас только семнадцать, значит, это было всего год назад, даже меньше. Черт, а ощущение такое, как будто прошло лет двадцать. Я изменился, столько пережил. Тогда у меня была одна цель — сбежать и получить на день рождения три подарка; одно желание — жить свободным. И вот я здесь, мой дар при мне, а с ним и многие другие. Сил у меня столько, что для одного человека даже многовато, и все это я ставлю на карту. Но я уверен, что наш план сработает. Я же, в конце концов, неуязвим. Так что у нас есть все шансы. Сол, Уолленд, Джессика — все они наверняка будут там. И Анна-Лиза, если она еще жива, тоже будет: либо в подвале Совета, либо в Башне. Так я говорю себе, хотя сам знаю, что она, возможно, вовсе не в плену, ее не пытаются, а, наоборот, холят и лелеют, потому что она застрелила Маркуса, потому что она шпионка.

— Я тебя обыскался. Поздно уже. — Габриэль входит и садится со мной рядом.

Темнеет. День прошел, его последние часы я провел здесь, в камере, лежа на земле и глядя в небо.

— Что с тобой такое? — спрашивает Габриэль.

— Тебе огласить весь список или первых десяти пунктов будет достаточно?

Я сам удивлен тем, как сильно, оказывается, дрожит мой голос. И понимаю, что край уже близок. Я вот-вот сорвусь.

Габриэль наклоняется надо мной и спокойно отвечает:

— Весь, пожалуйста.

— Я плохой, если убиваю людей? Если хочу убивать их?

— У тебя есть силы, чтобы сражаться. Ты делаешь то, чего не могут другие. Ты не плохой, Натан. Но делай только то, во что ты веришь, только это и ничего больше. Потому что это твоя совесть. Только ты знаешь, что там, у тебя внутри, и как тебе жить с этим.

Я тру лицо руками. Мне вдруг захотелось, чтобы рядом со мной был отец, чтобы он помог мне.

— Я никогда не думал, что буду убивать людей. Год назад, когда меня держали вот в этой самой камере, я никого не хотел убивать, даже своих тюремщиков. Я хотел бежать, оказаться на свободе. И я получил, что хотел: я свободен.

— Правда? Иногда мне кажется, что ты еще в плену. Внутренне ты так и не освободился от этого места, Натан. Не избавился от своих преследователей. Ты все еще бежишь от них.

— Когда я был ранен, мне снился сон — целая вереница пленных, они стояли на коленях, а руки у них были связаны сзади. Длиннющая такая живая цепь, прямо бесконечная. И вот я подхожу к ним по очереди, а в руках у меня пистолет. И я стреляю каждому в затылок. Только один упадет на пол, я перехожу к следующему и снова нажимаю курок.

— Это был сон? Не видение?

Я качаю головой.

— Видения приходят по-другому. Это сон. Но я все равно его ненавижу. Я все время слышу голос отца: «Убей их. Убей их всех до единого». Он не зол, не болен, не сошел с ума: его голос звучит спокойно и трезво, он наполняет меня уверенностью в том, что это мне по силам. А еще я знаю, что, когда я дойду до конца, я остановлюсь, и отец умолкнет. — Глядя на Габриэля, я продолжаю: — Только я никогда не дохожу до конца. И не могу остановиться.

— Когда-нибудь тебе придется остановиться, Натан, но ты сам должен прийти к этому. Всех тебе все равно не убить. Это невозможно. И... По моему, неправильно. Для тебя неправильно. Этот путь избрал бы твой отец, это и был его путь. Но ты волен сам решать, что тебе выбрать. И если твой выбор не совпадет с отцовским, это не будет значить, что ты его не уважаешь. Он знал, что ты

его любишь. И сейчас знает. Тебе не надо делать ради него то, к чему у тебя не лежит душа.

Я киваю. Я знаю, что Габриэль прав. Все, что он говорит, верно. Но почему-то именно сейчас сомнений у меня больше, чем когда-либо.

Он берет меня за руку, переплетает свои пальцы с моими и говорит:

— Ты остановишься, Натан. Я помогу тебе остановиться. И ты будешь мирно жить у спокойной реки, и я буду там, рядом.

До нападения остается всего три дня. Мы готовы. Даже новички выглядят неплохо. Мы с Габриэлем каждый день тренируемся вместе. Чтобы быть в форме, по утрам мы бегаем и лазаем, а потом работаем в макете. Устраиваем друг другу ловушки. Пытаемся сбить друг друга с толку, обмануть криками, выстрелами, хотя сами уже знаем, что истощили все ресурсы своей изобретательности. Сегодня мы отправляемся в Башню. Я и так хотел взглянуть на нее еще до нападения, но сегодня Селия ведет нас туда затем, чтобы узнать пароль.

Я, Габриэль и Селия через проход попадаем в Лондон, в мрачный спальный район, больше похожий на пустыню из грязи, редких клочков травы, мусора и растрескавшегося асфальта. Башен оказывается пять, они стоят порознь и внешне ни-

как не связаны ни друг с другом и ни с чем вокруг. Селия уже посылала кого-то к тюрьме разведать график охраны, но теперь она хочет, чтобы я невидимкой подошел еще ближе.

Римская Башня совсем не похожа на фейнскую тюрьму, по крайней мере обычную: начать с того, что она оранжевая. Все пять башен — панельные многоэтажки семидесятых годов, каждая покрашена в свой цвет: красный, оранжевый, желтый, светло-голубой и ярко-зеленый. Со временем бетон загрязнился, цвета поблекли. Римская Башня на пять этажей выше остальных, эти-то этажи как раз и занимает тюрьма. Ниже в обычных квартирах живут фейны. Как и почему они не обращают внимания на то, что творится у них над головами, я не спрашивал. Наверное, дело тут лишь отчасти в магии, а отчасти в общем безразличии.

Почти все охранники живут в соседних многоэтажках и попадают в тюрьму через обычный фейнский подъезд. Охотники приходят через проход из здания Совета. Во времена Селии в каждой смене было шестеро охранников и четверо Охотников. Охранники не умеют драться, то есть их не учат, ну, а Охотники есть Охотники. На каждом этаже могут содержать до двадцати человек, то есть всего заключенных может быть около сотни.

Короче, мы здесь затем, чтобы понаблюдать за охраной и уточнить график их передвижений.

Габриэль и я стоим в тени дома, где на первом этаже магазины и прачечная. Витрины закрыты длинными, до земли, ставнями, расписанными граффити, но даже граффити здесь ни о чем, как будто тем, кто их рисовал, все было по фигу. Габриэль стоит очень близко ко мне. Мы едим карри, купленное на вынос, — оно зеленого цвета, но вовсе не такое гадкое, как можно предположить с виду; впрочем, для нас любая еда — хорошая еда.

Селия где-то на другом конце этой пустыни. Охрана меняется трижды в день. Мы ждем четырехчасовой смены, точнее, жду я, потому что внутрь иду я один. Мы договорились, что я войду в Башню в три тридцать, все там разнюхаю, а главное, поднимусь наверх. По словам Селии, в тюрьму ведут две двери, одна внутренняя и одна наружная. Первую входящий открывает своим ключом с лестничной клетки и произносит пароль, после чего попадает в камеру наподобие шлюзовой. Вторая дверь открывается изнутри, тоже паролем и ключом. В ней есть глазок — изнутри убеждаются, что войти хотят именно те, кто должен. Все, что от меня требуется, это невидимкой постоять за спиной у охраны, убедиться, что система функционирует как прежде, и подслушать кодовое слово для первой двери.

В три тридцать я оставляю Габриэля и медленно пересекаю голую плешь пустоши по на-

правлению к Башне. Кодовый замок в подъезде сломан, дверь открыта, и я беспрепятственно захожу внутрь. В здании есть лифт, но я поднимаюсь пешком по лестнице. В подъезде сильно пахнет мочой, на ступеньках корка вековой грязи, правда, мусор нигде не валяется. Я становлюсь невидимкой и стремительно взлетаю наверх, ступая тише, чем раньше. На каждом этаже я оглядываюсь в поисках чего-нибудь необычного — каких-нибудь признаков того, что Охотники начеку и подготовили ловушку. Но я ничего не вижу и не чувствую, чтобы что-то было не так.

На одиннадцатом этаже всего одна дверь: это и есть вход в тюрьму. Только тут я понимаю, до чего я напряжен, и перевожу дух. Потом становлюсь в дальний от двери угол, спиной к стене, и сосредоточиваюсь на том, чтобы дышать ровно и не терять невидимости в ожидании охраны.

Проходит совсем немного времени, и я слышу, как со скрипом трогается с места лифт. На этом этаже лифтовой двери нет. Так что это могут быть они, а может быть и кто-то другой. Я чувствую, что снова начинаю задерживать дыхание. Тут этажом ниже лифт останавливается, дверь открывается, и какие-то люди начинают подниматься по лестнице. Молча. Охранников оказывается пятеро, они все бугаи, такие же, как в здании Совета. Только одеты иначе — не как охранники и не как

Охотники, а просто, как фейны, в джинсы, куртки и джемпера.

Когда они останавливаются возле дверей тюрьмы, то полностью заслоняют мне обзор — у меня перед глазами оказываются только широкие спины пятерых здоровых мужиков. Один что-то бормочет — «синий пень», что ли. Дверь открывается, они входят, дверь снова захлопывается, и это все, что мне удастся увидеть и услышать.

«Черт, все без толку».

«И что теперь?»

И тут на лестнице снова раздаются шаги. Они становятся громче, медленнее, и наконец над верхней ступенькой лестницы вырастает голова еще одного охранника. Шестого.

Он подходит к двери, вставляет в скважину маленький ключик, потом наклоняется к той стороне, где петли — а не к той, где замок, — и говорит: «Весенний день». Произнося пароль, он поворачивает ключ левой рукой, и дверь распахивается. Через его плечо я на мгновение вижу небольшую комнату с ярко-оранжевыми стенами и второй дверью, тоже оранжевой. Потом первая дверь захлопывается.

Я возвращаюсь к Габриэлю и Селии не спеша, по-прежнему озираясь на каждом этаже Башни — вдруг что-нибудь да покажется мне подозрительным, — но ничего не нахожу.

САЛЛИ ГРИН

Селия, похоже, довольна — если это вообще про нее. Она говорит:

— Система действует как раньше. Ты прой-
дешь. Но, конечно, внутри тебе сразу придется
заняться стражей, и так далее, и так далее.

Я поворачиваюсь к Габриэлю и говорю:

— И так далее, и тому подобное: тут я профи.

Селия отвечает:

— Хорошо бы, если бы так.

ПОДОНОК

Когда мы возвращаемся из нашего путешествия к Башне, я сразу отправляюсь в макет здания Совета. Я знаю, что мне надо тренироваться, и хочу еще раз проверить свое знание планировки, к тому же, когда занимаешься делом, чувствуешь себя спокойнее. Сейчас ночь, а значит, есть возможность потренироваться в темноте.

Мне предстоит проникнуть в здание Совета через проход в подвальном этаже невидимым, и я с этого и начинаю: становлюсь невидимкой, прохожу узкими коридорами подвала, поднимаюсь на первый этаж, оттуда по главной лестнице дохожу до шестого, самого верхнего. Это место, о котором мы ничего не знаем, но я все равно прохожу там, где буду искать Уолленда. После настанет черед Сола. Поэтому я поворачиваю назад и тихо и незаметно скольжу по коридорам и лестницам к его личному кабинету на первом этаже. Этот фрагмент наших декораций состоит из брезента, натянутого на деревянные каркасы: они

изображают залы заседаний и служебные кабинеты официальной части здания Совета.

Дует сильный ветер, он раскачивает каркасы и хлопает брезентом. Чем ближе к кабинету Сола, тем чаще я останавливаюсь, прислушиваюсь, оглядываюсь, представляю, где будет стоять охрана; наконец, все также невидимкой, я проскальзываю мимо них. У самых дверей кабинета я вдруг слышу голоса новеньких. Греторекс заставляет их тренироваться день и ночь, так что ничего странного, что и они тоже здесь, но я все же не хочу входить внутрь, пока они там. Да и вообще, я свой маршрут закончил, можно начинать сначала. И я уже поворачиваюсь, чтобы вернуться назад по коридору из брезента, как вдруг кто-то из них произносит мое имя, и я застываю. Понимаю, что они вовсе не тренируются, а просто так болтают. И возвращаюсь послушать.

— Если он все же убьет Сола, значит, все скоро кончится.

— Вот именно — если.

— По крайней мере, у него больше шансов сделать это, чем у нас. К тому же тут есть и своя светлая сторона: если он не победит, то погибнет, а это уже хорошо.

— Он неуязвим. Его нельзя убить.

— Вот и я о том же. Его нельзя убить. Так что помешает ему перебить нас после того, как он расправится с Солом и его людьми?

— Он же на нашей стороне, девочки!

— Да? Чего же он тогда на нас волком смотрит? Спит и видит, поди, как бы нас всех прикончить. Помните, он ведь чуть не сжег тогда своим огнем Селию? Сами подумайте, мы же здесь все Белые. Почему бы ему не расправиться заодно и с нами, когда все кончится?

— Селия верит в него. И Греторекс тоже. А они знают, что делают, Фелисити. Мы боремся с Солом, а не с Натаном. Сол — корень всего зла.

— А Натан тогда кто такой?

— Никто, просто подонок.

— Черный подонок-кровопийца, пожиратель сердец.

— Да ладно вам, хватит, он на нашей стороне.

— К тому же никакой он не Черный; он Полу-Черный.

— Ах, извините, я ошиблась! Полу-Черный подонок-кровопийца, пожиратель сердец.

Кто-то хохочет.

— Слушай, а ты, часом, не ревнуешь?

— Что? К нему? Я тебя умоляю-а-аю!

— Все же знают, что ты без ума от Габриэля.

А он тебя отверг, так?

— Ничего он меня не отвергал. Что я, по-твоему, первому попавшемуся Черному на шею буду вешаться, что ли?

— Вешайся — не вешайся, а он ни на кого, кроме своего Натана, даже не глядит.

— Ага, а вы видели, как они друг на друга смотрят?

— У Натана все равно такой вид, как будто он всех поубивать хочет.

— Может, это и есть его план. Он будет убивать до тех пор, пока не останутся только они двое — он и Габриэль.

— Внимание, еще одна поправка. Полу-Черный, гомосексуальный подонок-кровопийца, пожиратель сердец.

— А я слышала, что раньше у него была девушка. Белая. Анна-Лиза О'Брайен. Племянница Сола.

— Так я не поняла — он гомик или нет?

— Анна-Лиза? Это не та, которую держали пленницей в первом лагере?

— Ага, в том первом лагере, где всех перебили.

— А я слышала, что это он ее убил.

— Может, она их с Габриэлем застукала.

Хохот.

— А еще он убил всю семью этой Анна-Лизы. Ее братья были Охотниками. Он разорвал их на части.

— Ага, я это тоже слышала. И съел их сердца.

Не знаю, почему я еще стою здесь и слушаю эту чушь; я поворачиваюсь, чтобы уйти, но потом

передумываю и огибаю угол, нарочно медленно: пусть они заметят меня не сразу и поймут, что я все слышал.

Они тут же смолкают, а я говорю:

— Насколько мне известно, Анна-Лиза все еще жива. И, кстати, я убил только одного ее брата. Другого убил мой отец. Третий еще жив, но не волнуйтесь: как только у меня появится возможность, я с радостью разорву его на части. Анна-Лиза застрелила моего отца. Это из-за нее он умер. Да, он был убийцей и Черным Колдуном, и все же он был великим человеком, чего вам с вашим куриным умишком не понять. А что до меня, то... занимались бы вы лучше своим делом. — И я уже поворачиваюсь к ним спиной, чтобы уйти, но через плечо добавляю: — Я не подонок, но кровь я все-таки пью и сердца ем, так что мой вам совет: держитесь от меня подальше.

Я снова в «своей» камере. Сижу здесь уже несколько часов. Перебираю в уме все, что я сказал этим подготовишкам, жалею, что наговорил много лишнего, потом жалею, что не сказал это лучше. И так по кругу.

У входа возникает силуэт.

— А, ну вот я тебя и нашел, — говорит Арран и садится со мной рядом. Он в лагере с тех пор, как меня подстрелили, мы видимся каждый день,

но у нас почти никогда нет времени поговорить наедине.

— Привет.

— Новеньких пугаешь, я слышал.

А, так вот в чем дело! Наябедничали. Я говорю:

— Да, мы поругались, но ты можешь гордиться мной, Арран: я никого даже не ударил. И вообще был спокоен, как огурец.

— То-то они со страху чуть в штаны не наложили.

Я не могу сдержать улыбки.

— Жалуются, что ты грозился их убить.

— Чего?

— Селия им тоже не поверила. Она сказала, что ты либо убиваешь, либо нет, а понапрасну никогда не болтаешь. Я пообещал ей, что узнаю твою версию. Хочешь рассказать мне, что там у вас случилось?

— Не очень. — Потом я добавляю: — Они болтали обо мне всякие глупости. Ну, я не сдержался и наговорил кучу глупостей им. Я не говорил, что убью их, просто посоветовал держаться от меня подальше.

— А-а, завуалированная угроза...

Ну, может, они так это поняли.

— Я никого из них не собираюсь убивать, Арран. Слишком они глупые.

— Вот и хорошо. Я в тебе даже не сомневался.

— Может, поговорим о чем-нибудь другом?

— Давай.

Мы еще долго сидим и говорим о его делах: он учится лечить людей. Он заканчивает такими словами:

— Ван многому меня научила. Конечно, мне предстоит узнать еще больше, но она сильно мне помогла. Правда, лечить сейчас почти некого. Все либо живы-здоровы, либо умерли. — Он смотрит на меня. — Даже не знаю, считать это провалом или удачей.

— Если все умерли, значит, провал, — говорю я. Но, подумав, добавляю: — Хотя нет, это еще не провал. Главное, что ты делаешь все, что можешь, Арран.

Мы еще какое-то время сидим рядом, потом он обводит рукой стены из мешковины и говорит:

— Все это для какого-то нападения, как я понимаю.

Значит, Селия ему не сказала. А ведь я снова буду убивать людей, и среди них будет Джессика, его сестра и моя тоже, по матери.

— Арран...

— Да.

— Не ненавижь меня.

— Я тебя не ненавижу.

— Я имею в виду, потом. Что бы я ни сделал. Пожалуйста. Я знаю, ты никогда меня не

поймешь, но, пожалуйста... — И я смотрю на него, а он отвечает мне своим обычным взглядом. Честно и открыто смотрит мне прямо в глаза. И говорит:

— Ты же мой брат. Мой младший братик. Я не могу тебя ненавидеть. Ни сейчас, ни после.

Я пододвигаюсь к нему поближе, он обнимает меня и прижимает к себе.

— Я тут хотел сказать тебе кое-что, — его голос очень тих и немного дрожит, — в смысле, ничего плохого, просто думал с тобой поделиться...

Я слегка отодвигаюсь, чтобы лучше видеть его лицо, а он улыбается, но в глаза мне больше не смотрит.

Кажется, он нашел девушку. У Аррана никогда не было подружек. Ну, по крайней мере, когда я еще жил дома, не было. Тут я понимаю, что даже не знаю, был ли у него кто-нибудь потом, когда меня забрали.

— Ну? — спрашиваю я, подаваясь вперед и заглядывая ему в глаза. И невольно улыбаюсь.

— Ну, в общем, да... У меня есть подружка. — Он морщится. — Терпеть не могу это слово. Я хотел сказать, что у меня кое-кто есть... она мне нравится, и я ей тоже нравлюсь... мы с ней друзья... хотя нет, больше чем друзья. Это приятно. И так неожиданно... я совсем не думал...

Я стараюсь улыбаться не слишком широко.

— Я ее знаю? — спрашиваю я. А сам думаю: наверняка знаю. И тут мне становится нехорошо. Ой, только бы не одна из этих подготовишек, которые обо мне судачили. — Блин, я что, все испортил? Если да, то я... но она... в смысле, ты... — Нет, правда, зачем ему такая девчонка?

Вид у Аррана сконфуженный.

— Ничего ты не испортил. Адель слишком большая умница, чтобы бояться кого-то, даже тебя.

— Адель. Та, у которой кожа превращается в металл, да?

— Со мной она не часто это проделывает.

— Она отлично дерется.

— Но я не поэтому к ней привязан.

Я фыркаю.

— Почему же?

— Она добрая, заботливая и веселая. А еще она хорошенькая, у нее такие волосы...

Мы еще несколько минут сидим молча, пока я перевариваю его новость. Да, я понимаю, чем она могла зацепить Аррана. Адель и умна, и привлекательна. А еще она Черная Ведьма.

Я говорю:

— Знаешь, она ведь Черная. Если у вас будут дети, то...

— Да мы всего пару недель как знакомы, с тех пор, когда ты был ранен. А ты уже сразу о детях!

— Извини, но ты же понимаешь, о чем я, — я улыбаюсь ему.

— Я знаю, о чем ты. Может быть, в будущем, когда Альянс придет к власти, на свет появится много маленьких полукодов. Но, как я уже говорил, мы с Адель не так давно знакомы.

— Надеюсь, что тебе с ней хорошо.

— Спасибо. Очень.

Он улыбается, смотрит на меня смущенно, а я отвечаю ему счастливым взглядом — какой он милый, и какой невинный, — и тут же понимаю, что они с Адель наверняка говорили обо мне. И не просто говорили, а говорят, ведут, можно сказать, долгие дискуссии.

— Хочешь вернуться к ней? — спрашиваю я его.

— Нет. Я хочу остаться с тобой.

И он снова становится тем самым Арраном. Тем неторопливым, уютным, домашним Арраном. Способным быть нежным, как никто другой.

Немного погодя он говорит:

— Помнишь тот рисунок — мы с тобой в лесу — который ты нарисовал в день моего Дарения? Я его храню.

Конечно, я помню. Помню, как я рисовал его, как скатал в трубочку и положил на кровать Аррана, а потом нагнулся и поцеловал его в лоб перед тем, как уйти. Только теперь мне кажется, что это был не я, а кто-то другой.

— Ты еще рисуешь? — спрашивает он.

— Давно не рисовал.

— Напрасно.

— А ты еще смотришь старые фильмы?

— Хотелось бы. Когда все это кончится, я пообещал себе: засяду перед телевизором и целый день буду смотреть старое кино. Устрою марафон комедий: Бастер Китон и Чарли Чаплин, самые старые, что ни на есть. Их я просто обожаю.

— Да ты их все любишь. — А я люблю быть рядом с ним.

— Я скучаю по прошлому, — говорит он.

И тут я кое-что понимаю про себя.

— А я нет. Конечно, то было хорошее время. И тебя я люблю, ты лучший брат в мире, мне было здорово жить с тобой, и с Деборой, и с бабушкой. Только теперь я знаю, что за каждым моим шагом следил тогда Совет, а мой отец хотел встретиться со мной, но не мог. Наша мать... В общем, плохого тоже было много.

Он кивает.

Я продолжаю:

— Я знаю, что тебе тоже досталось. Но ты сохранил себя. Ты и сейчас такой, как прежде, и это хорошо для тебя. А я стал совсем другим, меня порядком перемололо.

Он снова качает головой.

— Ты даже не представляешь, Арран, насколько я теперь другой. Сколько всего со мной было. Я уже не тот мальчик, который смотрел с тобой кино. Мне так жаль, но... этого никогда уже не будет. Никогда. Я изменился. И в прошлое не вернусь. Не хочу возвращаться.

— Я знаю.

— Меня забрали четырнадцатилетним, Арран. Того мальчика больше нет на свете. Он не может вернуться. — Но мне хочется сказать ему что-нибудь хорошее, позитивное, и я добавляю: — Когда Альянс победит. Когда все кончится. Я буду мирно жить на берегу спокойной реки.

— Да, я представляю. Нарисуй это.

— Ты прав. Нарисую.

В ЛЕСУ

До атаки на здание Совета остается два дня. После стычки с подготовишками я сплю в лесу, недалеко от лагеря. Габриэль говорит, что я зря обращаю на них внимание и уж тем более зря позволяю им выжить меня из лагеря. Он считает, что если он скажет это вслух, то я разозлюсь достаточно, чтобы остаться; я и злюсь, но недостаточно. В лесу я устраиваю себе логово из колючек, развожу в нем небольшой огонек, и Габриэль остается со мной. Утром мы отправляемся на пробежку. Я бегу первым, потом сбавляю темп и какое-то время держусь с ним рядом, потом поворачиваю влево или вправо, снова наддаю, опять возвращаюсь. Габриэль все время бежит ровным хорошим шагом. Наконец он замедляет скорость, а я уношусь вправо, чтобы через какое-то время выскочить на него из-за деревьев — такая у нас игра.

Я бегу быстро, но скоро начинаю закладывать поворот, чтобы вернуться. Он знает, что я затеял,

и наверняка будет ждать, что я появлюсь откуда-нибудь с горки, точнее, как раз этого он и не будет ждать, потому что это слишком очевидно, и тут-то я на него и наскочу — пусть будет двойной блеф. Я взбегаю по склону вверх и уже жду, что вот-вот увижу его справа, но он не появляется. Я останавливаюсь. В лесу все тихо и недвижно.

Я тоже замираю. Куда же он делся? Мне приходит в голову, что он, наверное, разгадал мой маневр и решил залезть еще выше. Верхушка небольшого холма теряется за деревьями. Я поднимаюсь туда, на самый верх. Оглядываюсь — Габриэля по-прежнему не видно. Вокруг очень тихо. Тот склон холма, который ведет в соседнюю долину, мало чем отличается от того, по которому я поднялся сюда. Я прохожу вниз метров тридцать с намерением вернуться потом по своим следам, и вдруг слышу это. Свист. Телефон.

Я застываю на месте.

Прислушиваюсь.

Точно, звук мобильного телефона. Очень слабый. Метрах в двухстах или дальше.

Конечно, это могут быть фейны, но я почему-то уверен, что нет. Это Охотники. Черт!

А где же Габриэль? О, черт.

И тут же чувствую у себя на горле руку и пальцы, которые тянут мою голову за волосы назад. Мне не больно: я же защищен; но я не сопро-

тивляюсь. Просто я знаю, что это Габриэль, хотя и не вижу его. Это его фирменный прием.

Я расслабляюсь, прислоняюсь к нему и говорю:

— Охотники, двести метров.

Он не отпускает; кажется, он думает, что я хочу его провести.

— Ты выиграл. Я сдаюсь. Совсем, — говорю я.

— Правда?

— Габриэль. Говори тише.

Он ослабляет хватку, и я тут же опускаюсь на землю, зная, что он последует за мной. Я поворачиваюсь к нему, и он понимает, что я не шучу.

— Возвращайся в лагерь. Предупреди Селию. А я пока попытаюсь разузнать, сколько их.

Он кивает, но с места не трогается.

— Думаешь, они собираются напасть на лагерь?

— Я не знаю. Иди. Будь осторожен. Их может оказаться больше.

— Они наверняка невидимки.

— Возвращайся тем же путем, каким мы пришли, торопись. Там я ничего не слышал.

Он пожимает мою ладонь и тут же убегает, стремглав сбегая по склону одного холма вниз и тут же взлетая на другой.

Я становлюсь невидимым и перемещаюсь ниже по склону. Иду медленно, прислушиваясь,

вычисляю, откуда доносится звук, двигаюсь в его направлении, непрерывно вертя головой вправо и влево. Вдруг на земле я вижу след. Отпечаток ботинка. Точно, Охотники.

Но я по-прежнему чувствую только один телефон. Значит, Охотница засела где-то слева, среди деревьев. Я делаю туда пару шагов. Потом еще пару. И еще. Свист усиливается, я уже должен видеть ее, но ее по-прежнему нет, из чего я делаю вывод, что она невидимка. Никаких следов лагеря тоже нет. Вообще ничего, кроме единственного отпечатка ботинка.

Что это, авангард нападения или просто разведчики? Если бы они планировали захватить лагерь, то Охотников было бы куда больше. Десятки, а то и сотни. Тогда бы я наверняка услышал что-нибудь еще.

Я опять прислушиваюсь. Телефон один. Только одна Охотница — невидимка, и сидит тихо.

Но ведь они всегда работают по двое, значит, ее напарница наверняка тоже где-то здесь. А если они разведчицы, то напарница, может, уже ищет лагерь или даже следит за ним. Остается только надеяться, что Габриэль не наткнется на нее на обратном пути. Но нет, с ним ничего не случится. Они же не нападают в одиночку. К тому же этих послали сюда для того, чтобы наблюдать.

Я медленно отхожу от Охотницы и продолжаю двигаться в глубь долины, прислушиваясь, не здесь ли вторая. Назад я возвращаюсь по широкой дуге, стараясь захватить как можно больше пространства, но так ничего и не обнаруживаю.

Тридцать минут спустя я уже в лагере. Габриэль с Греторекс и Селией. Селия приказала снести имитацию здания Совета, но в остальном лагерь живет, как обычно. Я удивлен. Я-то думал, что она тут же прикажет всем собирать вещички и сматываться или, на худой конец, зарыться футов на шесть в землю.

Я говорю Селии:

— Нашел только одну. Ничего похожего на лагерь не видел. Так что Охотниц всего две, обе отлично обучены, ведут себя тихо, передвигаются налегке. Они здесь не для нападения.

— Если бы они хотели напасть, мы бы уже дрались с ними, — говорит Селия. — Но скоро сюда придут другие. И мы не знаем, как давно здесь эти две и что они уже видели.

Селия поворачивается к Греторекс:

— Есть идеи?

Греторекс отвечает:

— Мы выставляем патрули каждое утро и вечер. С инструкцией обращать внимание на любую мелочь. Но они ничего не видели. И если бы разведчики вышли на нас несколько часов тому на-

зад, мы все были бы уже мертвы. Так что, скорее всего, они появились здесь только утром, но наверняка уже отзвонились своим или послали им сообщение, так что прямо сейчас сюда уже движутся другие Охотники.

— Нам надо уходить. Как думаешь, смогут они вот по этому распознать, что мы затеяли? — Селия кивает на груды деревянных обломков вперемешку с брезентом.

— Они и так знают, что мы что-то затеваем. И, перебрав все возможности, наверняка сообразят, что мы отрабатываем нападение. Мишенью которого наверняка станет встреча Совета.

— И они поверят, что у нас хватит для этого сил?

— Скорее решат, что мы уже дошли до крайности.

Селия трет лицо.

— Что ж, ничего не поделаешь. Придется менять место. Тех, кто не участвует в нападении, немедленно перевести во второй лагерь. Чтобы через пятнадцать минут их здесь уже не было. Проход за ними закрыть. Всем, кто участвует, приготовиться покинуть лагерь по моей команде. Но сначала, — тут Селия переводит на меня взгляд, — мне нужны эти двое. Греторекс, пошли своих лучших следопытов. Пусть прочешут весь лес. Вторую тоже надо найти. Натан, ты иди к

первой и жди там. Если они почувствуют опасность, они объединятся. Возьмешь их обоих. Но не в плен, они свяжут нам руки. Если заметишь еще Охотников и что-то похожее на подготовку к нападению, тут же возвращайся, и мы все уходим. — Кажется, это первый случай, когда Селия напрямую приказала мне кого-то убить. А еще мне приходит в голову, что это странный приказ.

— Все нормально? — тут же переспрашивает она.

Я отвечаю ей взглядом в упор и говорю:

— Конечно.

Я ухожу, ни словом не перемолвившись с Габриэлем, даже не взглянув на него. Да и что я могу ему сказать? «Скоро буду — только сбегая и двоих прирежу».

Я быстро возвращаюсь к Охотнице, уже невидимкой выходя из лагеря. Мне некогда думать о том, правильно я поступаю или нет, все мои мысли только о задании. Ведь теперь в лесу меня могут ждать уже сто Охотниц.

Я замедляю шаг, поднимаясь на холм, останавливаюсь на вершине и слушаю. Шипение телефона доносится все с той же стороны. Я перевожу дух. Большую часть пути я бежал. Теперь мне надо успокоить дыхание, сделать его легким, тихим и ровным. Затем я подбираюсь ближе к источнику звука. Охотница еще там, она сидит очень тихо,

может быть, спит. Я раздумываю, не убить ли ее прямо сейчас, но потом решаю подождать — ведь мертвая она станет видимой и отпугнет вторую, которая наверняка придет сюда, как только поймет, что бойцы Альянса вышли на их след.

Я жду. Если она двинется с места, я ее убью.

Скоро у меня за спиной раздаются шаги, и я гадаю, видимой или невидимой окажется вторая Охотница.

Видимая! Вся в черном, она пробегает совсем рядом со мной, направляясь к своей напарнице-невидимке. Потом останавливается и спрашивает:

— Флосс? Флосс, ты здесь? Нам надо уходить.

Флосс материализуется совсем рядом с ней. Она тоже в черном, сидит на земле, спиной к стволу дерева.

Фэйрборн ложится мне в ладонь даже раньше, чем я успеваю о нем подумать, и я большим прыжком оказываюсь рядом с той, что стоит, и перерезаю ей горло. Я еще невидим, и Флосс, наверное, не сразу понимает, в чем дело: на ее глазах напарница вдруг обливается кровью и оседает на землю. Но Флосс — Охотница, и ее первая реакция — вынуть пистолет и начать стрелять. Мой нож входит ей в шею. Она снова нажимает на курок, пуля отскакивает от моего плеча, и тогда, собрав последние силы, она бьет меня свободной

рукой в лицо, но ее удар для меня как ласка, а ее кровь заливает мне руки.

Я отпускаю ее тело. Я знаю, что они ничем не могли мне повредить, но у меня был приказ убить обеих. Так я и сделал. Да и они, если бы могли, сделали бы то же без раздумий. Ведь это Охотники, враги. И все равно... «Черт, не могу я думать об этом сейчас. Пора двигаться».

Я проверяю карманы у обеих. У Флосс нахожу пару энергетических батончиков, губную помаду и телефон. У второй девушки нет ни карт, ни документов, зато есть телефон и записная книжка. Похоже, она помечала в ней время, а рядом добавляла какие-то слова, но разбирать их мне некогда. Телефон выключен, но я готов биться об заклад, что она на него снимала. Я запикиваю оба заляпанных кровью телефона и записную книжку себе в карман и отправляюсь в лагерь.

Эти две были номер шестьдесят пять и шестьдесят шесть. Я твержу их на бегу. «Шестьдесят пять и шестьдесят шесть». Если я буду повторять числа, то и думать буду тоже о числах, а не о крови, трупах и мертвых руках, ласково глядящих мне лицо.

«Шестьдесят пять, шестьдесят шесть. Шестьдесят пять, шестьдесят шесть».

ВТОРЖЕНИЕ

Мы в новом лагере, он разбит всего несколько часов назад, но уже выглядит жилым и организованным. Селия просмотрела вещи, которые я забрал у Охотниц. Из книжки она поняла, что те нашли нас только сегодня утром, как и предполагала Греторекс. Они пришли вдвоем, причем от ближайшего прохода их отделяло много миль. Но они успели позвонить и сообщить о том, что нашли наш лагерь, где он находится, сколько в нем человек, а также сказали про наши декорации, хотя что это, они не поняли.

— С нападением все в силе? — спрашиваю я.

— А ты хочешь все отменить? — отвечает Селия.

— Нет.

— И я нет. Будем придерживаться плана. Собрание Совета все равно пойдет своим чередом. Возможно, они будут ждать, что ты наведишь их. Сол, наверное, даже жаждет тебя увидеть, но пока никто из них, включая его, не знает о твоей

неуязвимости. Это наш козырь. И мы должны разыграть его правильно.

Весь день мы по очереди патрулируем местность вокруг лагеря, все нервничают из-за того, что нас выследили, но, похоже, система ухода Селии сработала — за нами никто не последовал. Ночью мы с Габриэлем остаемся со всеми в лагере. Мы молчим. Он ложится у костра, я сижу рядом и смотрю на огонь. Когда совсем темнеет, я отправляюсь на пробежку — мне надо устать, иначе я не засну, — а потом возвращаюсь к нему. Я уверен, что поступаю правильно. Если все действительно вот-вот закончится, то тогда мы с Габриэлем скоро уйдем куда-нибудь подальше и будем жить там вдвоем.

Мы на пути к Башне. «Мы» — это все члены Альянса, от кого в бою есть хоть какой-то прок, и двое целителей: Арран и еще одна ведьма, они позаботятся о раненых.

Едва мы попадаем через проход в Лондон, Греторекс уводит Аррана и остальных в какое-то место, которого я не знаю, да мне и не обязательно знать. В передовом отряде нас остается трое — Селия, Габриэль и я.

К Башне мы подходим уже в темноте. Предполагается, что я войду в нее дважды. В полночь, когда будет меняться охрана, мне надо будет уз-

нать пароль — Сол ведь в курсе наших планов, значит, пароль наверняка теперь другой. Чтобы его услышать, мне придется пробыть в Башне минут десять, а то и больше. Я пока понятия не имею, как я с этим справлюсь, но я обещал Селии, что все будет нормально. Я, правда, надеялся, что мне поможет амулет, но, когда мы только вошли в Лондон, я специально забежал в какой-то магазин. Через минуту у меня закружилась голова, через две подступила тошнота. Везет мне как утопленнику — полнолуние на дворе.

Короче, я войду внутрь, узнаю новый пароль, вернусь, потом мы подождем до восьми утра, и тогда я уже окончательно зайду с новой сменой.

В темноте башни похожи, как близнецы; но во многих квартирах горит свет, а верхние этажи Римской Башни темные. В подъезды мало кто входит, и почти никто из них не выходит.

Селия следит за периметром района. Мы с Габриэлем стоим там, где в прошлый раз ели карри. Только теперь у Габриэля в руках бутылка сидра. Вокруг нас толкается местная гопота, и Габриэль делает из бутылки глоток, потом протягивает ее мне. Я трясую головой и отвечаю:

— Сам пей эту гадость.

Он улыбается.

— Надо же как-то слиться с окружением.

И он действительно сливается, для него никакое окружение не проблема, но я все же замечаю:

— Ты и тут хорош, но не безупречен... голос чересчур счастливый.

Он смеется.

— У тебя всегда есть чему поучиться. — И тут же подхватив мою интонацию, переспрашивает: — Ну, так лучше?

Я посылаю его подальше, и он перегибается пополам от смеха. Юнцы начинают смотреть в нашу сторону, но, стоит мне бросить на них один взгляд, как они мгновенно сматываются, а Габриэль прыскает снова.

Дует холодный ветер, хорошо хоть, дождя нет. Надо просто ждать. Я беру у Габриэля бутылку и начинаю прохаживаться вдоль витрин, стараясь выглядеть естественно — то есть изображаю озлобленную скуку. Полночь, наверное, уже близко. Я возвращаюсь к Габриэлю и встаю с ним рядом. В одиннадцать сорок семь становлюсь невидимым и направляюсь к Башне. Подъездная дверь по-прежнему сломана, изнутри тянет мочой, но я успеваю добраться до третьего этажа прежде, чем на меня накатывает головная боль. На седьмом я ощущаю первый приступ тошноты. Я даже останавливаюсь и секунду стою, ухватившись рукой за стену. И тут же слышу у себя за спиной шаги по лестнице. Сделав глубокий вдох, я продолжаю

подниматься, меня тошнит, но голова не кружится. Я добираюсь до верхнего этажа и забиваюсь там в самый дальний угол.

Охранники поднимаются за мной не спеша. Я стою, затаившись, в углу, и думаю только о том, чтобы правильно дышать и оставаться невидимым.

— Джекз опять опаздывает? — спрашивает один из них. Я поднимаю голову и вижу, что их снова пятеро.

— Заходи уже, а?

И тут же со дна лестничного колодца раздаётся крик:

— Я здесь! Подождите меня.

Остальные начинают ворчать и материться. А у меня желудок буквально выворачивается наизнанку. Стены сдвигаются, и мне требуется вся моя сила воли, чтобы убедить себя, что они не падают, что это не то иллюзия, не то шутка, которую играет со мной мой мозг, короче, что бы это ни было, стены точно стоят на месте!

А еще мне необходимо оставаться невидимкой. У меня сводит живот, я перегибаюсь пополам и тут же слышу:

— Живее можешь? — Кто-то начинает: — Сбавь... — И в ту же секунду снова окрик Джеза снизу: — Подождите! — Желудок тем временем подкатывает мне прямо к горлу, я уже чувствую

кислый привкус рвоты, и все, о чем я еще могу думать, это как дышать ровно и оставаться невидимым. Потом они заходят внутрь, дверь за ними захлопывается, а я бросаюсь к лестнице и наполовину сбегая, наполовину скатываюсь по ней вниз, и продолжаю бежать так до тех пор, пока рвота наконец не вырывается из меня наружу. Вот теперь стены точно надвигаются на меня, в голове шумит, желудок сводит, меня снова тошнит. Я знаю, что мне надо наружу, но где это — наверху или внизу, — я не помню, стоять я не могу, так что приходится ползти, а потом я скатываюсь вниз по лестнице, снова ползу, и снова скатываюсь, шум в моей голове превращается в грохот, какие-то голоса орут, и мне хочется заорать на них в ответ, но здесь я не могу, не могу даже ползти, визг в моих ушах все нарастает, желудок сводит еще сильнее, я поджимаю колени к животу и уже не сдерживаюсь, ору во весь голос, и тут же к моей спине прикасаются чьи-то ладони, и Габриэль говорит:

— Я здесь. Все в порядке. — Меня поднимают, чьи-то руки держат меня под мышки, и я опять слышу его голос: — Осталось всего два пролета, и мы на улице. — Я все еще не могу стоять, и он тащит меня спиной вперед, пятками по лестнице, но, едва мы минуем подъездную дверь, его хватка ослабевает, я излечиваюсь от головной боли и тошноты и вообще чувствую себя прекрасно. Луч-

ше, чем прекрасно. Я просто фантастически себя чувствую.

Габриэль ни на что не жалуется, но я понимаю, что ему тоже плохо. Когда мы возвращаемся на свой пост, он спрашивает:

— Пароль добыл?

— Сбавь газ, кажется.

— Кажется?

— Ну, «сбавь» там точно было.

— А «газ» не точно?

— Это мог быть «паз».

— Или лаз? Или глаз? Или вообще что угодно!

— Сбавь газ.

Кажется.

И снова мы ждем. Магазины уже закрыты. Вокруг ни души, компанию нам составляет только холод. Мы заходим глубже в переулок и там садимся на землю, спиной к стене. Но спать не можем.

Габриэль говорит:

— Кто-то однажды сказал, что любая война — это долгие периоды скуки, разбавленные мгновениями панического страха.

— Скорее, минутами.

— Ну да, минутами, а то и часами, если дела совсем плохи.

— Думаю, сегодня нас ждут именно часы.

Габриэль берет меня за руку и переплетает свои пальцы с моими.

— Зато потом все кончится. Не будет больше ни скуки, ни страха, а только покой, скалы и кофе с круассанами.

— Ага. — Но я не могу думать о кофе и круассанах, все мои мысли только о предстоящих нам часах страха, крови и криков боли и ужаса.

Начинает светать. Проезжает доставочный грузовик, на асфальт шмякается мешок со свежими газетами, открывается газетный киоск. Габриэль идет к нему купить нам шоколадок. У меня так свело горло, что я едва могу глотать, но все же пропихиваю их в себя. Потом мы снова ждем.

Из-за угла одной башни появляется Селия. Время семь двадцать девять, мне пора.

Габриэль говорит:

— До скорого.

Я рысцой преодолеваю пространство, которое отделяет меня от Башни, вхожу через разбитую дверь в зловонный подъезд, поднимаюсь по лестнице, прохожу мимо блевотины на седьмом этаже и чувствую, как отпускает меня напряжение. Желудок расслабляется. Мне уже не терпится приняться за дело.

Я становлюсь невидимым и поднимаюсь на самый верхний этаж, туда, где дверь в тюрьму. У меня с собой булавка Меркури, которая открывает

любые замки, я приближаюсь к двери вплотную, тихо говорю: «Сбавь газ», — прикладываю булавку острием к скважине и нажимаю.

Ничего не происходит.

У меня пересохло в горле, и, наверное, из-за этого мой голос прозвучал нечетко. А может, пароль не тот, но раздумывать уже некогда.

Снизу раздаются шаги. Охранникам еще рано — смена минут через двадцать пять, — так что это, скорее всего, кто-то из жильцов. Но мне все равно надо войти в эту дверь. Я снова говорю:

— Сбавь газ, — на этот раз четко и так громко, что в тишине подъезда мой голос похож скорее на крик. Я вставляю булавку в замок, давя, и все срабатывает.

Я оказываюсь в темноте. Успеваю мельком увидеть вторую дверь в двух-трех шагах впереди. На ней нет ручки, и я не знаю, в какую сторону она открывается, а значит, не могу заранее решить, где мне встать, чтобы проскользнуть внутрь вместе с охраной. Не знаю, может быть, в тамбуре есть свет, но искать выключатель и щелкать им мне не хочется. Остается только надеяться, что, когда вертухаи войдут, мне хватит времени, чтобы занять удобную позицию. До их появления еще минут двадцать.

Однако наружная дверь распаивается всего через минуту. Значит, по лестнице все же шел

кто-то из них. У меня есть секунда, чтобы стать невидимым, вошедший дергает за шнур, который свисает с потолка, на котором вспыхивает голая лампочка, наружная дверь захлопывается. Охранник пять раз ударяет во внутреннюю дверь костяшками пальцев. Сначала дважды с расстановкой, потом еще три раза подряд — наверное, стук тоже условный.

Проходит почти минута, когда смотровой глазок на внутренней двери приоткрывается на долю секунды и тут же снова темнеет. Гремит замок, дверь отворяется, изнутри доносится голос:

— Что-то ты сегодня рано. — Владелец голоса распахивает дверь, давая моему охраннику войти. Места в тамбуре маловато, но мне все же удается проскользнуть за ним и встать, прижавшись спиной к стене.

Я внутри.

Пришедший охранник ругается и закрывает дверь. К подошве его ботинка пристал конфетный фантик. Он нагибается, чтобы отлепить его, а я протискиваюсь еще дальше внутрь. Задеваю его полкой куртки. Но нет, кажется, не заметил. И все же я почему-то знаю: он понял — тут что-то не так. Он оборачивается, точно хочет проверить, что у него за спиной, и стоит, глядя прямо сквозь меня, в руке у него конфетный фантик. Но вот он снова поворачивается ко мне спиной и спрашивает:

— Джейк уже здесь?

— Да нет, ты первый. Ты же на полчаса раньше пришел, Дейл даже еще обход не закончил.

— Мне показалось, я слышал его голос... — И он уходит в глубь коридора, неся перед собой фантик. А я мучаюсь дурным предчувствием: уж не сообразит ли он, что к чему.

Я иду за ним в небольшую комнату с кухонными шкафами у одной стены и столом со скамьями у другой. Там он кладет бумажку в мусорное ведро и вытирает руки о штаны. Снимает куртку, вешает ее на крючок у двери. Рядом еще крючки, они все заняты. Входит еще один охранник и говорит:

— Ты сегодня рано.

— Ага.

— Что, твоя тебя выкинула, что ли?

Парень с бумажкой качает головой, но как-то рассеянно, как будто думает о другом. Он наполняет чайник и начинает заваривать чай. Входят еще охранники из ночной смены, и каждый говорит что-нибудь о раннем приходе моего парня. Даже мне уже начинают надоедать их комментарии, зато он, кажется, позабыл о том, что слышал меня, когда я называл пароль. Комната заполняется охранниками утренней смены, и я выхожу в коридор, чтобы не толкаться у них под ногами и спокойно подождать, оставаясь невидимым. Стоя

в коридоре, я внимательно пересчитываю ночную смену — пусть уйдут все шесть. Потом я провожаю уходящих Охотников и замечаю, где у них проход, через который они попадают в здание Совета.

Итак, внутри остаются четверо Охотников и шестеро охранников. И я один должен справиться с ними, да так, чтобы никто не успел уйти или поднять тревогу. Сначала они собираются в комнате для инструктажа, где старший раздает задания и комментирует поведение заключенных. Охранники безоружны — пистолеты им ни к чему, они ведь не выпускают заключенных из камер. Их функции сводятся к тому, чтобы вовремя принести еду и убрать парашу. Но у Охотников есть пистолеты, как положено.

Однако удача пока на моей стороне. Охотники сгрудились у стены, все вместе. Я стою в дверях. Старший по охране раздает наряды по уборке, остальные смотрят на него.

Пора начинать.

Я посылаю в четырех Охотников два длинных электрических разряда.

Через пару секунд они один за другим валятся на пол.

Охранники ошарашены. Они меня не видят. Может быть, даже подумали, что это проблемы с электропроводкой. Но вот один кричит:

— Поднимайте тревогу! — Я тоже пригвождаю его разрядом, правда, послабее. Убивать охрану мне не хочется. Я позволяю себе стать видимым, двое охранников тут же бросаются ко мне, и я встречаю их молнией. Они падают без сознания, но не замертво. Остальные жмутся к стене, я оглушаю их электрическим разрядом, на всякий случай, и остаюсь лицом к лицу со старшим по охране: в руках у него дощечка для записей, он так вцепился в нее, того гляди, переломит. А сам тоже застыл на месте, как контуженный. Вдруг он приходит в себя и швыряет в меня своей дощечкой. Вместе с ней в меня летит все, что валяется вокруг: ручки, наручники, кружки и всякая всячина. Мне, разумеется, не больно — предметы даже не касаются меня, да и дар охранника не из самых мощных. Стулья начинают шататься, точно тоже хотят оторваться от пола и полететь ко мне, но ему не хватает сил.

Я протягиваю к нему руку со словами:

— Я не буду тебя убивать. — Жду, когда он перестанет швыряться. — Твои товарищи тоже не мертвы. Я только оглушил их.

Связка ключей несется мне прямо в лицо, но в последний миг сворачивает в сторону.

Я повторяю:

— Я тебя не убью. Но могу покалечить, если ты не перестанешь. — И я посылаю маленькую

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

молнию в пол прямо перед его ногами, чтобы напомнить ему, с кем он имеет дело.

Он поднимает руки, показывая, что сдается. В комнате снова становится тихо. Его трясет.

— Как тебя зовут?

— Шон.

— О'кей, Шон. Я серьезно не буду тебя убивать. А если ты сделаешь все, как я скажу, то тебе даже больно не будет.

Он ничего не отвечает, только сгибается пополам, и его рвет на пол. Я беру наручники, надеваю их на него, выталкиваю его из комнаты и тычками провожаю к входной двери. Глянув в дверной глазок, я вижу Селию и Габриэля — они уже ждут в тамбуре.

Я говорю Шону:

— Надо впустить моих друзей. Говори пароль.

Он трясет головой.

— Если не скажешь, я буду убивать твоих друзей одного за другим. Ты меня понял?

БАШНЯ

Шон оказывается на редкость сговорчивым. Стоит мне разок его припугнуть, и он тут же выдает и пароль, и ключи, которые, оказывается, висят у него на поясе. Селия и Габриэль быстро входят, и я говорю ей:

— Это Шон. Он нам очень помог.

Шон говорит:

— Все равно вас скоро убьют. Или поймают. И тогда сидеть вам здесь до скончания века.

И тут он меня удивляет: бодает меня головой, что я ощущаю как легкий поцелуй в кончик носа. Это его бесит, и он пытается меня лягнуть, чем делает больно себе, а мне нисколько, но до него и тут не доходит. Сначала я думаю, что он вот-вот успокоится, но чем дальше, тем он больше бесится, и я, чтобы не тратить на него время, вырубая его одним ударом.

Селии я говорю:

— Охотники мертвы, а охрана контужена. Думаю, они скоро очнутся. — И показываю ей, где они.

— Найди свободную камеру и засунь их туда, — говорит Селия.

Я захожу в коридор и заглядываю в первую попавшуюся камеру. Она, разумеется, занята, и я начинаю думать, как бы нам не пришлось все же убить охрану.

В камере есть только тощий матрасик, одеяло, отхожее место и заключенная. Это женщина, она бледная и изможденная. У нее глаза Белой Ведьмы. На ней ярко-желтый комбинезон.

В поисках свободной камеры я продолжаю идти по коридору, но везде вижу одно и то же: крохотная комнатуха, матрас на голом полу, ведро, одеяло и кто-то в желтом комбинезоне. Мрачная картина. В последней камере человек сидит и смотрит прямо на меня. Я приоткрываю глазок, и он тут же начинает улыбаться странной улыбкой. Он стар и худ, но я узнаю его немедленно. Мне незачем даже окликать его, вслух, по крайней мере.

Я открываю дверь булавкой Меркури, вхожу и опускаюсь перед ним на колени. Он сидит на матрасе, спиной к стене, набросив на плечи одеяло. Его босые ноги побелели чуть не до синевы. Он болезненно худ, хотя и раньше не был толстым. Медленно моргая, он смотрит на меня во все глаза.

— Неужели я попал на небо, мой прекрасный мальчик?

Я трясую головой.

— Что ж, значит, это невероятно приятный и совершенно неожиданный сюрприз. — Голос Боба силен и звучен, как прежде, и это внушает мне надежду. Я встречал Боба всего раз, когда искал дорогу к Меркури. Тогда я понадеялся, что ему удалось ускользнуть от Клея и его подручных, но, видимо, зря. Теперь, приглядевшись, я вижу на одной стороне его шеи цепочку багровых кровоподтеков, которые спускаются к плечу.

— С вами все в порядке? — спрашиваю я и сразу понимаю, что сморозил глупость: видно же, что нет.

— Я стар и болен, к тому же слегка побит. Но теперь, когда я вижу тебя, мне уже лучше. — Он пробует встать, но сил ему не хватает, и он снова опускается на матрас.

— Не двигайтесь. Оставайтесь здесь. Лучше пока никуда не уходить. С охраной я разобрался.

— Вряд ли ты сделал это только для того, чтобы помочь мне.

— Мы готовим нападение на здание Совета.

— Вот это здорово.

— Нам надо освободить одну камеру для охраны, так что сейчас я приведу к вам еще кого-нибудь. Потом придут врачи, они вам помогут. Только никуда не уходите.

Я пулей выскакиваю в коридор, и мы вдвоем с Габриэлем переносим к Бобу женщину из первой камеры, вместе с матрасом и одеялом. Потом пе-

ретаскиваем в ее камеру вертухаев. Они тяжелые, не ей чета. Мне становится противно. Кое-кто из них, включая Шона, уже начинает приходить в себя. Я тороплюсь: надо успеть перетащить их в камеру и закрыть за ними дверь, пока я совсем не рассердился.

Я возвращаюсь в комнату охраны поискать какой-нибудь еды: нахожу немного печенья, банан и бутылку воды. Все это отношу к Бобу и говорю ему:

— Вот, поделитесь с вашей соседкой.

Селия окликает меня:

— Натан, мы больше поможем заключенным, если успешно закончим нашу миссию.

Боб смотрит на Селию и говорит:

— Встреча Совета в разгаре. Ночная смена жаловалась на организацию: в здание Совета согнали столько Охотников, что туалетов на всех не хватает.

Я поясняю:

— Дар Боба — читать чужие мысли.

— Вы знаете еще что-нибудь полезное для нас? — спрашивает Селия. — Что-нибудь про Сола, Уолленда, Джессику?

— Знаю кое-что, но мало, к сожалению. Охранники у них — люди второго сорта, к начальству их и близко не подпускают. Держат в страхе. Охотники уважают Джессику, — говорит Боб и добавляет: — Уолленд — загадка. Многие ломают

голову над тем, что он затевает, но никто ничего не понимает. Он дал Охотникам возможность становиться невидимками, им это по вкусу. А теперь он занят разработкой чего-то под названием «синий». Зелье, разумеется, но я ничего не знаю о нем.

Он делает паузу, потом продолжает:

— Извините, что я спрашиваю, но вы это серьезно, насчет атаки? Вас как-то маловато.

Я смеюсь.

— Подкрепление уже в пути. Но мне пора.

— Здесь есть еще кое-кто, возможно, он знает больше. Правда, я не уверен, что он захочет вам помочь.

— Кто он? — спрашивает Селия.

— В основном я узнаю заключенных по их страхам. Они часто сидят и перебирают в памяти то, чего им, по их мнению, не стоило говорить или делать. Охрана думает о том, чем они займутся после смены. Но есть тут один, он планирует побег, месть, будущее, он все время только и делает, что строит планы. Мозг Клея почти не знает отдыха. По-моему, его держат на самом верху. Приятно знать, что человек, стараниями которого я попал сюда, и сам не избежал той же участи.

Но я уже встаю, выхожу в дверь, бегу по коридору к внутренней металлической лестнице, и, перепрыгивая через две ступени за раз, взлетаю на верхний этаж. Селия бежит за мной, кричит,

чтобы я остановился, кричит, что Клей все равно ничего мне не скажет. Но я бегу вперед, по пути заглядывая в каждую камеру, стараясь не думать о том, что я в них вижу. Наконец в самой последней камере, такой же маленькой и темной, как другие, я нахожу того, кто мне нужен: Клей сидит на полу в позе лотоса, прикованный к стене за оба запястья. Я невольно расплываюсь в улыбке.

И говорю Селии:

— Это он.

Она отвечает:

— У нас нет на него времени.

Булавкой Меркури я отпираю замок. Я хочу стоять, возвышаясь над ним, глядя на него сверху вниз, и пусть он это видит.

Его глаза изменились. В них по-прежнему столько серебра, что голубизна почти растворяется в нем, но правый глаз изуродован целым гнездом шрамов, шрамы стекают по его щеке вниз, и я вижу, что, когда он моргает, правое веко не до конца прикрывает глазное яблоко. Клей смотрит на нас, но ничего не говорит, и я тоже тяну молчание. Забавы ради я вынимаю из ножен Фэйрборн.

Селии я говорю:

— Я не собираюсь пускать нож в дело, но пусть поглядит на него у меня в руках, пусть вспомнит, что это я отнял у него Фэйрборн и что из-за него он оказался здесь.

Клей говорит:

— Селия, вот это сюрприз! — И встает. Неспешно и плавно он поднимается с пола, но я ощущаю в его движении недостаток гибкости, и хотя он такой же большой и мускулистый, как раньше, все же на себя прежнего не похож. Он не высок, но коренаст, у него все та же крепкая шея, но в остальном он сильно похудел. — Что привело тебя сюда... — Тут он как будто впервые замечает меня и добавляет: — С этим?

Он делает шаг вперед, но останавливается раньше, чем успевает натянуться цепь, приковывающая к стене его правую руку. Да, он по-прежнему энергичен.

Я говорю:

— Цепи тебе к лицу, Клей.

Ледяной взгляд, адресованный мне, скрывает множество разных эмоций. В основном ненависть. Но я не уверен, что она вся предназначена мне.

— Как Джессика? Навещает тебя здесь? Не сомневаюсь, вид ее мужчины в цепях ее возбуждает.

Он игнорирует меня и поворачивается к Селии со словами:

— Ты зашла ко мне с какой-то целью?

Мне хочется расспросить Клея о Женеве, о том, как он узнал, где находится квартира, из

которой в коттедж Меркури ведет проход. Неужели Анна-Лиза выдала? Работала она на него или нет? Была ли вообще шпионкой? Предательница она или нет?

Селия отвечает:

— Нет. Просто зашла проверить. Нам пора, Натан. — И она начинает закрывать дверь.

— Сначала мне надо кое-что узнать. — Я хватаюсь за дверь и не даю ей закрыться. — Мне нужна информация.

Клей фыркает.

— В ту ночь, когда мы забрали у тебя Фэйрборн, — меня подстрелили, я был ранен, но все же смог дойти до одной квартиры, откуда вел проход к коттеджу Меркури в швейцарских горах. Помнишь ее?

Он смотрит на меня, не мигая.

— Ты помнишь ту квартиру? — повторяю я. — Когда я пришел туда, там все кишело Охотниками. Подъехал ты. Я тебя видел. Я ушел и повстречал Джессику.

— И порезал ее хорошенькую мордашку.

— Натан, — вмешивается Селия, — у нас нет больше времени.

— Ты помнишь ту квартиру? — снова спрашиваю я.

— Я потерял двадцать кило веса, но не память, — отрезает Клей.

— Как ты ее нашел?

Он молчит.

— Тебе подсказала Анна-Лиза? Она шпионила на тебя?

Теперь Клей улыбается.

— Ах, Анна-Лиза... — Он возвращается к дальней стене камеры, сползает вдоль нее на пол и смотрит на меня снизу вверх. — Где же она теперь, интересно? Охранники говорят, снова с дядей Солом. Вопросы, вопросы, вопросы...

— И никаких ответов, — говорю я.

— На которые все равно нет больше времени, — снова вмешивается Селия.

— Выпусти меня отсюда, и я тебе все скажу, — говорит Клей, не спуская с меня глаз.

— Скажи, и я тебя не убью.

— А если убьешь, то никогда не узнаешь.

— Натан, у нас нет времени. Тебе пора идти, — теряет терпение Селия.

Клей улыбается мне и говорит:

— Делай, что тебе говорят, беги по своим делам. Когда вернешься, я никуда не денусь.

— Ты и так никуда отсюда не денешься, — говорю я и хлопаю дверью. Когда все кончится, Клей у меня будет плавать в зелье правды. Я заставлю Боба перерыть ему все мозги и выжать из них все до капли, хотя, честно говоря, я уже и сам не знаю, какая теперь разница, что Анна-Лиза делала, а чего нет. Она застрелила моего отца, остальное неважно.

БОЛЬШИЕ ПАЛЬЦЫ

Я направляюсь к проходу, который ведет в здание Совета, Селия бежит за мной по пятам и рычит:

— Ты должен исполнять мои приказы. Если я говорю «иди», ты должен идти.

— Уже иду. О'кей?

Дальше по коридору я сталкиваюсь с Греторекс, Адель и еще парой новобранцев. Габриэль в форме Охотника уже ждет меня возле прохода.

Я поворачиваюсь к Селии и говорю:

— Я мог бы убить Клея. Но не стал. Ты сказала мне идти. Я пошел.

— Не сразу.

Мы палимся друг на друга.

Габриэль спрашивает:

— Я что-то пропустил?

Селия, глядя на меня, отвечает:

— Ничего существенного.

Но не для меня. Я говорю ей:

— Анна-Лизу могут держать здесь, в Башне. Хочешь, я пойду взгляну?

— Нет. Я хочу, чтобы ты занимался тем, что мы запланировали.

— О'кей. Буду заниматься тем, что мы запланировали. Ты готов, Габриэль?

Он отвечает «да», и я говорю Селии:

— Видишь, как я хорошо выполняю приказы?

Я знаю, что у меня нет времени искать Ан-на-Лизу, к тому же я почти уверен, что ее здесь нет — слова Клея о ней трудно истолковать иначе, — да и окажись она в Башне, Селия все равно сделала бы все, чтобы меня и ее разделяла дверь камеры.

Селия говорит:

— Вы оба знаете, что делать. — И глядя мне прямо в глаза, она твердо добавляет: — Так сделай это. Не отвлекайся ни на что, и мы победим.

Одетый Охотником Габриэль пройдет со мной в здание Совета и будет ждать, когда начнется стрельба, тогда он пошлет Селии эсэмэс, и бойцы Альянса ринутся в проход. Я знаю, что первым в бойкинется сам Габриэль. Я очень хочу, чтобы он поотстал, задержался и был последним, но знаю, что не стоит даже намекать ему на это. Поэтому лучший способ сохранить ему жизнь — это сохранить жизнь всем, то есть убить Сола.

Габриэль меняет внешность, превращаясь в коротко стриженного Охотника, и я невольно отшатываюсь, так он похож на Киерана. Он говорит:

— Я взял удостоверение одного из здешних Охотников. Что, плохо?

— Да нет, даже слишком хорошо, по-моему. — Я хватаю его за руку, задерживаю дыхание, становлюсь невидимым и окунаюсь в проход.

Темнота длится всего один миг. Тоннель выплевывает меня в другую темноту, но тоже холодную, где я падаю на каменный пол на колени, Габриэль тянет меня за руку. Все прошло очень тихо, но мы все равно затаиваемся и прислушиваемся.

Мы в темной комнате, свет просачивается в нее только сквозь щели вокруг двери. С той стороны двери доносятся голоса, говорят двое, но скоро они смолкают. Наверное, ушли, но я все же выжидаю секунд десять, и только потом достаю булавку Меркури и открываю замок. Пока мы бежим по коридору, я быстро соображаю, где мы.

В юго-западном углу подвала. Камеры на западе, но нам надо на восток, к лестнице, которая ведет наверх, в главное фойе. Пока мы не выберемся отсюда, никого не увидим. Зато наверху будут Охотники. Много.

Габриэль тянет меня назад и шепчет:

— Как думаешь, они здесь из-за Совета или из-за нас?

— Какая разница?

— Хорошо хоть, я среди них не очень выделяюсь. — И я понимаю, что Габриэль наверняка попытается смешаться с Охотниками, узнать, что происходит. — Иди.

Мне остается только надеяться, что его природная способность сливаться с любой окружающей средой поможет ему и здесь.

Я внимательно и осторожно обхожу Охотников, особенно заботясь о том, чтобы не задеть никого из них, когда выхожу в большое фойе. Их там не то чтобы очень много, но человек двадцать есть, они стоят по обе стороны от главного входа, а за столом справок сидит маленький худощавый человек.

Перескакивая через три ступеньки сразу, я взлетаю на второй этаж и еще на площадке встречаю других Охотников: их десять. Я замедляю шаг и тихо пробираюсь выше. На следующей площадке я вижу еще четверых, потом двоих — они патрулируют коридоры четвертого и пятого этажей, но на самом верху пусто и тихо.

И совсем не так, как было на лагерном макете. В коридорах светло, тепло и много воздуха. А я почему-то представлял их мрачными и серыми. Я подхожу к первой двери справа, как репетирую

вал в лесу. Вижу комнату, в ней мебель, но людей нет: похоже, они здесь вообще не частые гости. Я иду дальше, заглядывая во все комнаты подряд: везде одна и та же мебель, одна и та же пустота.

Я надеюсь, что с другой стороной мне повезет больше, и поворачиваю назад, к лестничной площадке, а оттуда в левый коридор, которого не было на нашем макете.

У первой двери я прислушиваюсь, но слышу только шипение мобильных. Оно наполняет все здание целиком: здесь много людей с телефонами, много компьютеров и всякого электрического оборудования. Я даю на ручку двери, она поддается. За ней открывается просторный, уставленный книгами кабинет. Рядом с большим письменным столом стоит старый кожаный кейс, через спинку кожаного кресла переброшено пальто. В комнате никого нет, но дверь в следующее помещение открыта. Я подхожу к ней и снова прислушиваюсь. Внутри играет музыка. Классическая.

Я почти уверен, что хозяин этого пальто сейчас в комнате с музыкой и что это почти наверняка Уолленд. Но я хочу подобраться к нему, не поднимая тревоги, а потому сначала решаю выяснить, сколько еще на этом этаже людей.

Я выхожу и пробую соседнюю с музыкальной комнатой дверь. За ней оказывается кабинетик с одним столом, стулом, книжными полками, не-

большим диваном и какими-то личными вещами: бумагами, ноутбуком и сумкой. В кабинетике тоже есть вторая дверь, она ведет в другое помещение, откуда опять слышна классическая музыка. Значит, эта дверь ведет туда же, куда и дверь из комнаты Уолленда.

Я продолжаю проверку коридора, но теперь быстрее. Следующая дверь оказывается заперта, но булавка Меркури легко справляется с замком, и я снова попадаю в ничейный кабинет. Осталась всего одна дверь. Из-за нее не доносится ни звука. Я опять вставляю в замок булавку Меркури и вхожу.

В этом помещении кое-кто есть.

В комнате стоят металлические каталки, их три, каждая покрыта простыней серого цвета, и под каждой простыней угадываются очертания человеческого тела.

Я подхожу к крайней, приподнимаю простыню. Под ней женщина. Темно-русые волосы, глаза широко открыты, в них ни искорки. Кожа бледная. На шее татуировка: Б и.о. Я откидываю простыню еще дальше и обнаруживаю, что у женщины вскрыта грудная клетка. Она суха — всю кровь из нее выкачали, а вместе с кровью, как я вижу, забрали и сердце. Я осматриваю ее руки, ищу, есть ли на них татуировка вроде моей. И нахожу ее на мизинце, то же: Б и.о.

Я подхожу к следующему телу. Это тоже женщина, чернокожая, изуродованная так же, как и первая.

Последнее тело другое. Это девочка. Ей лет одиннадцать-двенадцать, не больше. На шее и на мизинце у нее те же татуировки, грудная клетка вскрыта.

В комнате холодно. Очень холодно. Вдоль стен полки, на них бутылки с частями тела, взятыми, вероятно, у этих несчастных. Ящики с хирургическими инструментами.

А еще в комнате есть вторая дверь. Я подхожу к ней и прислушиваюсь. Тишина. Никакой музыки.

Я берусь за ручку, поворачиваю и, к моему удивлению, дверь оказывается не заперта. Я вхожу.

И попадаю в громадное помещение, заставленное рядами металлических шкафов со стеклянными дверцами. На каждой полке каждого шкафа бутылки. А в каждой бутылке... фрагменты человеческих тел. Я тихонько открываю одну дверцу и беру в руки бутылку, чтобы поближе рассмотреть ее содержимое. В ней лежит что-то темное, мясистое. Печень, наверное. На этикетке надпись: Б и.о.

Я прохожу зал насквозь, у дальней двери останавливаюсь, прислушиваюсь и снова слышу клас-

сическую музыку. Я уверен, что за этой дверью Уолленд и его ассистент, но с ними может быть и охрана. А еще я знаю, что шансов проникнуть в эту комнату так, чтобы Уолленд ничего не заметил, у меня почти нет, а значит, и выбирать не из чего. Но поднимать шум все равно незачем, особенно если этого можно избежать.

Я поворачиваюсь и возвращаюсь в кабинет Уолленда так же, как пришел, старательно запирая за собой каждую дверь. Нельзя дать кому-то уйти этим путем. В кабинете Уолленда я подхожу ко второй двери и прислушиваюсь к музыке, но слышу человеческий голос, правда, человек не в комнате, это диктор по радио представляет следующую пьесу Бетховена.

Я берусь за ручку, сосредоточиваюсь на том, чтобы остаться невидимым, медленно и плавно приоткрываю дверь и проскальзываю внутрь.

Бетховен начинает медленно и неторопливо, как я. Без единого шороха я закрываю дверь.

Комната залита светом. Потолок весь изрезан световыми люками. В дальнем конце за лабораторным столом сидят двое. Они низко склонились над поверхностью стола, работают. Это мужчина и молодая женщина. Мужчина сидит ко мне спиной. Он узкий, худой, на нем белый лабораторный халат, и я, еще не видя его головы, сразу понимаю: Уолленд.

Женщина поднимает голову и смотрит на меня и на дверь. Должно быть, заметила движение. Она что-то говорит Уолленду, он оборачивается, когда я уже приближаюсь к нему, и смотрит прямо сквозь меня.

Мы в лаборатории, здесь полно оборудования, всяких колбочек, трубочек и уж не знаю, чего еще. Так что пользоваться здесь электричеством я не решаюсь. Я вынимаю из ножен Фэйрборн и вижу, что Уолленд и девушка склонились вовсе не над столом, а над трупом, лежащим на нем. Труп принадлежит мужчине, на его шее крупная татуировка: Ч и.о. Его грудная клетка вскрыта, сердце обнажено.

Я делаю шаг к ассистентке Уолленда, и мы с Фэйрборном не медлим ни секунды. Ее кровь заливает мне руки, тело беззвучно соскальзывает на пол. Я возвращаю себе видимость.

Уолленд сидит вытаращив на меня глаза. В правой руке у него скальпель. Я поднимаю Фэйрборн и говорю:

— Хочешь попытать счастья?

Уолленд пятится, отступая между столами, потом поворачивается и бросается наутек, но я в три прыжка нагоняю его и сбиваю с ног. Хватаю за руку, тяну, но он забивается за стол. Моя рука соскальзывает к его запястью, я распластываю его ладонь по крышке стола и пригвождаю

ее к деревянной поверхности лезвием Фэйрборна. Уолленд трясется, он и не думает сопротивляться, и тогда я пригвождаю его вторую руку скальпелем. Он по-прежнему молчит: не стонет от боли, не зовет на помощь.

Бетховен играет отлично — мелодия нежная, мягкая, утешительная, не какое-нибудь там похоронное занудство.

Я говорю Уолленду:

— Должен сказать сразу, что тебя я, скорее всего, убью, и не важно, поможешь ты мне или нет. Но чем дольше ты проживешь, тем больше у тебя шансов остаться в живых и дальше. Когда сюда войдут другие члены Альянса, они захотят заполучить тебя живьем. Им, видишь ли, подавай судебные процессы, правосудие и все такое.

Он ничего не говорит, только трясется.

— А вот мне на это плевать. В смысле, по моему, с какой стороны ни глянь, ты виновен в убийстве. И не в одном.

Тут он открывает рот.

— А ты нет?

— Сегодня речь о тебе. Итак, ты виновен. И вот вопрос: что ты можешь сделать для того, чтобы я тебя не убил?

— Ч-что?

— Покажи, как Охотники становятся невидимыми. — Он мотает головой.

Я подхожу к столу, беру с него скальпель и возвращаюсь назад, к Уолленду. Отрезаю ему большой палец. Теперь он визжит.

— Больно, да? — говорю я. — А лечиться умешь?

Его снова трясет, еще сильнее, чем раньше. Кровь заливает стол.

— Нет, лечиться ты не горазд. В чем же ты горазд, а, Уолленд? Людей на куски резать?

Полными ужаса глазами он смотрит на меня, потом отворачивается, и его рвет на пол.

— А когда ты трупы режешь, тебя не тошнит, а, Уолленд?

Он не отвечает, только трясется, что, по-видимому, означает «нет».

— Так где те колдовские бутылки, с помощью которых ты превращаешь Охотников в невидимок? Ведь ты так это делаешь? С помощью бутылок?

Кивок.

— Ну, и? — спрашиваю я. — Или отрезать тебе второй палец? — Я улыбаюсь.

Он смотрит на меня выпученными глазами.

— Тебя убьют. Медленно, если у меня есть...

Я отсекаю ему большой палец на второй руке, и он издает странный сдавленный вскрик.

— Ну, что у нас дальше, нос и уши? — спрашиваю я. — Или перейдем сразу к глазам?

— В той комнате! Там, рядом!

Я прослеживаю направление его взгляда и вижу между столами еще одну металлическую дверь, точнее, дверцу.

Я выдергиваю из одной руки Уолленда Фэйрборн, из другой — скальпель и подталкиваю его к двери. Он потерял много крови, шатается, но идти еще может.

— Открывай! — Конечно, у меня есть булавка Меркури, но я хочу посмотреть, как он будет выполнять мою команду.

— Не могу. Руки... — говорит он, протягивает вперед искалеченные ладони и смотрит на них так, словно все, что с ним произошло за последнее время, только сейчас начинает доходить до его сознания.

Я сам открываю дверь. Уолленд начинает заваливаться на бок — он явно понял, что никогда уже не сможет повернуть ручку двери без посторонней помощи. Я проталкиваю его в комнату за металлической дверью, где он тут же оседает на пол бесформенной кучей. А я замираю, раскрыв рот.

КУПОЛ

Пирамида из стекла внутри стеклянного купола.

Пирамида из бутылок аккуратно выстроена на голом полу. Бутылок в ней сотни. Я подхожу ближе и вижу, что в каждой лежит лоскуток кожи размером примерно пять на пять сантиметров, а на нем татуировка — круг вроде тех, которые я видел на груди у Охотников.

Я не могу подойти к пирамиде совсем близко, потому что она спрятана под куполом. В полу выдолблен круглый желобок, из него и поднимается купол.

Я тянусь к куполу рукой, но тут же отдергиваю ее и бросаю взгляд на Уолленда. Он смотрит на меня во все глаза, внимательно, напряженно, так что у меня сразу пропадает всякая охота трогать стекло. Вместо этого я обхожу купол по кругу. Он около трех метров в диаметре, у него совершенная форма и чистые, прозрачные стенки, так что он похож на перевернутую доньшком вверх идеаль-

ную стеклянную чашу. Под ней балансируют друг на друге бутылки, составляя аккуратную пирамиду, которая была бы даже безукоризненной, если бы не несколько просветов на месте отсутствующих бутылок. Я продолжаю ходить кругом и замечаю еще пару зияний. Или я ошибаюсь? К тому же одна из бутылок, которой, как мне показалось сначала, не было, теперь появилась.

И тут я понимаю. Бутылки становятся невидимыми тогда, когда невидимками делаются связанные с ними Охотницы. Минуту я не свожу с пирамиды пристального взгляда, и мне удастся заметить, как исчезают еще две бутылки, а две другие появляются снова.

Я возвращаюсь к Уолленду.

— Открой купол. Я хочу увидеть бутылки.

Он трясет головой.

Я подаюсь вперед и шиплю:

— Открывай, не то я отрежу тебе ухо.

— Не могу.

— А я думаю, что можешь.

Я хватаю его за ухо и тяну изо всех сил, а сам говорю:

— Даю тебе последний шанс — или останешься без уха.

Но он пытается отбиться от меня сначала руками, потом ногой. Я наношу ему ответный удар, от которого он падает на пол, потом хватаю скаль-

пель и отсекаю ему ухо, хотя и знаю, что это все равно не поможет. Ничего, пусть знает, что я слов на ветер не бросаю.

Он взвизгивает и хватается за кровоточащую голову.

Я швыряю ухо в купол.

От кусочка плоти сыплются электрические искры, а сам он отлетает назад и шлепается на пол возле Уолленда. Купол трещит и мутнеет, но ненадолго и только там, где его касается ухо.

Я гляжу на скальпель у себя в руке и думаю, не швырнуть ли его.

«Почему нет?»

Скальпель ударяется в купол и на секунду будто сливается с ним, а поверхность купола в месте соприкосновения меняет цвет. Потом скальпель отскакивает и со звоном падает рядом со мной на пол.

Я снова обхожу купол кругом, на этот раз осматриваясь в поисках других приспособлений. Вдоль стены напротив входной двери тянется рабочий стол, на нем много всякой всячины: бумаги, хирургические инструменты, ручки, компьютер, но ничего такого, чем можно вскрыть купол.

Я говорю Уолленду:

— Ты ведь добавляешь в пирамиду бутылки. Когда поступают новые рекруты, которым надо дать невидимость. Как же ты это делаешь?

Он съеживается на полу, и я замечаю, что скальпель исчез из вида.

— Может быть, есть заклятие, которое наделяет даром невидимости, или это делается только с помощью бутылки?

Он не отвечает. Его ухо кровоточит уже не так сильно, как я ожидал. Наверное, он все же прилично лечится. Да и руки уже не такие страшные, как раньше.

— Если ты и дальше будешь отмалчиваться, Уолленд, то, может, оставить тебя без языка — зачем он тебе?

Но мне уже надоело его кромсать — слишком это мерзко.

— Этим ты его открываешь? — спрашиваю я, беру со стола лэптоп и взвешиваю его на ладони. — В компьютерах я чайник, но тут, пожалуй, все же попробую.

Уолленд ежится, но даже не пробует меня остановить, так что я понимаю, что ничего ценного в компьютере нет, и с размаху швыряю его в купол. И снова зона контакта становится молочно-голубой, компьютер долю секунды висит на ней как приклеенный, потом его отбрасывает, и он отлетает в стену. Треск, искры сыплются во все стороны, но через пару секунд все успокаивается, и купол снова делается прозрачным, как всегда. Зато Уолленд воспользовался этими секундами,

чтобы подкрасться ко мне со скальпелем в окровавленной лапе. Не может же он не знать, что у него нет против меня шансов?

Я делаю к нему шаг и сразу понимаю, что ему только этого и надо. Его единственная надежда — толкнуть меня в купол. Сказать по правде, мне и самому любопытно, что тогда будет.

Уолленд бросается на меня, но он слаб и неуклюж, так что мне совсем не трудно от него увернуться, и, хотя он все же успевает схватить меня за одежду, я, пользуясь инерцией его движения, делаю вид, что сейчас швырну его в купол.

Тут он прилипает ко мне намертво.

— Вот как? — спрашиваю я. — Предпочитаешь поджариться целиком или ткнуть тебя в купол мордой?

— Не надо! — скулит он. Наконец-то он поверил, что я способен выполнить любую свою угрозу. — Пожалуйста. Я сам открою. Есть заклинание. Только для этого нужна палочка.

— Палочка? — я в жизни не слышал, чтобы ведьмы пользовались палочками.

— Вон та. На том столе.

Я тащу его за собой туда, куда он показывает.

Это просто палка. Точнее, симпатичный прутик без коры, гладкий и приятный с виду. Я беру его в руки и жду, что почувствую что-нибудь, при-

сутствие какой-то воли, как в Фэйрборне. Но я ничего не ощущаю.

— Как она работает?

— Надо произнести нужное слово. И коснуться палочкой.

И тут я встаю в тупик. Как быть: пусть сам говорит все, что нужно, или пусть лучше назовет слово мне? Амулет защитит меня в любом случае. Я протягиваю ему палочку со словами:

— Бери и открывай. У тебя только один шанс сделать все, как надо.

Он кивает, высовывает кончик языка и облизывает верхнюю губу. Берет палочку в правую руку, просовывая ее меж пальцев. Не заметно, чтобы ему было больно или трудно это делать. Значит, залечился.

Вместо того чтобы коснуться палочкой купола, он притрагивается ею к желобку в полу и проносит:

— Купол, растворись.

Купол тут же становится матово-белым, точно молоко, разжижается, начиная сверху, и стекает в желобок, который заполняется до краев и превращается в сверкающую, блестящую лужу. Бутылки в двух шагах от меня, ждут, когда я их уничтожу.

— Принеси мне бутылку, — команду я.

Уолленд мешкает, потом перешагивает через канавку с молочной жидкостью, медленно подни-

мает обе руки вверх и осторожно зажимает верхнюю бутылку между изуродованными ладонями. Выглядит он при этом уверенно, как человек, который знает, что делает, но, возвращаясь ко мне, снова съеживается. Бутылка заткнута пробкой, к ней привязан ярлычок с именем. Наверное, это имя Охотницы. Внутри лежит клочок татуированной плоти. Я беру бутылку и разбиваю ее об стол. Ничего не происходит.

Похоже, что купол существует для охраны и защиты бутылок. Некоторые бутылки внутри пирамиды еще невидимы, но, мне кажется, если их разбить, то связанные с ними Охотники потеряют способность становиться невидимками. Есть лишь один способ это выяснить. Я хватаю у Уолленда палочку, чтобы он ничего не сделал с куполом, пока я буду внутри, подхожу к пирамиде и нащупываю одну из невидимых бутылок ближе к вершине. Она там, только ее не видно. Я вытягиваю ее из пирамиды и бросаю на пол. И тут же появляются осколки, а среди них лоскут кожи и ярлык. Значит, если разбить бутылку, чары исчезают. Так просто. Все, что от меня требуется, это перебить бутылки, и армия Сола перестанет быть невидимой. Одним ударом я смахиваю весь верх пирамиды на пол, бутылки бьются, и сквозь этот грохот до меня доносится голос Уолленда:

— Купол, сгустись. — Я оборачиваюсь и вижу, как он стоит против меня, сильный и гордый, а между нами поднимается и крепнет молочно-белая стена, и я пробую прорваться через нее, но не успеваю. Купол уже сложился и затвердел. Потом он становится прозрачным, и я снова вижу Уолленда: он стоит снаружи и победоносно ухмыляется мне.

Но палочка еще у меня, и я показываю ее ему.

— Обычная палка, — говорит он. — Я пытался превратить ее в волшебную, но ничего не вышло. Просто прутик, и все.

Я прикасаюсь им к основанию купола и со всей доступной мне выразительностью — а эмоции у меня сейчас прямо хлещут через край — произношу:

— Купол, растворись.

Ничего не происходит, только ухмылка Уолленда становится шире.

Он говорит:

— Купол признает лишь двоих хозяев, Сола и меня. Он не станет делать то, что ты ему скажешь.

Я беру из пирамиды еще две бутылки и швыряю их в купол. Он реагирует точно так, как если бы его ударили снаружи, — мутнеет на миг в месте удара, потом снова становится прозрачным.

— Я разобью все бутылки, — говорю я.

— Значит, все Охотники будут теперь видимы, но Охотниками они быть не перестанут. А ты по-прежнему останешься у меня в плену.

Что ж, пусть лучше Альянс воюет с видимыми врагами, чем с невидимками, — я набрасываюсь на пирамиду бутылок и пинками посылаю их изнутри в купол. Буря стекла поднимается вокруг меня, но купол не обнаруживает никакой слабости.

Наконец все кончено — не осталось ни одной целой бутылки. Я тяжело дышу от ярости и обиды, стоя на осколках стекла и лоскутьях кожи и наблюдая, как светлеет купол у меня над головой. Уолленд тоже стоит на прежнем месте и ухмыляется мне. Я думал, он воспользуется моментом и сбегает за помощью, но он, видно, не торопится. Уверен, гад, что я никуда не денусь.

Он садится на стул и смотрит на меня.

— Ты превратил свой дом в настоящий ад. — Он улыбается. — Сол был бы рад увидеть тебя здесь. Он тебя ждал, был уверен, что ты придешь, но я испытываю большой соблазн не говорить ему ничего, пока у тебя не кончится весь воздух. Думаю, его хватит на несколько часов. Ты долго жил в клетке, а остаток своих дней, вернее, часов, проведешь под куполом.

Я ругаюсь на него матом.

— Сол думает, что от тебя может быть толк в нашем деле, но... — он поднимает вверх обе руки, — я лучше знаю, с кем имею дело: ты просто злобный Черный Колдун, такой же, как твой отец.

— Хочешь знать, что такое зло? Сейчас увидишь. — И я выхватываю из ножен Фэйрборн и со всей силой, какая у меня есть, набрасываюсь на купол. Там, где острие ножа ударяется в прозрачную стену, она на мгновение мутнеет, а потом отбрасывает меня назад, и я приземляюсь среди осколков, которые хрустят подо мной, хотя на ощупь кажутся мягче пуха. Я встаю и снова берусь за Фэйрборн.

Уолленд подходит ближе и начинает внимательно меня разглядывать. Думаю, от него не укрылось, что на мне нет ни царапины.

Я делаю шаг, чтобы оказаться прямо напротив него, и снова наношу удар в купол. Моя рука с ножом отскакивает от него.

Он говорит:

— Ты зря тратишь время. Тебе не вырваться. Это невозможно. Магия слишком сильна.

Теперь я ухмыляюсь ему и спрашиваю:

— Спорим?

На этот раз я действую мягче. Медленно подношу кончик ножа к куполу, прижимаю его и давя изо всей силы. Меня снова отбрасывает, но уже не так резко.

На куполе ни царапины. Он только мутнеет на мгновение, но тут же снова становится прозрачным. Я чувствую, что Фэйрборн в моей руке рвется к куполу, хочет бить его, кромсать. Для него купол живой, а Фэйрборн не любит ничего живого.

Я повторяю свое неторопливое движение — на куполе по-прежнему ни следа, но я ощущаю ярость и страсть Фэйрборна. Он еще злее, чем я. Я делаю новый надрез, и купол больше не отбрасывает меня, а тонкая мутная линия на его поверхности не рассасывается чуть дольше, чем раньше, да и потом на ее месте остается едва ощутимая царапина. Вот она, слабость. Фэйрборн тоже ее почуял, он хочет проникать дальше, резать глубже.

Я повторяю надрез: медленно, с большим усилием вдавливаю острие Фэйрборна в купол и тяну нож вниз. Меня отшвыривает так, что я чуть не врезаюсь в противоположную сторону купола, зато мутная полоса сохраняется еще дольше, а царапина на ее месте оказывается глубже и длиннее прежней. Я снова давя, налегая на нож всей тяжестью своего тела, и острие Фэйрборна впивается в купол. Мои руки дрожат от напряжения, все тело дрожит, но я раскачиваю нож вверх и вниз. Купол белеет и мутнеет, а я все качаю и давя, пот льет с меня ручьями, а я продолжаю давить.

И вдруг купол трескается от края до края, трещина проходит прямо через его маковку, — длинная, кривая, молочно-белая. Я продолжаю бешено раскачивать Фэйрборн, и купол дает вторую трещину, которая пересекает первую. Тогда я выдерживаю нож и с силой ударяю им в перекрестье двух трещин, а потом подпрыгиваю и бью туда ногой, и тогда в куполе появляется дырка, через которую я вижу Уолленда. Он уже у двери. Торопится.

Я посылаю ему вслед молнию. Уолленд падает, оглушенный, но живой. Я снова бью в купол ногой, чтобы расширить отверстие. Когда я выбираюсь наружу, Уолленд уже стонет и пытается ползти.

У меня есть два варианта — убить Уолленда или взять в плен, — и я подхожу к нему и предоставляю решать его судьбу Фэйрборну.

СИНИЙ

Уолленд мертв, от бутылок, которые хранились в куполе, остались одни осколки. Никто не пришел узнать, что за шум, двери здесь толстые, к тому же мы на самом верху здания, далеко от всех.

Невидимкой я покидаю кабинет Уолленда, в коридоре тишина и пустота, как и раньше.

Теперь к Солу.

Я пробираюсь на первый этаж, к главному залу Совета, где проходили мои освидетельствования. За ним начинаются разные частные кабинеты и небольшие переговорные. Там же и кабинет Сола; надеюсь, что он сам окажется на месте. Судя по тому, что говорил Уолленд, Сол знает о моем приходе и ждет меня, для чего и собрал здесь столько Охотников.

Я уже прошел всю главную лестницу и теперь останавливаюсь в фойе. Охотники еще здесь. Я вижу среди них Габриэля. Он отлично изображает brutального Охотника. Несколько секунд я

наблюдаю за ним. Он поднимает голову и оглядывается, но не на меня.

Я сворачиваю к залу Совета и скоро оказываюсь в лабиринте коридоров, как две капли воды похожих на те, что я помню с детства: каменные стены, такой же пол и много дверей справа и слева. Я прижимаюсь к стене, пропуская патруль из Охотников, потом сворачиваю влево, а потом сразу вправо, и вот он — тот коридор и та лавочка, на которой я сидел когда-то с бабушкой и ждал.

Даже странно видеть ее теперь. Как я был унижен и напуган тогда, приходя сюда каждый год. В последний раз я сидел здесь в наручниках, а в ту, дальнюю дверь вошла Анна-Лиза со своим отцом. Наверное, это был как раз один из тех дней, когда ее привозили на допрос. Я уверен, что наша встреча была подстроена: ее специально провели этим путем, чтобы напомнить ей — я еще жив, и по-прежнему представляю угрозу для общества. Или это была тоже подстава? И она уже тогда шпионила на них?

Теперь здесь все по-другому. Около меня стоит Охотник, в дальнем конце коридора — второй. Две женщины выходят из зала Совета, они улыбаются, садятся на скамью, мою скамью. Разговаривают о детях.

Дверь в зал открыта, и, как это всегда бывало на моих освидетельствованиях, внутри у входа стоит

охранник. Я вхожу и, как в детстве, чувствую себя совсем маленьким, хотя сейчас здесь многое совсем не так. Большой стол стоит на старом месте, только теперь к нему приставили еще три, и они образуют что-то вроде квадрата. Стулья за ними в основном пусты, включая и те три, которые похожи на троны, — во время моих освидетельствований они не пустовали никогда; я уверен, что не будут пустовать и теперь: когда начнется собрание, на них усядутся Сол, Джессика и, наверное, Уолленд, хотя нет, он ведь не придет.

Надо идти дальше. Сола здесь нет, а я должен найти его, причем желательно в менее людном месте, чем это.

Возвращаясь к двери, я вдруг замечаю знакомое лицо. Правда, я всего раз видел этого человека, да и то мельком, но помню его совершенно четко. Это отец Анна-Лизы. Он постарел и как-то устал с нашей прошлой встречи. Значит, вот как выглядит человек, чья дочь то ли шпионка, то ли пленница? Или так выглядит человек, потерявший двоих сыновей? Не знаю, что бы я сделал с ним, будь у меня время, но его все равно нет. Надо найти Сола.

Женщины в коридоре еще болтают. Одна говорит:

— Я слышала, он хочет демонстрировать синий.
Другая, понизив голос, отвечает:

— Да, но на ком?

Я ухожу от них по коридору, к дальней двери. Открыть ее я не могу: рядом стоит Охотник. Приходится ждать, когда кто-нибудь выйдет, что и происходит через несколько минут. Дверь распахивается, и я успеваю проскользнуть внутрь, никого не задев.

Теперь я шагаю быстро, огибаю угол и, все время держась правой стороны, подхожу к кабинету Сола — он оказывается в точности там, где и был на нашем макете. В конце коридора стоит охранник, прямо у двери — еще один.

Я к этому готов, ведь Селия меня предупреждала. Вид у охранников скучающий, таких здоровяков, как эти двое, я еще не встречал. Хотя какая мне разница, я ведь неуязвим и невидим. Медленно и бесшумно пройдя мимо первого, я берусь за ручку двери и не спеша поворачиваю ее. Охранник, может, и не видит, как крутится ручка, но открывшуюся дверь он точно заметит. Я толкаю ее, проскальзываю внутрь, а дверь оставляю незакрытой.

И оказываюсь лицом к лицу с врагом.

Он сидит за письменным столом, в руке у него ручка. Он поднимает голову и смотрит на дверь, а кажется, что прямо на меня. Стол — настоящий монстр из красного дерева — завален бумагами, а еще на нем стоит большой стеклянный сосуд

с бирюзовой жидкостью, накрытый стеклянной пластиной.

Сол хмурится. В проеме двери за моей спиной вырастает охранник.

— Что? — спрашивает Сол. — Ты что-то хотел?

— Нет, сэр. Я... я не открывал дверь.

Сол кричит:

— Скорее подкрепление! — Но Фэйрборн уже впивается охраннику в шею. Сол вскакивает, срывает с чаши стеклянную пластину и швыряет ею в меня. Та со свистом рассекает воздух, но я посылаю навстречу ей молнию и вторую — в Сола. Другой охранник возникает в дверях, но я сбиваю его с ног разрядом электричества.

В комнате снова становится тихо. Осколки стекла устилают пол, на втором охраннике дымится куртка.

Я несколько секунд жду — вдруг еще кто-нибудь явится на шум, но все тихо, только Сол со стонами корчится на полу возле стола. Я подхожу к нему, убеждаюсь, что у него нет пистолета. Я знаю, что он не может мне повредить, просто не хочу больше громких звуков.

Первый охранник лежит в комнате, а вот второго придется втащить внутрь, чтобы никто не увидел его из коридора. Это оказывается так трудно, что мне даже становится смешно: весит он как небольшой бык. Я пыхчу, но не могу сдвинуть

его с места. Наконец, ценой просто невероятных усилий, мне удастся протащить его по полу ровно столько, чтобы закрылась дверь.

Тем временем Сол начинает шевелиться. Человек, который убил столько людей, до смерти замучил столько своих соратников, сломал столько жизней — и Черным Ведьмам, и полукровкам, не говоря уже обо мне самом, — лежит у моих ног. Фэйрборн в моей руке вибрирует в предчувствии живой крови.

Сол лежит неподвижно, только приоткрывает один глаз. Я узнаю это движение. Это жест осторожного человека, привыкшего, что за ним следят, и желающего знать, кто именно, человека, чьи мозги работают на полную катушку, пока он притворяется спящим.

Я толкаю его носком ботинка, но тут же, разозлившись на себя за свою мягкотелость и нерешительность, пинаю изо всей силы.

Он не гримасничает — судя по лицу, которое он поворачивает ко мне, он лечится. Точно, лечится: я вижу знакомое возбуждение в его глазах, на мгновение в них вспыхивают искры.

— Натан! Какой приятный сюрприз!

— Да ну?

Сол улыбается.

— Конечно, не очень-то приятно валяться тут на полу, но я давно хотел с тобой встретиться. —

Он приподнимает голову и плечи, осматривается и говорит: — Ты один, Натан? Стрельбы не слышно. Криков тоже. Это нападение?

— Где Джессика?

— Твоя сестра? Точнее, наполовину сестра. Она всегда очень щепетильно уточняет степень вашего с ней родства: не любит, когда ее называют просто твоей сестрой.

— Где она?

— Не знаю, правда.

— Она здесь, в здании?

— Она то приходит, то уходит...

Я пинаю его снова.

— Попробуем по-другому. Где Анна-Лиза?

Сол смотрит на меня с улыбкой, потом поднимается еще выше и лежит, опираясь на локти. Смотрит сначала на охранников, потом снова на меня.

— Похоже, ты владеешь больше чем одним даром. Ты можешь становиться невидимым. Можешь метать молнии. Все это дары, которые ты получил от отца. Ты съел его сердце. Наверное, это было непросто. Анна-Лиза рассказала мне обо всем, что с вами случилось.

— Где она?

— Ты пришел сюда, чтобы убить ее или освободить?

— Не твое дело. Где она?

— В безопасном месте. Которое перестанет быть безопасным, как только я назову его тебе. — Сол приподнимается еще выше и уже сидит, опираясь на руки.

Я ставлю ботинок ему на грудь и заставляю его лечь снова.

— Если не будешь отвечать на мои вопросы, не будешь жить.

— А если я скажу, что тогда будет?

— Я с ней поговорю.

— Я имел в виду, что будет со мной?

— Я как раз думаю об этом. — Но это неправда. А правда в том, что я уже вообще ни о чем не думаю. В комнате стоит какой-то запах, он мне что-то напоминает. То ли лес, то ли еще что-то. И вдруг я вспоминаю: так пахла Анна-Лиза, когда мы были вместе, так пах ее джемпер, и я вижу ее — вот мы сидим на скале вместе, она ловит лист, а я — ее, чтобы она не упала.

Я поворачиваюсь к Солу спиной и смотрю на его стол и чашу с бирюзовой жидкостью на нем.

— Что это? — спрашиваю я и обхожу стол кругом, чтобы взглянуть поближе.

— А, это мое новое зелье. Оно ни на что не похоже, и мы потратили на него уйму времени — у мистера Уолленда ведь ничего не бывает быстро, но, с другой стороны, совершенства в спешке и не добьешься. Красивое, правда? — Тут я замечаю,

что Сол опять сидит, но пусть, все равно он мне ничего не сделает. — Мы называем его синим, по понятным причинам.

— Что оно делает?

— Когда как. Может... просто изменить настроение человека, вызвать воспоминания, в таком роде.

— Как?

— Как? А как вообще работает зелье? Или ты имеешь в виду, как оно действует на тебя в данный момент?

На меня? Действует? Я вспоминаю, что хотел найти что-нибудь вроде крышки, прикрыть чашу. Я обхожу кабинет кругом, беру с полки большую нетолстую книжку и возвращаюсь с ней к чаше. Синяя жидкость кажется живой, в ней словно крутится водоворот, который притягивает меня к себе. Я трясусь головой и отворачиваюсь. Снова обхожу комнату. Мне надо что-то сделать, только я не помню, что именно. Останавливаюсь у двери и слушаю, но ничего не слышу. В руке у меня книга, зачем она, я не помню.

Сол говорит:

— Ты помнишь, что я хотел дать тебе три подарка на твой семнадцатый день рождения?

— Да. — Я никогда не мог понять почему.

— Мне очень хотелось это сделать. Я видел в тебе большой потенциал, Натан, и теперь вижу.

Ты сын могучего Черного Колдуна, но ты и сын сильной Белой Ведьмы. Многие люди замечают только одну твою половину, Черную, но я вижу обе, и понимаю, что твою Белую половину можно усилить так, что она будет доминировать над Черной. Как и должно быть. Если одна Белая Ведьма смогла стать важной частью твоей жизни, значит, твоя Белая половина сможет возобладать над Черной.

— Три подарка дал мне мой отец. Я не стал от этого чернее.

— Нет? А ты не обманываешь меня, Натан? Ты уверен, что это тебя никак не изменило?

И хотя половина моего мозга кричит мне, что это коварный вопрос и что мне незачем даже вступать в этот разговор, другая часть меня чувствует, что я должен ответить.

— Может быть.

— Вот видишь, может быть. Но я не сомневаюсь, что в тебе еще много Белого. Даже сейчас ты борешься с самим собой. Твой отец убил бы меня в первую же секунду. А ты нет. Несмотря на его влияние на тебя, твоя Белая сторона очень сильна, она продолжает сопротивляться. И мне приятно это видеть, Натан. Ты хороший человек, или, по крайней мере, можешь стать им. Ты ведь хочешь быть хорошим человеком, а, Натан?

— Я не знаю, чего я хочу.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

Зачем я это говорю, я тоже не знаю. Я спрашиваю:

— Синий, он что... в воздухе?

— Ну да, конечно. И довольно много, надо полагать, хотя у меня к нему иммунитет. Точнее говоря, я контролирую его и тех, кто им дышит. Посмотри, как он клубится в чаше, насыщая воздух своими парами. Подойди поближе, Натан, и загляни в чашу.

И хотя я знаю, что это плохая идея, я все же делаю к столу шаг, потом другой, и вот я уже стою и смотрю в стеклянную чашу, где клубится зелье.

— Ты действительно хороший человек, Натан. Из тебя выйдет по-настоящему великий колдун. Я всегда знал, что у тебя огромные задатки. Я видел в тебе человека, который сможет мне помочь. И мне хотелось бы тоже помочь тебе, в свою очередь. Ты как личность безразличен Альянсу, Натан, а мне нет. Мне очень хочется увидеть, что из тебя получится, когда ты реализуешь весь свой потенциал. Работай ты на меня, у тебя была бы такая возможность.

— Я не хочу на тебя работать.

— Со временем ты передумаешь. Ты уже передумал, Натан. Ты уже видишь, как это легко. И как приятно.

И он прав. Мне действительно приятно.

НАЧАЛО КОНЦА

Я расслаблен. Раньше я всегда был в напряжении — кажется, всю жизнь. Тем приятнее чувствовать теперь, как ослабевает это напряжение. Я перекатываю голову из стороны в сторону, разминаю плечи. Сол следит за мной. Я знаю, что ему не надо доверять, нельзя доверять, но расслабиться-то мне можно; в конце концов, я ведь неуязвим. Он ничего не может мне сделать.

Мы стоим у письменного стола. Я вдруг понимаю, что Сол держит меня за руку — наверное, это он меня к нему подвел.

— Дай мне книгу, Натан.

Я смотрю на книгу, которая у меня в руке. Я хотел положить ее на чашу, чтобы зелье больше не испарялось. Это я помню.

— Дай мне книгу, — повторяет Сол.

Не надо его слушаться. Я гляжу на чашу и вижу, как медленно вращается в ней жидкость.

— Спасибо, — говорит Сол, и я вижу, что книга уже у него.

Сол кладет книгу на стол и тянется за стаканом. Подает его мне со словами:

— Наполни его синим.

Моя рука сама берет стакан, хотя я уверен, что мне не следует этого делать. Я не хочу это делать. Странно, почему так происходит. Я озадачен. Но делать то, что велит Сол, приятно.

Стакан в моей руке окунается в зелье. Синее плещется вокруг моих пальцев. Оно не холодное, как я ожидал, а теплое.

— Теперь выпей, Натан.

Я поднимаю стакан к губам и делаю глоток. Вкус сладкий: это как сладкая теплая вода. Еще я ожидал, что пить будет тяжело и противно, а оказывается наоборот — легко и приятно. Я с удивлением замечаю, что выпил целый стакан. Ощущение тепла затопляет мне грудь, перетекает в живот, оттуда спускается в ноги, заполняет руки и наконец поднимается по шее вверх, к голове. Я снова перекачиваю ее из стороны в сторону. Я расслаблен. Мне тепло. У меня не кружится голова, мне не больно, не плохо, я не могу сказать, чтобы тело меня не слушалось, просто я очень расслаблен, но, оглядевшись вокруг, я замечаю, что комнате как будто добавили резкости. Цвета стали ярче, звуки — отчетливее.

— Должен сказать, Натан, ты на редкость уступчив.

Я смотрю на Сола. Он зло, и он мой враг, но... я могу разобраться с ним и попозже, когда будет надо.

— Натан, давай проведем небольшой тест. Я хочу, чтобы ты отдал мне Фэйрборн.

Я гляжу на нож. Мой нож. Он все еще у меня в руке. Ни за что не отдам его Солу. Откуда-то приходит мысль, что я должен убить Сола этим ножом, только теперь это кажется мне совсем неправильным. Да и Фэйрборн у меня в руке как будто лишний. Я его не хочу.

— Спасибо, Натан. — Теперь Фэйрборн в руках у Сола. Он кладет его на стол. — А теперь скажи мне, зачем ты здесь.

— Чтобы убить тебя.

— Ты один?

Тут я вспоминаю о Габриэле и решаю, что нельзя говорить о нем Солу. Надо молчать. Ничего не говорить. Но оставлять его вопросы без ответа тоже невозможно, это причиняет мне почти физическую боль.

Сол настаивает:

— Отвечай мне, Натан. Расскажи, что планирует Альянс.

— Нападение. — Я знаю, что ничего говорить нельзя, но мысли как-то сами собой становятся словами, и я слышу, как мой голос произносит: — Они придут, когда... — Когда Габриэль подаст сиг-

нал, но я не буду говорить ему про Габриэля. Хотя не говорить больно.

Сол переспрашивает:

— Когда они придут, Натан?

Я трясую головой.

— Натан, я знаю, что тебе трудно. Тебе предстоит сильно измениться. Но это будет перемена к лучшему. Скажи мне все, что ты знаешь.

Я смотрю на Фэйрборн и понимаю, что должен убить им Сола. И говорю:

— Я здесь затем, чтобы убить тебя.

— Мне кажется, ты сопротивляешься синему, Натан. Поверь, тебе станет гораздо легче, когда ты доверишься ему полностью. Мы ведь теперь с тобой на одной стороне, Натан. Я хочу, чтобы ты это понял. Пойдем в соседнюю комнату. Я покажу тебе, что там.

Он подходит к мертвому охраннику и забирает у него пистолет, потом свободной рукой берет меня за руку и подводит к двери позади стола, отпирает ее.

Дверь распахивается, и я почему-то несколько не удивлен тем, что я вижу.

Она стоит, вид у нее напуганный, и это хорошо. Она в клетке, это еще лучше. На ней ярко-желтая арестантская роба, ее запястья и лодыжки сковывают цепи, они прикреплены к прутьям задней стенки клетки.

Анна-Лиза смотрит на меня, на Сола, на пистолет в его руке, и мне становится почти смешно. Пистолет еще не самая большая ее проблема. Я посылаю молнию в пол прямо перед ней, она взвизгивает и отпрыгивает к дальней стене клетки:

— Натан! Пожалуйста, не надо! Я не хотела...

Моя молния снова ударяет в пол у самых ее ног, она опять взвизгивает. Еще раз.

— Натан, хватит, — говорит Сол, я слушаюсь его, и мне становится от этого так приятно. Делать то, что он говорит, вообще здорово, внутри разливается такое тепло. Но тут я снова смотрю на Анна-Лизу. Она в ужасе.

Я говорю ей:

— Рад тебя видеть, Анна-Лиза. Рад видеть тебя в клетке, в цепях. Не так рад тому, что ты еще жива, но, может быть, и с этим удастся что-нибудь сделать.

И снова в моей голове раздается голос Сола, он произносит:

— Нет, Натан, еще рано. Делай, что я скажу.

Анна-Лиза начинает снова:

— Натан, я знаю, что причинила тебе боль. Я не должна была делать то, что я сделала. Прости меня. Прости за вред, который я причинила тебе и Маркусу. Я сделала это, не подумав.

— Ясное дело, что же еще она может сказать? — бормочет мне Сол. — Нельзя доверять

тому, что говорит Анна-Лиза. Но я предоставлю тебе самому решать ее судьбу. Она твоя, делай с ней все, что хочешь, — только сначала докажи свою верность мне, Натан.

— Натан! — кричит Анна-Лиза. — Сол испытывал на мне зелье, то, синее. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь...

— Мне наплевать, что он с тобой делал.

— Но он использует его против тебя, Натан. Ты должен бороться.

Я снова посылаю в нее молнию, она визжит и отскакивает, как раньше.

— Не учи меня, что мне делать!

— Но ведь то же самое делает с тобой и Сол. Не позволяй ему распоряжаться тобой, Натан.

— Да, Сол говорит мне, что мне делать, и это приятно.

Сол трогает меня за руку и говорит:

— Анна-Лиза все такая же лживая притворщица, как и раньше, Натан. Но она очень соблазнительна. Уверен, тебе есть о чем поболтать с ней, и скоро ты сможешь это сделать. Я сохраню ее для тебя в неприкосновенности. — Он берет меня за руку и ведет к двери: — А сейчас идем со мной, Натан.

Анна-Лиза кричит:

— Он командует тобой, Натан! Не слушайся его приказов!

И тут я останавливаюсь. Сол тянет меня за руку. Я не знаю, что делать. Анна-Лиза стоит возле самых прутьев, так близко, как только позволяют ей цепи.

— Натан. Ты не обязан слушаться меня или кого-нибудь еще. Но не делай того, что подсказывает тебе синее. Делай только то, что ты сам считаешь правильным. То, что подсказывает тебе твое нутро.

— Идем со мной, Натан, — Сол снова берет меня за руку и уводит прочь. Сопротивляться ему нет сил, начинает болеть голова. Я оглядываюсь на Анна-Лизу, она кричит:

— Натан, пожалуйста! Борись с синим! Ненавидь его! Ненавидь так, как ты ненавидишь меня!

Я действительно ненавижу ее, но тут же вспоминаю, что я ненавижу и Сола. Как все сложно.

Анна-Лиза кричит:

— Если ты предашь Альянс, ты предашь всех своих друзей. Они все умрут. И Габриэль тоже.

Я снова оборачиваюсь:

— Даже не произноси его имя!

Сол снова берет меня за руку, но я стряхиваю его и рычу:

— Нет!

Анна-Лиза кричит:

— Если будешь слушать Сола, Габриэль умрет. Они будут пытаться его, а потом убьют. Сол этого хочет. Он хочет убить Габриэля.

Я уже совсем запутался. Не знаю, что делать. Синий такой теплый, уютный, сопротивляться ему нет сил. Я не доверяю собственному телу. Значит, остается лишь один путь, тот, который и надо было избрать с самого начала. Обратиться к своему второму «я».

И оно приходит мне на помощь.

мужчина, Сол. пятится. кричит на нас. у него пистолет. в комнате клетка, в ней девушка: Анна-Лиза. мы надвигаемся на мужчину, Сола. наши ноги сильны, спина и загривок тоже. мы разеваем пасть, привыкаем к новому чувству, щелкаем зубами. в нашем теле какое-то тепло, оно нам не нравится. мужчина, Сол, говорит. мы не понимаем слов. он отходит в сторону, подальше от нас. у него ключ, он отпирает дверь клетки. хочет, чтобы мы вошли.

девушка, Анна-Лиза, тоже двигается. и тоже говорит. голос звучит тихо, ласково. мы не понимаем. она не угрожает нам. но она не хочет, чтобы мы шли в клетку.

мы не идем в клетку.

Сол снова кричит, и мы подбегаем к нему и прыгаем. звук выстрела и визг мы слышим уже в прыжке, вцепляемся Солу в горло, чувствуем вкус его крови, слышим, как хрустят под нашими зубами его кости. Сол стреляет еще раз и еще. мы не выпускаем его горло, его кровь и пот у нас во рту. потом он обмякает и становится тяжелым.

Тело Сола падает на пол, из него вытекает кровь. Я уже вернулся назад, в свое человеческое «я», в руках у меня пистолет. Веки Сола дрожат, поднимаются. Значит, он еще жив. Я залечиваюсь, изгоняю из себя остатки зелья. В голове у меня светло, в теле приятный зуд.

Сол смотрит на меня, в его глазах еще полно серебряных осколков. Он тоже лечится. Я прижимаю пистолет к его виску, говорю:

— Умри, — и нажимаю на курок.

Я знаю, что сейчас прибежит охрана. Наверняка они уже слышали выстрелы.

Со мной снова заговаривает Анна-Лиза.

— Я очень виновата перед тобой, Натан. Прости меня.

Надо бы не обращать на нее внимание, но я не могу. Поднимаю пистолет и целюсь в нее. Она пугается, что вполне понятно, но продолжает стоять на своем.

— Правда, Натан. Мне очень жаль. Я знаю, какую я причинила тебе боль. Если бы я только могла отменить то, что сделала, но это невозможно. Сколько раз я жалела об этом.

Я продолжаю держать ее на мушке.

— Я не прощаю тебя, Анна-Лиза. Мой отец мертв. Мертв, слышишь, Анна-Лиза? И многие из Альянса тоже мертвы. Из-за тебя.

— Да, и мне приходится с этим жить. И все равно я никогда не хотела тебе зла, Натан.

В комнату врывается Охотница. Стрелок я неважный, но с такого расстояния не даю промашки. За ней бежит другая, ее напарница, она стреляет, я тоже — и снова попадаю в цель.

Я слышу крики. Скоро здесь будут еще Охотники.

Я говорю Анна-Лизе:

— Оставайся в клетке, ляг на пол, тогда тебя, может быть, не убьют.

Я выскакиваю в кабинет Сола, захлопываю за собой дверь. Нет времени думать о ней сейчас. Я бросаю пистолет и хочу стать невидимым, но тут мне приходит в голову, что пришла пора драться в открытую. Пусть видят, что ничем не могут мне повредить. Пусть боятся. Пусть знают, что это не меня ждет смерть от их пуль.

В кабинет вбегают Охотники, и я позволяю им выстрелить первыми. Комната наполняется грохотом. Они не сразу понимают, что меня не берут пули. Я посылаю в них молнию. Пара гранат подкатывается ко мне, я хватаю одну и швыряю назад, к Охотникам, так что она взрывается рядом с ними; другая взрывается возле меня, взрывная волна отбрасывает меня в сторону, но я все же ухитряюсь устоять на ногах. А когда вокруг снова становится тихо, я выпускаю вторую молнию, которая наполняет помещение треском, светом и запахом электричества. Амулет окружает меня

надежным коконом защиты. Молния, которую я произвожу на этот раз, по величине и размеру несопоставима со всем, что я делал прежде. Но я тут же обрываю представление, выхожу из кабинета и иду по коридору.

Спереди в меня стреляет какая-то Охотница. Я посылаю в нее молнию, и она падает как подкошенная. Никогда еще я не чувствовал себя таким сильным. Это еще не Сущность, о которой говорил мне Леджер, просто я вышел на новый уровень владения своими дарами. Не знаю, почему, но у меня такое чувство, как будто я наконец освободился и от Сола, и от Анна-Лизы, и все, что мне нужно делать сейчас, это идти вперед и убивать всякого, кто встанет на моем пути. Причем чем сильнее они стараются повредить мне, тем мощнее я становлюсь. Как будто я не теряю энергию, а подпитываюсь ею от моих противников.

Я подхожу к залу Совета. Охотники, которых я встречаю здесь, еще не знают, что меня нельзя ранить. Они начинают стрелять, бросать гранаты, я отвечаю им разрядами электричества, тут уже они смекают, что к чему, и разбегаются кто куда, освобождая мне путь до самого входа. В зале закрепи советники — они опрокинули набок стол и прикрылись им, точно баррикадой. У большинства есть пистолеты, двое обороняются своими дарами — один дышит огнем, другой бросает в

меня разные вещи. Так, в меня летит трон Сола, потом стулья, но в самую последнюю секунду все предметы поворачивают назад, точно срикошетив от меня. Я стою спокойно, не двигаясь, жду, что будет дальше, когда они поймут, в чем дело. Пусть видят, что им меня не остановить.

— Сдавайтесь! — кричу им я. — Сложите оружие, пока не поздно.

И тут, откуда ни возьмись, появляется Селия с пятью новобранцами, все с пистолетами.

— На колени! — вопит она.

— Сол мертв, — говорю я Селии, и она громко выкрикивает это на весь зал, чтобы все слышали. Пистолеты начинают подниматься в воздух. Сначала с оружием расстается кто-то один, потом его примеру следует другой, и вот уже сдача становится массовой. Я вижу отца Анна-Лизы, он стоит подняв обе руки вверх — я мог бы убить его за секунду. Вместо этого я подхожу к нему, плюю ему под ноги и отворачиваюсь. Селия разберется и с ним, и со всеми остальными. А мне надо сосредоточиться на Охотниках и Джессике.

Из другой комнаты доносятся стрельба и взрывы. Надо очистить от Охотников первый этаж, чтобы члены Альянса не пострадали. Но молниями теперь придется пользоваться с оглядкой, чтобы не повредить никому из своих. Я методично обхожу комнату за комнатой по обе сторо-

ны коридора. Здание огромное, помещений в нем много, стрельбы, дыма и трупов тоже. Но Охотники еще не потеряли охоты драться.

Я давно не видел Габриэля, и это меня беспокоит. Я знаю, что он уже должен был меня найти. На нем охотничья куртка, и я опасаясь, как бы в суматохе его не приняли за Охотника.

Греторекс и трое новобранцев догоняют меня, и мы впятером зачищаем комнаты и проверяем пространства между ними. И каждый раз останавливаемся, чтобы проверить, точно ли все Охотники мертвы. Так что проходит немало времени, прежде чем нижний этаж оказывается свободен. Из новобранцев двое легко ранены, один убит и один ранен серьезно. Я говорю Греторекс, чтобы они держались подальше и пропустили меня вперед.

На втором этаже становится легче. Комнаты там поменьше, планировка попроще. Я прохожу его насквозь, кабинет за кабинетом, и в результате еще десять Охотников расстаются с жизнью. Греторекс и новички проверяют трупы и места, где можно спрятаться. Габриэля по-прежнему нигде не видно, но я стараюсь не думать об этом. Я уже в самой последней комнате второго этажа, как вдруг снова раздается пальба — я выскакиваю в коридор, бегу назад и вижу в одном из пройденных мной кабинетов трех Охотниц, одна из них как раз поворачивает голову в мою сторону.

Джессика!

— Ты! — вопит она и наводит на меня пистолет.

Джессика стреляет, я отвечаю ей молнией, но ее уже и след простыл. Комнаты здесь расположены анфиладой, и я бегу по коридору к соседней двери, ожидая столкнуться с ней там, но там пусто. Может, тут есть еще другой выход, о котором мы не знаем?

Снова выстрелы, я опять выскакиваю в коридор. Еще одна новенькая лежит на полу, у лестничного пролета. Греторекс и остальные укрылись в комнате рядом.

Сверху лестницы доносится крик Охотницы:

— Отойди! Если подойдете ближе, еще один умрет. У нас заложники.

И опять я спрашиваю себя, где сейчас Габриэль, но тут же приказываю себе перестать думать об этом.

Я говорю Греторекс:

— Мне надо подняться туда.

— Тебе они не могут повредить, зато могут повредить заложникам.

— У тебя есть идея лучше?

Она трясет головой.

— По-моему, в тех комнатах тоже кто-то есть, — говорю ей я. — Джессика и с ней еще двое. Проверьте.

Я становлюсь невидимкой и поднимаюсь наверх.

В первой же комнате я натыкаюсь на Охотниц. Сколько их, сказать не могу — обзор загораживает заложница, которая стоит в дверях. Это не Габриэль. Это Адель. К ее голове с двух сторон прижаты дула двух пистолетов, тонкая веревка сдавливает горло. Я вижу, что кожа на ее шее металлически поблескивает там, где в нее впиалась веревка.

Но даже невидимкой я не могу ее спасти — ее застрелят раньше.

Значит, придется разговаривать.

Я становлюсь видимым, стрельба и крики начинаются снова, но я спокойно стою на верхней площадке лестницы и жду. Наконец выстрелы прекращаются, становится тихо.

Я кричу им:

— Ничего вы мне не сделаете! В здании полно солдат Альянса. Лучше сдавайтесь. Если убьете заложницу, я убью вас всех. Так что единственным, кто останется в живых, все равно буду я.

И тут же чувствую, как одна пуля щелкает меня по лбу, другая клует в грудь.

— Сол мертв, Уолленд тоже. Колдовские бутылки я разбил, так что становиться невидимыми вы больше не можете, хотя об этом вы уже наверняка догадались. Сделайте последний шаг — при-

знайте, что проиграли. — Еще одна пуля рикошетом отскакивает от моего лба.

— Ваши пули только злят меня, но навредить не могут. Сдавайтесь. Прямо сейчас. И отпустите заложницу.

— Мы не сдадимся. Мы уйдем. Пропусти нас, и ни она, ни другой не пострадают. Только тронь кого-нибудь из нас, и они умрут.

И они подталкивают к Адель второго заложника. На нем черная охотничья куртка, но вид обычный, волосы закрывают лицо, из уха стекает кровь. Дуло пистолета давит ему на висок, горло стягивает удавка. Охотница за его спиной не столько держит, сколько поддерживает его, не давая ему упасть. Он смотрит на меня, и я понимаю, что ради его свободы пойду на все. Если, конечно, это он.

— Габриэль, скажи мне хоть слово, — говорю я. — Дай мне знать, что это правда ты.

Он приваливается к Охотнице позади него, смотрит на меня и полузадушенным голосом, так, что я едва разбираю слова, сипит:

— Тебя давно не было. Где ты пропадал? — Он говорит это в полубреду, явно борясь с забывьем и удушьем.

— Я пропал, но не навсегда, — отвечаю я, а сам чувствую, что все кончено.

Кто-то из Охотниц вопит:

— Мы уйдем через проход. Только попробуй сделать что-нибудь, только подними на нас руку — и они мертвы. В проход войдем мы все, заложников заберем с собой. Пойдешь за нами, и они умрут.

Охотницы выходят в коридор, их восемь. От меня они прикрываются заложниками.

А я ничего не могу сделать. Дуло пистолета давит Габриэлю на висок. Дрогнет у Охотницы рука, и ему конец. Надо остановить время. Тогда я смогу избавиться от Охотников без всякого риска.

Я должен сосредоточиться. Я тру ладони по кругу и стараюсь думать о неподвижности, но все, что я вижу, это Габриэль и пистолет, прижатый к его виску. А Охотники уже вопят:

— Он что-то делает! Что он делает? — И забиваются в последнюю комнату по коридору, а я не могу остановить время, зато становлюсь невидимым и бегу за ними. Они уже в комнате, у дальней стены, возле полок с книгами. Двое исчезают в проеме. Я снова пытаюсь сосредоточиться, тру ладонью о ладонь и думаю о неподвижности, но мои глаза продолжают следить за Охотниками. Еще одна пара уходит в проем. Остались всего две Охотницы, одна держит Габриэля, другая — Адель.

Я продолжаю тереть ладонью о ладонь. Думаю о неподвижности, только о неподвижности. Спо-

койно, не спеши, выдохни. Но и это не помогает. Я знаю, что я не сосредоточен. И не смогу сосредоточиться.

Охотница, которая держит Габриэля, уже нагибается, чтобы пройти в проем. Придется рискнуть. Невидимый, я бросаюсь на нее и ударом руки направляю ее пистолет вверх, подальше от Габриэля. Грохочет выстрел, я ударяю Охотницу Фэйрборном в шею, свободной рукой посылаю молнию во вторую, которая держит Адель. Габриэль лежит на полу. Он жив. Я разрезаю веревку у него на шее, и он с облегчением хватается ртом воздух. Я смотрю на Адель. Она лежит без сознания, как и ее Охотница.

Шея Габриэля красная от натершей ее веревки.

— Ты в порядке? — спрашиваю я его.

— Ранен, — говорит он.

— Что? — Я рывком распахиваю его куртку. На рубашке кровь. — Ты можешь залечиться? — спрашиваю я его.

— Пытаюсь.

— Греторекс, мне нужен Арран! — кричу я. Не знаю, слышит ли она, но я не хочу оставлять Габриэля ни на секунду. — Греторекс! — снова ору я. — Позови Аррана! — Я снова поворачиваюсь к Габриэлю и осторожно раздвигаю на нем рубашку. Крови много, но рана, судя по ее виду, не так

плоха. Она похожа на длинный неглубокий порез вдоль бока, но пули в нем нет.

— С тобой все будет в порядке. У тебя просто оцарапан бок. Пули внутри нет. Только чуть-чуть охотничьего яда.

— Значит, я буду жить?

— Определенно. — От радости меня начинает бить дрожь. Помощь ему, конечно, все равно нужна, но он не умирает.

— Греторекс! Позови сюда Аррана! Скорее! — кричу я во весь голос.

Ответа нет. Я прислушиваюсь и хочу закричать снова, как вдруг слышу в конце коридора стрельбу.

Адель уже встает, хотя ее еще пошатывает. Выстрелы стихают.

Габриэль пробует сесть. Он говорит:

— Мне уже не так плохо.

Я говорю ему:

— Адель через минуту пойдет и найдет Аррана. А ты пока полежи. Если Греторекс не придет сама, я пошлю за ней Адель.

— Ты меня звал? — Это Арран. Сидя спиной к двери, я оборачиваюсь на его голос. Наши взгляды встречаются, я вижу в его глазах тревогу, но, едва я успеваю сообразить, что на нем охотничья куртка, как он выхватывает из-за спины пистолет и начинает стрелять в меня.

Джессика!

Я посылаю в нее молнию, но мне мешает Адель. Она оборачивается, бросается на пол, откатывается влево и стреляет одновременно. В комнату вбегают еще две Охотницы — отстреливаясь на ходу, они бегут к проходу. Я прикрываю собой Габриэля и посылаю в Джессику вторую молнию. Она падает. Одна из Охотниц прыгает в проход, вторая хватается за ее ботинок, и обе исчезают. Джессика лежит, я бью в нее электрическими разрядами, но она продолжает стрелять. Я чувствую, как что-то ударяет мне в грудь, сдвигаюсь в сторону, чтобы лучше прикрыть собой Габриэля, посылаю еще молнию, Джессика снова стреляет, и я ощущаю, как что-то щелкает меня в плечо раз, потом другой. Джессика горит, дым идет от ее волос и куртки, наконец она меняется, превращаясь из Аррана в самую себя, и дальше уже лежит тихо.

Адель снова на ногах. Она не ранена.

— Натан... — Габриэль зовет меня очень тихо, и я оборачиваюсь на его зов.

Он лежит на полу и смотрит на меня снизу вверх. Его глаза встречаются с моими, и я вижу, что несколько его не защитил. Кровь так и хлещет из его ран. Пули Джессики, отклоняясь от меня, изрешетили ему грудь. Я зову Аррана, настоящего Аррана, говорю Габриэлю, чтобы он лечился. Он должен лечиться до прихода Аррана. Если Арран

поспешит, с Габриэлем все будет в порядке. Глаза Габриэля открыты, он смотрит на меня, я склоняюсь над ним и говорю ему, что все будет хорошо, что Арран вот-вот будет здесь, но он шепчет:

— Не могу... — Я твержу ему, чтобы он лечился, что он должен, что Арран сейчас придет, но понимаю, что он меня уже не видит, кровь лужей стоит вокруг его живота, и я прошу его, чтобы он не оставлял меня, твержу, что я этого не вынесу, и он это знает. Я беру его руку, переплетаю наши пальцы, изо всех сил сжимаю их, но не чувствую ответного пожатия. Его глаза открыты, в них еще вращаются золотинки. Медленно, но вращаются. Я опять зову Аррана, ору во весь голос, и Арран наконец появляется. Грудь Габриэля в крови, и Арран говорит, что надо сначала вынуть пули, а я говорю Габриэлю, что это недолго, надо потерпеть совсем немного, и Арран делает на груди Габриэля надрез, погружает в него пальцы, но Габриэль даже не морщится, только золотинки в его глазах движутся все медленнее, и тогда я кричу ему, чтобы он не смел умирать, кричу все громче и громче, а Арран пока вытаскивает пулю и снова режет, и тогда Габриэль издает звук — еле слышный, я только понимаю, что это мое имя, и он смотрит на меня, а золото в его глазах взблескивает все реже и реже, и Арран говорит, что не может достать вторую пулю и что там, наверное, есть еще одна.

Я должен остановить время. Если я смогу, Арран вытащит пулю. Я тру ладонью о ладонь и думаю о неподвижности, но ничего не происходит, и я понимаю, что не сработало. Пробую снова. Думаю ни о чем, о покое. Я должен это сделать. Должен успокоиться, и тогда у меня получится. Я снова двигаю руками, снова думаю о неподвижности, и наступает тишина. Замирает все. Включая Аррана. Я не знаю, как сделать так, чтобы заклятие его не тронуло, и не знаю, как извлечь пулю. Я смотрю Габриэлю в глаза и вижу в них всего две золотые искры. Я говорю ему, что люблю его, что он нужен мне, обнимаю его, целую, но знаю, что время надолго не удержать, и когда я целую его в последний раз, время начинает идти, Габриэль смотрит на меня, а искры в его глазах все тускнеют и тускнеют, пока не гаснет последняя.

ПРЫЖКИ С УТЕСА

Мы в Уэльсе. Арран тоже с нами. Большую часть дня он готовит разные снадобья, а остальное время тратит на то, чтобы заставить меня их выпить. Они нужны для того, чтобы я успокоился и заснул, но я хочу только одного — быть с Габриэлем. Когда я с ним, я и так спокоен и мне не надо спать. Габриэль все время купается или лазает по скалам, и я, если буду спать, не смогу быть с ним. Сегодня солнечный день, и я сижу на пригретой солнцем траве у озерка, о котором рассказывал Габриэлю. Он плавает. Ему тут нравится. Хорошее место. Жары еще нет, но весна уже наступила. Мы провели здесь две ночи, Арран, я и Габриэль. Арран спит в палатке. А я построил нам логово из стеблей ежевики, как делал мой отец. Мы с Габриэлем разводим в нем костер, укрываемся бараньими шкурами. Отличное жилище. И вовсе не такое убогое, как кажется, — отец был прав. Я уже научился выращивать колючки совсем быстро. Так что на логово у меня уходит всего несколько ми-

нут. Я знаю, что и остальные дары моего отца даются мне теперь так же легко, вот только молний я больше не хочу. И огня тоже. Костер я развожу спичками. Габриэль улыбается, когда видит это. Он вообще все время улыбается.

Я сижу на траве и наблюдаю за ним. Скалы в одном месте спускаются прямо к озеру, он выбирается на них из воды и лезет наверх. И, конечно, немножко рисуется. Мне нравится на него смотреть.

Я не свожу глаз с Габриэля, и меня начинает бить дрожь. Я засовываю руки в карманы и нахожу в одном из них камень. Вынимаю его: это белый камешек для Анна-Лизы.

Я месяцами раздумывал о том, что я с ней сделаю, как накажу ее, когда встречу, и вот, ничего не вышло. Мой отец наверняка убил бы ее, но мне почему-то кажется, что он понял бы, почему этого не смог сделать я. Я люблю его, и ненавижу ее, и все же я не смог ее убить.

Селия с Бобом вывели у Клея и Анна-Лизы всю правду. Она не была шпионкой. Хотя ее, конечно, пытались использовать, но она отказалась. Найти квартирку в Женеве Клею помог полукровка по имени Оскар, одна Охотница с чутьем на проходы и немного удачи. Так что Анна-Лиза тут ни при чем.

Габриэль уже почти на самой вершине. Там есть небольшой выступ, на который он особенно любит забираться.

Я вынимаю из кармана белый камень, отвожу руку назад, изо всей силы запускаю его как можно дальше и смотрю, как он пробивает поверхность воды и тонет.

Габриэль наверху. Он машет мне, а я ему. Он перегибается через край утеса, притворяется, будто теряет равновесие и падает, а в полете превращает свое падение в грациозный прыжок. Ну, точно, рисуется. Так бы и смотрел на него вечно. Вот он уже плывет назад, к утесу, наверное, хочет проделать ту же самую штуку снова.

Арран говорит:

— К нам кто-то идет. — Я не знаю, кто это, и что ему от нас нужно, и что нам делать — хватать Габриэля и бежать, или еще что. Арран подходит ко мне поближе. — Не паникуй. Все в порядке. По-моему, это Адель, и с ней еще кое-кто. — Он берет меня за руку, я смотрю ему в лицо, потом оборачиваюсь. Отсюда хорошо видно почти всю долину, и путники еще далеко.

— Это Леджер, — говорю я Аррану, и вижу, что вокруг никого больше нет — только он и приближающаяся Адель с Леджер.

Когда они подходят, я уже дышу ровно, а рядом со мной сидит Габриэль.

Арран встает им навстречу, но мы с Габриэлем остаемся сидеть. Они разговаривают, но я их не слушаю, а потом Леджер садится на траву возле

нас. Он такой, каким я видел его раньше: тот же светловолосый паренек.

Он говорит:

— Мне жаль, что так случилось с Габриэлем.

Я трясую головой, потому что он не прав. И говорю:

— Ничего с ним не случилось.

Арран тут же оказывается рядом, он шепчет мне «тише, тише», и говорит:

— Не волнуйся, Натан.

— Вечно он твердит свое: не волнуйся да не волнуйся, — говорю я Леджер.

И оглядываюсь на Габриэля, но его нет, и я спрашиваю:

— Куда девался Габриэль? — Арран дает мне зелье, но я не хочу его пить и выливаю на землю. Мне надо найти Габриэля, но я знаю, что должен вести себя спокойно, иначе Арран все же заставит меня выпить его снадобье, и тогда я сразу устану и совсем не буду видеть Габриэля.

Так что я напускаю на себя нормальный вид и смотрю прямо в глаза Аррану.

Леджер говорит:

— Мне хотелось снова увидеть тебя, Натан. Бутылка разбита. Я принес тебе твой палец. Я ведь обещал, что верну его тебе.

Арран отвечает за меня:

— Хорошо.

Я изо всех сил стараюсь не оборачиваться и не искать Габриэля взглядом. У меня такое чувство, что он решил еще поплавать. А Леджер с Арраном продолжают твердить что-то о моем пальце. Тут вмешивается Адель:

— Я видела Селию. Она занята наведением порядка. Они там учреждают какой-то Совет Истины и Примирения.

Арран говорит, что это хорошая новость, а я понятия не имею, о чем они.

— Она говорит, что кое-кто из Охотников еще в бегах, но большинство уже сдались и подчинились ее власти. Она будет возглавлять Совет до тех пор, пока новые механизмы не заработают в полную силу. А Греторекс теперь главная в Альянсе Новых Охотников. Их будет совсем немного, и они будут выполнять функции полиции, как и задумывалось с самого начала. Только теперь в Альянс будут принимать всех: и Черных, и полукровок. — Потом Адель добавляет: — Селия предлагает вам перебраться. Она нашла Натану отличное место. Уэльс ему не подходит. Здесь еще есть те, кто может захотеть ему навредить. Его слишком просто найти.

— Мы переедем, — отвечает Арран. — Скоро.

Леджер опускается на колени совсем рядом со мной и говорит:

— Я здесь для того, Натан, чтобы просить тебя пойти со мной.

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

Не знаю, что ему сказать. Конечно, никуда я с ним не пойду.

Вмешивается Арран:

— Над этим предложением стоит подумать, Натан.

Я не хочу о нем думать.

— Сейчас пока не время, — говорит Леджер. — Я это вижу, но хочу сказать тебе, что жду тебя всегда.

Арран отвечает за меня:

— Спасибо.

Леджер тянется за моей ладонью. Рука у него прохладная. Он говорит:

— Натан, если тебе нужна помощь, ищи ее в земле.

Но я уже его не слушаю. Я снова заметил Габриэля, он выбирается из воды у подножия утеса и наверняка хочет прыгнуть еще раз, и я знаю, что это будет красиво.

Мы покидаем Уэльс на следующий день. Сначала поездом во Францию, оттуда еще куда-то. Габриэль говорит, что мы должны съездить в Австралию, в гости к Несбиту, я передаю его слова Аррану, но он отвечает:

— Габриэль умер, Натан. Ты должен с этим смириться. — Но для меня это пустые слова. Ведь Габриэль сидит рядом со мной и кончиками пальцев гладит мне тыльную сторону ладони.

КОНЕЦ

Теперь я живу здесь. Один. Мне полегчало. По крайней мере, Арран так считает, хотя я в этом не уверен. Габриэль лежит у реки, в двадцати метрах от берега, на опушке леса, там, где начинается луг. Ему бы понравилось. Место укрыто от ветров, с видом на юг. Я сам вырыл могилу, копал долго, чтобы она получилась глубокой. Он был тяжелый и почему-то не такой высокий, как я ожидал. Я заранее распланировал, как буду опускать его туда, и все равно пришлось его затаскивать. Он сопротивлялся. Не хотел в эту дыру. Кольцо, которое я ему подарил, так и осталось у него на пальце. И будет с ним всегда.

Я часто сижу с ним рядом, рассказываю ему, что происходит. Не вслух; звук собственного голоса кажется мне странным, неестественно громким. Если подумать, то я вообще давно уже не разговариваю, наверное, несколько месяцев. И когда я пытаюсь произнести какие-то слова, голос звучит хрипло. Короче, я мысленно рассказываю ему обо

всем, что происходит, то есть в основном о том, какое сегодня небо — серое или голубое, и как бежит река — быстрее, чем вчера или медленнее, — и что вода в ней сегодня чище, и даже журчит она как-то прозрачнее, чем день назад, и что мне повстречалась водяная крыса и целое семейство выдр. О себе я стараюсь особенно не распространяться — он и так все знает. Он всегда знал меня лучше, чем я сам.

И мне так этого не хватает, его знания меня. Мне вообще его не хватает. Не хватает его взгляда, каким он смотрел на меня, и того, как он смотрел на других, не хватает его смеха, улыбки, того, как он стоял, как ходил. Как он дразнил меня и как насмеялся надо мной. Не хватает того, как он читал стихи. Как говорил. Никогда больше не поднимет он голову и не поглядит на меня, когда я прихожу, не улыбнется, никогда больше я не услышу, как он спрашивает, в порядке ли я, никогда больше не коснусь его, и никогда он не обнимет меня, не поцелует, не заговорит со мной, не развеселит. И от этой мысли мне делается так больно, что я становлюсь зверем. Тогда я, по крайней мере, забываю о Габриэле, забываю обо всем человеческом и просто живу, ем, дышу. И все же мне хочется оставаться человеком, хочется продолжать думать о нем, ведь так я ощущаю, что он продолжает где-то жить, пусть даже только в моей памяти.

Снова вернулись кошмары. Снится почти одна Джессика. Она наставляет на меня пистолет, а потом резко перебрасывает руку и стреляет в Габриэля, хотя я кричу и умоляю ее не стрелять, и с этим просыпаюсь. И хотя Габриэль умер уже давно, мне опять и опять снится, как он умирает. И каждый раз я переживаю его смерть заново.

Я не рассказываю об этом Габриэлю, никогда. Говорю ему только про то, что делал, пока был животным, особенно орлом. Это самое лучшее. Еще я могу превращаться в рыбу, только ощущение странное, поэтому я рискнул всего дважды. Причем во второй раз только для того, чтобы доказать себе, что я не трус и не боюсь быть рыбой. Но, наверное, я все же трус, потому что больше с тех пор рыбой не был. Правда, цыпленком я тоже никогда не был.

Я здесь уже давно. Могила Габриэля заросла травой. Я думаю, что хорошо бы вырастить рядом с ней дерево. Дубок или, может быть, орешину.

Как-то раз, в самом начале Альянса, во время тренировки, мы с Греторекс спрятались в кучке тесно стоящих ореховых стволов. Новобранцы должны были выследить нас и напасть. А они все не шли и не шли. Греторекс и я стояли, слушали и ждали, а пока мы ждали, вокруг нас по стволам и веткам носилась пара белок.

Наконец одна из новеньких все же отыскала наш след. Мы уже слышали их шаги. Они были совсем зеленые, те новенькие, и топали, как слоны. И вот когда мы были уже готовы наброситься на них сами и Греторекс повернула ко мне голову, точно хотела спросить: «Ты готов?», одна белка вдруг взлетела по моей штанине и рубашке мне на плечо, оттуда скакнула на голову, сильно оттолкнулась от нее лапками, больно дернув меня за волосы, прыгнула на ближнюю ветку и помчалась дальше. Греторекс аж прыснула. Чуть нас не выдала. Новичков мы, правда, все равно побиили. Но по дороге в лагерь она спросила, умею ли я притворяться деревом. Конечно, она шутила, приговаривая:

— У тебя так хорошо получается.

Я не спешил с ответом.

— Ты задумался, — продолжала она. — Так ты можешь стать деревом?

— Я превращаюсь в животных — тебе это известно.

— Но они ведь тоже живые... деревья. Так что... вдруг?

Я лежу у могилы Габриэля всю ночь и большую часть дня, когда не охочусь. Лежу и думаю о том, бывают ли счастливы деревья, об их корнях, уходящих глубоко в землю, о том, как они берут из нее разные элементы и саму жизнь, и мне при-

ходит в голову, что, может быть, деревья как раз и есть самые счастливые на свете и что, наверное, я тоже был бы счастлив, если бы смог дотянуться до него корнями, если бы его тело могло влиться в меня, перейти в меня хотя бы отчасти, ведь тогда какая-то доля его жизни, его сути стала бы моей. А еще я вспоминаю ту пику, которая пронзила мое сердце и ладонь Габриэля, соединив нас с землей, и думаю о том, что в тот краткий миг, пока мы были едины, все было прекрасно.

Ко мне приходят гости: Адель и Арран. Приносят разные вещи. Еду: джем, арахисовое масло, фрукты. И кое-что из одежды: две пары джинсов, две футболки и куртку. Куртка немного великовата, но это ничего.

Арран хорошо выглядит, стал еще красивее, чем раньше, — мне так кажется. И все такой же мягкий и добрый. Они подходят совсем близко, Арран улыбается и делает ко мне шаг, точно хочет обнять меня, но я почему-то пугаюсь, сам не пойму почему. Рядом с ним мне нечего бояться. Не знаю, что на меня вдруг нашло. Я вспоминаю время, когда Габриэль умер и Арран поил меня зельем. Я не хотел пить — мне нужен был Габриэль. И тут я понимаю, что держусь рукой за Фэйрборн, Арран стоит неподвижно и смотрит на меня, а у Адель сконфуженный вид. Нет, я бы

никогда не причинил им зла, просто у меня такая реакция. Я знаю, что мне надо успокоиться, хотя я и так почти все время спокоен.

Арран спрашивает меня, где я живу. Он и в прошлый раз спрашивал меня о том же самом. Думаю, он за меня беспокоится.

У меня есть логово, рядом с могилой Габриэля. Оно сделано из ветвей ежевики, которые я нарастил так густо, что сквозь них не проникает ни ветер, ни дождь. Когда сыро, я сплю там, и там же развожу костер, а так я сплю в основном под открытым небом. У запасного выхода горит огонь. У меня три аварийных тоннеля, один короткий и два очень длинных, и широкий основной вход.

— Натан, скажи нам, пожалуйста, где ты живешь? — повторяет Арран.

— Нет. — Надеюсь, что на этом расспросы кончатся. И думаю, скорее бы они ушли. Но они не спешат, а продолжают говорить, рассказывать мне о том, что делается в мире. В новый Объединенный Ведовской Совет входят теперь Черные и Белые Ведьмы и полукровки. Новый Альянс Охотников — это совсем небольшой отряд, который работает как полиция и во всем отчитывается перед Советом. Теперь в него принимают и Черных, правда, они пока не спешат вступать. Но Арран считает, что рано или поздно это случится. Трое полукровок там уже есть. Возглавляет новых

Охотников Греторекс. Боб живет на юге Франции и снова рисует. Несбит женился. Я ни о чем их не расспрашиваю, ни о чем и ни о ком — они просто рассказывают.

Потом наступает долгая пауза, и я вспоминаю, как разозлился однажды на Несбита, а Габриэль встал тогда между нами. В руке у меня был Фэйрборн, и Габриэль сказал Несбиту, чтобы он уходил. Не помню, где это было. В каком-то замке. Еще до того, как Габриэль получил обратно свой дар. И раньше, чем я научился справляться со своим собственным. В волосах у меня засохла кровь, налипли какие-то ошметки. Габриэль наклонился тогда ко мне и коснулся моих волос.

Арран говорит:

— Мы принесли тебе новости от Анна-Лизы.

Я почти забыл о ней. Я жду, а сам смотрю на деревья и наблюдаю, как они шевелятся на ветру, как впитывают тепло солнца.

— Она выходит замуж.

Я перевожу взгляд на Аррана, чтобы проверить, не шутит ли он.

— Его зовут Бен. Он фейн.

Интересно, как давно она с ним познакомилась. Хотя я даже не знаю, сколько времени я уже здесь. Сколько времени прошло с тех пор, как не стало Габриэля. Я гляжу на свои руки и думаю о том, какими они кажутся старыми. А вот Арран нисколько не постарел.

— Он американец. Они познакомились в Нью-Йорке. Анна-Лиза переехала туда сразу после того, как отбыла срок в тюрьме. Она просидела в тюрьме год. — Арран умолкает. Я знаю, ему интересно, что я об этом думаю, но мне все равно, меня это не касается. Он продолжает: — Анна-Лиза сообщила, что они поженятся в сентябре. На свадьбу мы не поедем: это церемония для фейнов, ведьмы не приглашены.

Я снова смотрю на деревья, на ручей и вспоминаю, как давным-давно лежал на выступе скалы, поджидая, когда она пройдет из школы, и как мечтал жениться на ней и прожить с ней до конца своих дней. Я уже тогда знал, что это невозможно, но такие мысли приносили мне радость, и я думал и думал о том, как мы будем жить в тихом и спокойном месте, похожем на это, на берегу красивой реки, и как будем счастливы всю оставшуюся жизнь. А теперь она живет в Нью-Йорке и выходит замуж за фейна.

Я говорю Аррану:

— Я бывал в Нью-Йорке. С Габриэлем. Мы пешком шли на вокзал. — И я вспоминаю, как Габриэль затащил меня в какой-то переулок, прижал там к стене и целовал. А потом мы сидели в вокзальном кафе, он рассказывал мне о своей семье, а я потрошил сахарные пакетики — я тогда нервничал, сильно нервничал из-за встречи с Леджер, и Габриэль знал это, и теперь мне кажется,

что если я посижу тихо, то снова почувствую его пальцы на своей руке.

Арран вытаскивает из кармана джинсов клочок бумаги.

— Анна-Лиза прислала мне это письмо, в котором сообщает о своей свадьбе и еще кое о чем.

Я смотрю на Аррана и говорю:

— Я был в Нью-Йорке с Габриэлем. Мы там садились на поезд.

— Да, Натан, я знаю, но мне надо сказать тебе еще кое-что. — Арран придвигается ко мне, и я понимаю, что он хочет взять меня за руку или что-то вроде, но с места не двигаюсь. Только говорю:

— По-моему, вам пора. Скоро стемнеет.

— Натан. Я еще не все рассказал тебе об Анна-Лизе.

— Вам пора. Скоро стемнеет. Вы ходите медленно. Заблудитесь в темноте.

— Она родила ребенка. Сына.

— Уходите.

— Его отец ты.

— Арран, пожалуйста.

— Его имя Эдж.

Я трясую головой. Эдж — фамилия моего отца, а еще это название скалы, где мы встречались с Анна-Лизой.

Арран продолжает:

— Пока она сидела в тюрьме, ей не позволяли его видеть, но теперь она забрала его к себе. Она

говорит, что обязательно расскажет сыну о его отце. Она хочет, чтобы он знал о тебе.

И я понимаю, что это правда, а еще что для него было бы гораздо лучше никогда не слышать обо мне. Хотя я на его месте обязательно захотел бы узнать, кто мой отец.

Я говорю:

— Пусть расскажет. Пусть расскажет обо всех тех, кого я убил и кому сделал больно. Пусть расскажет о тех, кто умер по моей вине. Только пусть не забудет сказать, что это по ее вине умер его дед. Что это из-за нее мне пришлось убить его. Пусть в точности опишет ему все, что мне пришлось из-за нее сделать.

Арран кивает, и мы еще какое-то время сидим рядом, а потом он говорит:

— Через полгода мы придем снова. Я скучаю по тебе, Натан. Всегда скучал.

И он все-таки обнимает меня, а я не сопротивляюсь. Я не хочу думать об Анна-Лизе и о том, что с ней связано, но я хочу вспоминать то время в Нью-Йорке, вокзал и пальцы Габриэля, ласково глядящие меня по руке. Я вспоминаю, как он был нежен, а когда открываю глаза, уже темнеет, и Арран с Адель ушли. Я иду по их следу. До дороги далеко, но я скоро их нагоняю. Они идут медленно, держась за руки, а я держусь поодаль, чтобы они меня не заметили, и так провожаю их до тех пор, пока не убеждаюсь, что они не заблудились.

Арран и Адель навещают меня дважды в год. Весной и осенью. Были уже шесть раз. Приносят мне подарки: еду, одежду, карандаши и бумагу для рисования. А еще новости о том, как работает новый Объединенный Совет, сколько в нем уже Черных, какие возникают проблемы и как они решаются. Рассказывают мне о сыне. Анна-Лиза пишет Аррану и присылает фото, которые он показывает мне. Мой сын, Эдж, сильно похож на меня, мне кажется, — те же черные волосы, смуглая кожа, только глаза не такие беспросветные. На фото он всегда улыбается, вид у него счастливый. И я почему-то понимаю, что, повстречай он меня, его улыбка погасла бы. Я вспоминаю Маркуса и как я хотел его увидеть, когда был маленьким, а потом думаю о том, как съел его сердце и о прочих ужасах, которые мне пришлось сотворить. Не хочу, чтобы мой сын когда-нибудь испытал такое.

Мне приятно видеть Аррана и Адель — и разговариваю я с ними вроде бы нормально. Арран говорит, что мне уже гораздо лучше, но я этого не чувствую. Каждый день мне страшно не хватает Габриэля. Но я помню его слова о том, что должен пользоваться своим даром. Так я и делаю, и дар действительно приносит мне облегчение. Я часто превращаюсь. Как-то раз я целых два месяца был бродячей собакой, и мне стало даже почти хорошо. Но теперь я становлюсь зверем всего на день, не больше. Чтобы поохотиться и поесть. И все равно каждый день без Габриэля — мука. А еще я

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

вспоминаю слова Леджер. О том, что в земле все ответы. Я знаю, что это правда. Знаю, что могу коснуться Сущности, которая есть в земле и во мне. Я знаю теперь, что мне делать, но время еще не пришло.

Через пару недель после Аррана у меня появляется еще гостья. Хотя вообще-то приходит она совсем не ко мне, просто заявляется сюда и начинает строить тут свою чертову хижину. Я сразу понимаю, что она задумала, когда вижу, как она валит в лесу огромные деревья и перетаскивает их сюда на здоровенной лошади, на которой приехала. Коняга ей под стать, для нее только такая и годится.

Я наблюдаю за ней издали, а сам гадаю, знает она, что я на нее смотрю, или нет. Хотя можно не сомневаться: наверняка она почуяла меня с первой секунды. Походка у нее все та же: легкая, как у танцовщицы, несмотря на ее габариты.

За месяц она отстраивает почти всю хижину. Маленькую — но куда ей больше? — одной-то... И так — пара комнат, наверное. Каждое утро она готовит на улице завтрак. Притащила с собой горю всяких банок и пакетов, но, думаю, когда своими руками строишь дом, забот и так хватает, тут не до охоты и не до рыбной ловли.

Я еще не говорил с ней, даже не подходил близко. Пожалуй, отнесу ей завтра пару кроликов.

Я ЧИТАЮ ЕМУ

Есть луг волшебный, что лежит вне круга
Понятий наших о добре и зле.
Ищи его! Там встретим мы друг друга.
Мы встретиться не можем на земле.
Когда обняли душу травы луга,
Мир так наполнен, что слова пусты.
Язык, идеи, фраза та: «друг друга» —
Смысл потеряли. Нет ни «я», ни «ты».

Джалаледдин Руми¹

У меня никогда не было детей. Я никогда их не хотела, и Натан не мой сын, но за него я чувствую ответственность. И всегда буду чувствовать, возможно, даже больше, чем если бы он был моим сыном. Я всегда останусь его наставницей и учительницей. Я увидела его совсем близко сразу, как только перебралась сюда из Лондона, сдав там все дела новому главе Совета. А до этого мы не встречались три года. Он изменился. Стал

¹ Пер. И. Бугаева.

старше, но возраст лишь добавил ему отстраненности и дикости. До сих пор помню, каким он был щуплым парнишкой в нашу первую с ним встречу. Правда, глаза у него все те же: темные и чужие.

В свой первый приход сюда он принес двух кроликов. Подошел и протянул их мне с таким видом, как будто хотел просто показать, а не подарить, а я сказала, что вареными от них больше толку. Тогда он разжал ладонь, кролики упали на землю, а он развел костер и сел перед недостроенной хижиной свежевать тушки. Потом приготовил рагу из крольчатины с теми овощами, какие у меня были — луком и морковкой, — сам принес из леса дикий чеснок и тимьян. Получилось вкусно. Вспоминаю хлеб, который он пек, еще когда я держала его в клетке, — у него и это хорошо получалось.

Работая, он закатал рукава. Я почти забыла, какие у него жуткие шрамы. Ужасные шрамы и уродливые черные татуировки. Пока рагу тушилось, он смотрел, как я работаю, потом мы поели, и он ушел. Так и не сказав ни слова.

Это было весной прошлого года. Сейчас конец лета. Хижина закончена, в ней есть плита и кровать. Каждый месяц я езжу за провизией, и однажды Натан попросил меня привезти ему каран-

даши и бумагу. Сказал, что Арран привозил, но те уже все вышли. Он рисовал меня, мою хижину и цыплят, рисовал каждый день, прямо как будто отчет о моей здешней жизни делал. Он попросил меня сохранить его рисунки, и я сначала подумала, что надо просто держать их под крышей, подальше от дождя, но потом поняла, что он имеет в виду другое. Он сказал:

— Это для моего сына, для Эджа.

Он никогда раньше не говорил о своем сыне. Раз я спросила, не хочет ли он его увидеть, но он ответил:

— Не могу. — После этого он взялся за портреты. Сначала нарисовал меня, и, конечно же, Габриэля, красивого, как в жизни. А потом нарисовал всю свою семью: Аррана, Дебору, их бабушку и даже Джессику. На каждом рисунке он корявыми буквами старательно выписывал имя, а внизу прибавлял: «Эджу. От Натана».

У меня скопилось уже много портретов: Ван, Несбита, Пайлот, Боба, Эллен, Греторекс, Адель, даже Меркури, и еще других. Все сделаны по памяти и все превосходны. Наконец он нарисовал Маркуса — точную копию Натана, только старше, — а себя рисовать так и не стал. Однажды я предложила ему сделать автопортрет, но вместо этого он нарисовал пейзаж. Раньше

его пейзажи всегда были слабее портретов, но этот очень красивый: здешняя река и холмы за ней, на переднем плане луг, а на нем одинокое кривое дерево.

Издаലെка я видела, где он живет, но близко никогда не подходила. Знала, что он не хочет. Как-то раз, когда у меня уже были куры, я взяла яйца и понесла их ему в подарок, думая, что, может быть, он подпустит меня поближе, но он встал и смотрел на меня молча, словно защищая свой дом, и я поняла, что не стоит заходить на его территорию. Я крикнула:

— Яйца! — и положила их на землю. Я не знала, как быть дальше, и потому просто отдала честь, как нас учили, когда я готовилась в Охотницы. Сама не знаю почему: я уже много лет не делала ничего такого. Натан не стал отдавать мне честь — это не в его духе, — но поднял в ответ руку. Для меня этот его жест значил больше, чем все слова, которые он сказал мне с самого моего приезда сюда.

В день летнего солнцестояния он пришел сам. Это день его рождения. Мы зарезали курицу. Вернее, он зарезал и ощипал ее, быстро и сноровисто, как всегда. Мы поели, поговорили о курах и яйцах, о моих поросятах — паре молоденьких глостеров, которых я завела совсем недавно. К зиме

одного можно будет заколоть. Он предложил мне заняться еще и пчелами, о чем я и сама думала, но это уже на следующий год. Начну, пожалуй, с пары ульев.

Я не знала, знает ли он, что это за день, поэтому, когда после еды я налила нам чаю, то задумалась, говорить ему что-нибудь или не стоит. Но он заговорил сам. И сказал:

— Сегодня самый длинный день в году. День моего рождения.

— Да, — ответила я.

— Мне исполнилось двадцать два года. — Он глотнул чаю и добавил: — Хотя иногда я чувствую себя так, как будто мне уже пятьдесят два.

Я думала, он шутит. Он казался таким довольным, совсем не как раньше, и таким же здоровым и ловким, как всегда, если не лучше. Поджарый и мускулистый, он походил на опасную змею.

Я возразила:

— Мне пятьдесят два, а я чувствую себя на двадцать два. — Хотя, правду сказать, я чувствую себя скорее сорокалетней, но здоровой и крепкой сорокалетней.

Он посмотрел на меня своим особенным взглядом, каким смотрел всегда, когда прятал желание расхохотаться. И сказал:

— Не обольщайся; выглядишь ты на шестьдесят два. — Потом все же ухмыльнулся саркастич-

чески и добавил: — Это я еще слишком добр, как обычно.

Он встал, собираясь уходить, и сказал:

— Занялась бы ты упражнениями, побегала бы или поотжималась, что ли. Тебе полезно.

— Да и тебе не помешало бы.

Он повернулся и пошел прочь, потом вдруг остановился, обернулся и добавил:

— Леджер говорил мне, что сущность в земле, и он прав, но она и в нас тоже, и только когда мы соединяем то и другое, мы можем коснуться и сущности, и всех, кто с ней связан. — И добавил, но так тихо, что я не уверена, правильно ли я слышала: — Пропал, но не навсегда.

Утром я его не видела, вечером тоже, то же и на следующий день. Но он часто пропадал где-то по несколько дней кряду, так что я не особо беспокоилась. Однако неделю спустя я все же решила, что надо пойти, проверить, — так, на всякий случай, сама не знаю, какой. Я поднялась по заросшему травой склону и подошла к логову с тыла. Раньше я никогда там не была. Вид оттуда открывается изумительный. Река делает поворот, к ней плавными волнами сбегает холмы, оттенков зеленого вокруг столько, что диву даешься, а плеск воды в реке, пение птиц и шелест листвы звучат, как музыка. Именно это место он нарисовал тогда. А потом я увидела то дерево и поняла, что он сделал.

САЛЛИ ГРИН

Каждый день я хожу туда читать. Читаю ему вслух, как раньше, только теперь это в основном стихи. Я сижу на траве в тени орехового дерева, которое выросло на лугу. Оно не такое, как другие деревья, и стоит отдельно от них; оно не старое, не высокое, но его ствол и ветви покрывают страшные шрамы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Просто не верится, что я все же добралась до конца последней книги моей трилогии. Когда я только начинала работу над ней, перспектива сделаться в один прекрасный день издаваемым автором казалась мне столь недостижимой, что я избегала даже заикаться об этом кому-либо из моих домашних, родных или друзей, и вот, пожалуйста, я сижу и дописываю последний том, который скоро пойдет в печать. Как быстро летит время! И скольких людей я должна благодарить за помощь и поддержку, что постараюсь, по возможности, сделать лично, а здесь упомяну лишь некоторых. Ведь помощь приходила ко мне в разных обликах — от меткого критического замечания опытного редактора до вовремя присланного дружеского твита, но я одинаково признательна за все.

Все время, пока я писала роман, меня поддерживала, поощряла и помогала мне советом целая команда людей. Спасибо Клэр Уилсон из RCW за неизменное спокойствие и уравновешенность;

Бену Хорслену, моему редактору, за его безупречный такт, и всей команде Penguin Random House в Великобритании; Кену Райту и Лейле Сейлз, моим редакторам в Соединенных Штатах; а также всей группе Viking в США. В их лице я хочу поблагодарить также всех редакторов, переводчиков и издателей во всех странах мира.

Особая благодарность дизайнерам, создавшим великолепные обложки для всей серии и особенно для последнего романа, — это Тим Грин из Faceout Studio, Дебора Каплан, Дани Делейни и Джеки Макдонах.

Спасибо и всем поклонникам моей трилогии; я очень рада, что созданный мною мир пришелся вам по нраву. Демиан Глинн, @damog7 в Твиттере, предложил наделить Адель способностью превращать в металл свою кожу. Спасибо тебе, Демиан, и всем остальным, кто поделился со мной своими идеями.

И, наконец, главное: спасибо Инди, которая терпела меня всякий раз, когда я снова занимала компьютер!!!

Стихотворение «Есть луг волшебный...» Джалаледдина Руми взято из сборника The Essential Rumi в переводе на английский Коулмана Баркса.

Слова Леджер «Истины нет, есть только перспектива» кажутся цитатой из Флобера, на самом

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

деле я переиначила афоризм Ницше: «Истины нет, есть лишь восприятие», — и, признаюсь, в таком виде он нравится мне больше.

Изречение «Единственное, что требуется для полной победы зла, это чтобы добрые люди ничего не делали» чаще всего приписывается Эдмунду Берку.

И, наконец, самое последнее — работа над серией о Натане Бирне целых четыре года занимала огромное место в моей жизни и, наверное, навсегда оставит в ней особый след, но теперь я собираюсь писать совсем другую книгу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ВОПРОС ДОВЕРИЯ	9
Часть вторая. НАЙДЕННАЯ ПОЛОВИНА	197
Часть третья. ПОТЕРЯННАЯ ПОЛОВИНА	289

Все права защищены Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

САЛЛИ ГРИН. МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Салли Грин

ПОЛОВИННЫЙ КОД. ТОТ, КТО УМРЕТ

Ответственный редактор *Е. Березина*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Левкин*

Компьютерная верстка *Г. Ражикова*

Корректор *М. Мазалова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндруші «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй

Тел 8 (495) 411-68-86

Тауар белгісі «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушыны
екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1

Тел 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс 8 (727) 251 58 12 вн 107

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 29.06.2016. Формат 80×100 1/32.

Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,74.

Тираж 8000 экз. Заказ 1444/16.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-699-89837-4

9 785699 898374 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г Видное,
Белокаменное ш. д. 1, многоканальный тел. 411-50-74

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales. International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г Видное-2,
Белокаменное ш. д. 1, а/я 5 Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный)

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е
Тел. (812) 365-46-03/04

В Нижнем Новгороде: 603094, г Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза» Тел. (831) 216-15-91 (92/93/94)

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А Тел. (863) 303-62-10

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е»
Тел. (846) 269-66-70

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3
Тел. +7 (383) 289-91-42

В Киеве: ООО «Форс Украина», г Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум»
Тел. +38-044-2909944

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной 8 (800) 444-8-444
Звонок по России бесплатный

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46 Тел. +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел. +7 (495) 745-89-14

САЛЛИ ГРИН

живет на северо-западе Англии.

В 2010 году она начала писать и с тех пор не останавливается.

Один из лучших романов последнего времени в жанре фэнтези!

Publishers Weekly

Натан Бирн снова в бегах!

Охотники наступают,

и ни один черный колдун больше не будет
в безопасности – нигде.

Натан стал более могущественным, чем когда-либо,
но балансирует на грани безумия.

Чтобы защитить Альянс от разрушения,
он должен стать его абсолютным оружием.

А чтобы защитить общество, которое его ненавидит,
он должен рискнуть потерей всего, что любит.

Война, которую не выиграть.

Герой, которого не победить.

Любовь, которая длится вечность.

ISBN 978-5-699-89837-4

9 785699 898374 >